

СОСУЩЕСТВОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП В КАЗАХСТАНЕ

Сосуществование этнических групп в Казахстане

Авторы:

Маркус Кайзер
Бейменбетов Серик
Абдираимова Гульмира
Бурханова Дана
Серикжанова Сабира
Шарипова Дина
Касымова Дидар
Шаповал Юлия

СОДЕРЖАНИЕ

предисловие директора представительства Фонда имени конрада Аденауэра	
в Республике Казахстан	5
Список таблиц и иллюстраций	6
Аннотация	7
Глава 1. Введение	8
Глава 2. Обзор этнического состава населения Казахстана	10
Глава 3. Обзор литературы	14
Глава 4. Институциональные основы для представления интересов	
этнических групп в Казахстане	17
Глава 5. Пояснения к методу исследования	21
Глава 6. Результаты исследования	22
Глава 6.1 Этнические казахи-переселенцы (оралманы)	22
Глава 6.2 Русское население Казахстана	29
Глава 6.3 Узбекское население Казахстана	35
Глава 6.4 Украинское население Казахстана	39
Глава 6.5 Немецкое население Казахстана	45
Глава 6.6 Уйгурское население Казахстана	52
Глава 6.7 Чеченское население Казахстана	57
Глава 7. Обсуждение и рекомендации	65
Глава 8. Заключение	69
Список использованной литературы	70
Информация об авторах	76

ПРЕДИСЛОВИЕ

При общественном развитии государств все более важную роль играют вопросы и политические вызовы, связанные с мирным сосуществованием различных этнических групп. В Германии эта тема стала актуальна не только с притоком почти 900 000 беженцев в 2015 году. Уже много лет у нас ведутся противоречивые дискуссии о том, является ли Германия страной иммигрантов. В связи с тем, что во всем мире увеличиваются миграционные движения, интеграция и взаимодействие этнических групп стали решающим компонентом успешного сосуществования во многих странах.

В 1991 году в Казахстане проживал почти один миллион этнических немцев, около 800 000 из которых на сегодняшний день переселились в Германию. Многие из них смогли очень хорошо интегрироваться. В свою очередь, те 180 000 немцев, которые до сих пор проживают в Казахстане, чувствуют себя тоже достаточно хорошо интегрированными в общественно-политическую жизнь страны. В Казахстане проживают более 100 этнических групп в мире и согласии. Для предотвращения конфликтов в 1995 году была создана Ассамблея народа Казахстана, которая имеет конституционный статус. Тема этнических немцев стала первым важным предметом билатеральных отношений между Германией и Казахстаном, которые в течение 25 лет развиваются стабильно и на доверительной основе.

Следовательно, в условиях растущих вызовов, обусловленных миграцией и политическим воздействием на отдельные группы, Германии и Казахстану более чем целесообразно обмениваться опытом по вопросам совместного проживания этнических групп. В связи с этим Фонд имени Конрада Аденауэра поручил провести данное исследование, изучающее совместное проживание этнических групп в Казахстане.

Я благодарю всех ученых и авторов, принимавших участие в проведении данного исследования. Также я рад подписанию Меморандума о взаимопонимании между Фондом им. Конрада Аденауэра и Ассамблеей народа Казахстана, который способствует длительному сотрудничеству в области миграции и этнических групп.

Астана 2017/18 г. Томас Хельм Директор Представительства Фонда им. Конрада Аденауэра в Казахстане

СПИСОК ТАБЛИЦ

Таблица 1: Этнический состав населения Казахстана, 2016 г.	10
Таблица 2: Состав населения Казахстана во время Советского Союза	11
Таблица 3: Доля оралманов по странам происхождения	23
Таблица 4: Доля оралманов с жильем по регионам	23
Таблица 5: Продолжительность безработицы среди оралманов	25
Таблица 6: Отношение к оралманам в обществе	25
Таблица 7: Доля представителей различных этнических групп в общей	
численности межэтнических браков в Казахстане, %	31
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	
Рисунок 1: Распределение русского населения в Казахстане в 2016 г.	13
Рисунок 2: Конституционные органы Республики Казахстан	18
Рисунок 3: Структура Ассамблеи народа Казахстана	19
Рисунок 4: Центр адаптации для оралманов в г. Актау	24
Рисунок 5: Жилкомплекс «Асар» для оралманов из Узбекистана вблизи г. Шымкент	26
Рисунок 6: Украинская церковь в г. Астана	41
Рисунок 7: Украинский культурный центр «Ватра»	42
Рисунок 8: Украинские газеты в Казахстане	42
Рисунок 9: Украинский культурный центр «Оберег»	44
Рисунок 10: Молодежь немецкой ассоциации «Возрождение» на встрече с директором	
Представительства Фонда им. Конрада Аденауэра в Казахстане господином	
Томасом Хельм в Доме дружбы г. Павлодар	47
Рисунок 11: Директор Представительства Фонда им. Конрада Аденауэра в Казахстане	
господин Томас Хельм на встрече с представителями различных этнических	
групп в Доме дружбы в г. Кызылорда	65

RNJAТОННА

В этом исследовании обобщены результаты опроса о положении этнических групп и состоянии межэтнических отношений в Казахстане, который проводился в период с мая по сентябрь 2017 года Казахстанско-Немецким университетом, Университетом КИМЭП, Казахским национальным университетом имени Аль-Фараби и Евразийским национальным университетом имени Л.Н. Гумилева среди представителей казахского (оралманы), русского, узбекского, украинского, уйгурского, немецкого и чеченского населений в Казахстане. Опрос проводился по поручению Представительства Фонда им. Конрада Аденауэра в Казахстане. Опираясь на результаты опроса, в исследовании будет дана оценка состоянию межэтнического согласия в Казахстане.

ГЛАВА 1: ВВЕДЕНИЕ

Исторически сложилось так, что в прошлом и сегодня многие внутренние конфликты проявляются в форме этнических конфликтов. Это относится к Камбодже, Судану, Руанде и Мьянме, а также к Северной Ирландии, Басконии, Боснии и Герцеговине, Нагорному Карабаху и Молдове. Существование полиэтнических государств представляется особенно уязвимым, когда некоторые представители отдельных этнических групп не отождествляют себя с основным населением государства, а, напротив, считают себя отдельной нацией или же частью другой нации (Schnellbach, 2016). При этом многонациональные государства особенно тогда оказываются на грани конфликта, когда этнические группы находятся в неблагоприятном политическом и экономическом положении и испытывают давление со стороны государства.

Кроме того, стабильность многонационального государства может также оказаться под угрозой, если его собственные этнические группы окажутся объектом травли и мобилизации против других этнических групп посредством влияния и пропаганды извне. Прежде всего, это касается тех многонациональных государств, в составе которых есть этнические группы, для которых существует другая страна, являющаяся для них «внешней родиной», и которая заявляет при этом, что имеет право проявлять заботу о защите прав и интересов своих «соотечественников» (Brubaker, 1995, 2000). Примером здесь может послужить Веймарская республика, которая после Первой мировой войны являлась «внешней родиной» для сотни тысяч этнических немцев, оставшихся на бывших территориях Германского рейха, и которая, как показали события 1930-х годов, считала себя таковой, проявляя особую заботу о защите их прав и интересов. Другим примером может послужить Россия, которая, как показали события в Молдове (Приднестровье), Грузии и совсем недавно в Восточной Украине, позиционирует себя как «внешняя родина» для приблизительно 25 миллионов этнических русских, оставшихся за ее пределами после развала Советского Союза (см. Zevelev, 1996; Kosmarskaya 2011). Оба государства пытались или пытаются использовать присутствие своих соотечественников в качестве повода для вмешательства во внутренние дела другого государства в своих интересах. В обоих случаях истинные причины конфликта лежат в конечном счете не в этнических, а скорее геополитических факторах.

В силу особенной уязвимости многонациональных государств напрашивается необходимость проанализировать положение этнических групп и состояние межэтнических отношений в Казахстане. Как выглядит ситуация в Казахстане? Существуют ли какие-либо параллели между предыдущими примерами и Казахстаном? В конце концов, в Казахстане проживают около 130 национальностей. Особенностью этнического состава Казахстана является то, что этнические русские, которые на сегодня составляют 20,6% всего населения, и являются второй по величине этнической группой, проживают в большинстве своем в северных, приграничных с Россией областях, таких как Западно-Казахстанская, Актюбинская, Костанайская, Северо-Казахстанская, Павлодарская и Восточно-Казахстанская области. При этом в Северо-Казахстанской и Костанайской областях русские наряду с другими славянскими народами, такими как украинцы, белорусы и поляки составляют большинство населения (51,89% и 57,28% соответственно в 2016 году), в то время как этнические казахи насчитывают там всего 34,62% и 39,71% населения соответственно. Данное обстоятельство не раз являлось поводом для некоторых российских политиков, а также некоторой части ее интеллектуальной элиты, заявлять об исконном праве России на эти территории. Например, русский диссидент и писатель Александр Солженицын, который одним их первых описал в своих произведениях ужасы советских трудовых лагерей, в своем эссе «Как нам обустроить Россию», опубликованном впервые в 1990 году в «Комсомольской правде», являющейся одной из самых популярных ежедневных газет Советского Союза, призывал Россию присоединить все неславянские республики, где проживают этнические русские. Будучи лауреатом Нобелевской премии мира, Солженицин призывал к созданию нового славянского государства, которое объединило бы Россию, Украину, Беларусь и часть территории Казахстана, являющимися, по его мнению, исконно русскими (см. Biqq, 2008). В свою очередь президент России Владимир Путин заявил на одной из своих встреч с молодежью в 2014 году, что Казахстан никогда не имел своей государственности, и что нынешний президент Нурсултан Назарбаев построил Казахстан на территории, «где государства ни-

¹ Согласно официальной статистике на 1 января 2016 года в Западно-Казахстанской области проживало 59,37% казахов, в Павлодарской области 50,87%, Акмолинской области 50,4%, Костанайской области 39,71% и в Северо-Казахстанской области 34,62% (https://ru.wikipedia.org/wiki/Haceление_Kaзахстана).

когда не существовало» (цит. в Schlager and Budde, 2014). Подобно Путину высказался также Владимир Жириновский, являющийся основателем Либеральной демократической партии России (ЛДПР) и членом Государственной Думы с 1993 года. На одной из своих встреч с однопартийцами после начала конфликта на Украине он заявил, что Казахстан и его четыре южных соседа должны быть преобразованы в Центрально-Азиатский федеральный округ в составе России. Будучи родом из Алматы, Жириновский далее предложил вернуть городу его прежнее русское название город Верный, каким он был известен при династии Романовых с 1854 по 1921 год (см. Laruelle, 2015: 1).

В исследовании особенное внимание будет уделено следующим вопросам:

- 1. Как этнические группы Казахстана оценивают межэтническую ситуацию в стране?
- 2. Что они думают о государственной политике по нациестроительству?
- 3. Что они думают о существующих политических институтах для представления интересов этнических групп?
- 4. Какие имеются проблемы во взаимоотношениях между различными этническими группами, которые, по их мнению, требуют повышенного внимания со стороны государства?
- 5. Имеются ли признаки влияния других государств на этнические группы в Казахстане?

В данной работе представлены результаты исследования. Исследование является первым после начала конфликта на Украине, где рассматриваются мнения и взгляды самих этнических групп в Казахстане на их положение в стране и на этой основе дается оценка состоянию межэтнических отношений. Данным исследованием Фонд имени Конрада Аденауэра пытается внести свой вклад в предотвращение межэтнического конфликта в стране и развитие мирного сосуществования этнических групп в Казахстане.

Исследование включает в себя семь глав. В следующей главе будет вкратце представлен этнический состав населения Казахстана и его развитие на протяжении последних лет. В главе 3 будут проанализированы существующие институциональные рамки для представления интересов этнических групп в Казахстане. В главе 4 будет дан анализ имеющейся научной литературе по этнической ситуации в Казахстане. В пятой главе будет вкратце представлена методология исследования. В следующей шестой главе будут представлены результаты опросов представителей этнических групп, включенных в настоящее исследование. В седьмой главе будут обобщены результаты исследования и выработаны рекомендации. Наконец, в заключительной главе будет подведен итог проведенному исследованию.

ГЛАВА 2: ОБЗОР ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ КАЗАХСТАНА

Казахстан является многонациональным государством. По данным последней переписи населения 2009 года в Казахстане проживало помимо казахов, которые являются титульной нацией, представители 130 других национальностей. При этом казахи составляют большую часть населения (66,48%). За ними следуют русские (20,61%), узбеки (3,11%), украинцы (1,64%), уйгуры (1,45%), татары (1,15%) и т.д. (см. Таблица 1).

Таблица 1: Этнический состав населения Казахстана

	Кол-во человек		9/	′ o	2016		
Этнические группы	1999	2009	1999	2009	Кол-во человек	%	
Всего:	14981281	16009597	100	100	17670579	100	
Казахи	8011452	10096763	53,5	63,1	11748179	66,48	
Русские	4480675	3793764	29,9	23,7	3644529	20,61	
Узбеки	370765	456997	2,5	2,9	548841	3,11	
Украинцы	547065	333031	3,6	2,1	289724	1,64	
Уйгуры	210377	224713	1,4	1,4	256295	1,45	
Татары	249052	204229	1,7	1,3	202934	1,15	
Немцы	353462	178409	2,4	1,1	181754	1.03	
Корейцы	99944	100385	0,7	0,6	107169	0,61	
Турки	75950	97015	0,5	0,6	107944	0,61	
Азербайджанцы	78325	85292	0,5	0,5	103514	0,59	
Белоруссы	111924	66476	0,7	0,4	58062	0,33	
Дунгане	36945	51944	0,2	0,3	66209	0,37	
Курды	32764	38325	0,2	0,2	43974	0,25	
Таджики	25673	36277	0,2	0,2	44738	0,25	
Поляки	47302	34057	0,3	0,2	31938	0,18	
Чеченцы	31802	31431	0,2	0,2	32695	0,19	
Кыргызы	10925	23274	0,1	0,1	нет данных	нет данных	
Другие этносы	206879	157215	1,4	1,1	185195	1,05	

Источник: Комитет по статистике РК (2010), Перепись населения 2009. Краткий отчет, Астана: 10. Данные за 2016 год были взяты из Wikipedia, https://ru.wikipedia.org/ wiki/Haceлeниe_Kasaxcraha

Многонациональный состав населения Казахстана формировался на протяжении нескольких столетий и был обусловлен рядом исторических причин. Однако самые существенные изменения в этническом составе населения Казахстана произошли во времена царской России и Советского Союза.

Во время царской России территория Казахстана была местом переселения для тысячи беженцев от гражданских войн и репрессий (Olcott, 1995: 83, 90; von Gumppenberg, 2002: 32). Только в период с 1865 года до 1895 года в Казахстан переселились более 35 000 людей, в основном славянской национальности - крестьяне и чиновники, которых привлекали налоговые льготы и выделенные земли (Olcott, 1995: 90; von Gumppenberg, 2002: 32). Среди них были также политически репрессированные. До Октябрьской революции 1917 года из европейской части России в казахские степи переселились в общей сложности 1,6 миллионов людей. Если по данным переписи 1897 года славянские и русские этносы составляли только 15,7%, то в 1916 году их численность выросла до 41,6% в четырех северных областях (Olcott, 1995: 90). Кроме того, в 1881-1883 годах в Казахстан бежали более 50 000 дунган и уйгуров из Синьцзяна, которые спасались от преследований китайских властей после неудавшегося восстания против них (von Gumppenberg, 2002: 32).

Во время Советского Союза (1922-1991 гг.) Казахстан стал жертвой советской национальной политики, которая целенаправленно создавала в Казахстане «лабораторию дружбы народов». Например, в период с 1931 до 1940 года в Казахстан были переселены 509 000 рабочих мигрантов из западной части СССР. В

1930-31 годы в Казахстан приехали около 250 000 человек из России, пострадавших от коллективизации (von Gumppenberg, 2002: 35; Zardykhan, 2004: 65). В конце тридцатых годов в Казахстан были депортированы десятки тысяч немцев из Поволжья, корейцев из Дальнего Востока, а также поляков из Западной Украины и западных областей Белоруссии. В начале 40-х годов, особенно в 1943-44 годах, в Казахстан были депортированы значительное количество «нежелательных» людей. К ним относились северокавказские народности, а именно, карачаевцы, балкарцы, калмыки, чеченцы, ингуши и крымские татары. После упразднения Чечено-Ингушской Автономной Советской Республики (АССР) в марте 1944 года в Казахстан были насильственно выселены около 89 000 чеченских и ингушских семей, общей численностью 406 400 человек (Zardykhan, 2004: 65). Помимо этого в Казахстан были депортированы более 1 миллиона немцев (von Gumppenberg, 2002: 35). После завершения Второй мировой войны около 2 миллионов людей, преимущественно из европейской части Советского Союза, переехали в Казахстан в связи с кампанией по освоению целины, которая была инициирована в 1954-м году первым секретарем Коммунистической партии Никитой Хрущевым (von Gumppenberg, 2002: 35).

Насильственное переселение представителей не казахской национальности в Казахстан привело к радикальному сокращению доли казахов в общей численности населения. За период с 1926 по 1939 годы численность казахов уменьшилась на 20,5%, а численность русских выросла на 20%. Сокращение численности этнических казахов в это время было также обусловлено гибелью около 1,75 миллиона казахов вследствие коллективизации и принудительного принуждения казахов к осёдлому образу жизни в 1930-е годы (von Gumppenberg, 2002: 41; Olcott, 1995: 184). По данным переписи населения 1959 года доля казахов составляла только 30%, в то время как русские составляли большинство населения, насчитывая 42,7% (Zardykhan, 2004: 66). (см. Таблица 2)

Таблица 2: Состав население Казахстана во время Советского Союза

	1959	1959			1979	1979		
Этносы	Количество	%	Количество	%	Количество	%		
	человек		человек		человек			
Всего	9294741	100	13008726	100	14684283	100		
Казахи	2787309	30,0	4234166	32,6	5289349	36,0		
Русские	3972042	42,7	5521917	42,4	5991205	40,8		
Немцы	658698	7,1	858077	6,6	900207	6,1		
Украинцы	761432	8,2	933461	7,2	897964	6,1		
Татары	191680	2,1	287712	2,2	313460	2,1		
Узбеки	135932	1,5	216340	1,7	263295	1,8		
Белорусы	107348	1,2	198275	1,5	181491	1,2		
Уйгуры	59840	0,6	120881	0,9	147943	1,0		
Корейцы	74019	0,8	81598	0,6	91984	0,6		
Дунгане	9980	0,1	17284	0,1	22491	0,2		
Другие этносы	536461	5,7	539015	4,2	584894	4,1		

Источник: Martha Brill Olcott (1995): The Kazakhs, 2 Ausgabe, Stanford: Stanford University Press, Appendix 1

И только в 1970-е годы количественное соотношение казахов и русских начало меняться в пользу казахов. Причиной этому были более высокий естественный прирост среди казахских семей и возросшая миграция между республиками (Zardykhan, 2004: 66). В 1970-е годы среднее количество детей, не достигших 18 лет, в казахской семье было равно 5,7, тогда как на одну русскую семью приходилось 3,8 детей. Разница в количестве детей на одну семью привело к тому, что с 1978 года по 1989 год численность казахов возросла на 23,5%, в то время как доля русского населения сократилось на 3,9% (Zardykhan, 2004: 66).

Однако существенное увеличение доли казахов в этническом составе произошло в 1990-е годы. Этому способствовали с одной стороны массовая эмиграция этнических русских из Казахстана и с другой стороны крупномасштабное возвращение этнических казахов на свою историческую родину.

Что касается эмиграции этнических русских, то по данным ПРООН только в период с 1991 года по 2004 годы из Казахстана переселились более 3 154 400 людей (UNDP, 2006: 9). Среди них около 2 миллионов

русских или 12% населения покинули страну (Cerny, 2010: 222). Наивысший показатель в эмиграции русских был достигнут в период между 1994 и 1996 годах, когда почти 1,8 миллионов этнических русских покинули Казахстан. По мнению многих наблюдателей, основной причиной выезда этнических русских из Казахстана в 1990-е годы было однако не ухудшение межэтнических отношений между казахами и русскими или их экономическая эксплуатация (Lee, 2002: 43; Zadyrkhan, 2004: 76; Peyrouse, 2008; 3-4). Многократные исследования указывают на то, что основной причиной эмиграции русских в 1990-е годы были скорее семейные обстоятельства и смена места работы, в то время как только малая процентная доля среди них отметили «ухудшение межэтнических отношений» в качестве причины переезда (Lee, 2002: 43; Peyrouse, 2008: 6). В 2000-е годы однако настроение среди русских эмигрантов изменилось, и многие из них в качестве основного фактора переезда отметили «ожидание ухудшения их политического и культурного статуса после получения казахским языком статуса государственного языка и сопутствующего опасения, что их дети вырастут «второсортными гражданами». (Вhavna, 2007: 128 [собственный перевод]).

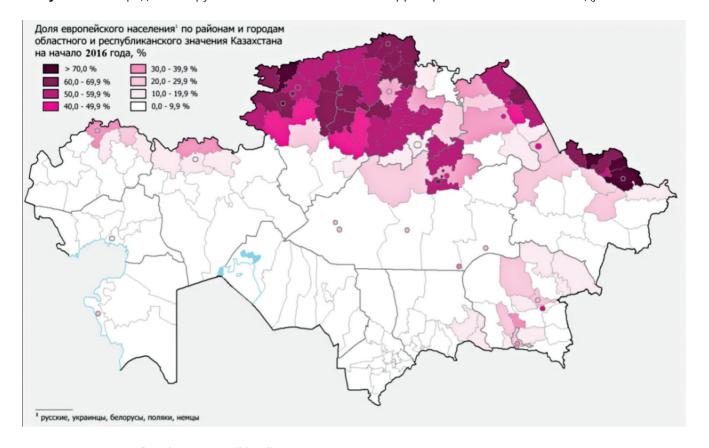
С другой стороны поддерживаемое с 1991 года государством возвращение этнических казахов на родину способствовало количественному росту казахского населения. В момент получения независимости около 5 миллионов этнических казахов жили за пределами Казахстана, разбросанные в более чем 40 странах мира, с наибольшим количеством в Узбекистане (1,5 миллионов), Китае (1,5 миллионов), России (1 миллион), Туркменистане (100 тысяч), Монголии (130 тысяч), Киргизии (45 тысяч), Турции (10 тысяч), Афганистане (440 тысяч)² и Иране (15 тысяч) (UNDP, 2006: 9; Кизси, 2008: 38). Многие из них были потомками казахских семьей, которые бежали из страны в 1930-е годы, чтобы избежать голодомора и коллективизации. Сразу после получения независимости в 1991 году казахское правительство призвало этнических казахов, живущих за рубежом, вернуться на свою историческую родину. При этом правительство ожидало, что возвращение этнических казахов восполнит массовую эмиграцию русской рабочей силы и возродит национальную культуру и язык, которые сильно пострадали из-за политики русификации во времена Царской России и Советского Союза (Кизси, 2008: 39-40). В общей сложности до августа 2016 года в Казахстан переехали около 267 944 семей или 972 719 этнических казахов. Их официально называют *«оралманами»* (русск.: возвращенцы) (см. главу 6.1).

Несмотря на демографическую динамику и старания правительства увеличить количество этнических казахов, в Казахстане продолжает наблюдаться ситуация, когда большинство этнических русских проживает преимущественно в северных областях (Западно-Казахстанская, Актюбинская, Костанайская, Северо-Казахстанская, Павлодарская и Восточно-Казахстанская области), которые граничат вдоль 7000-километровой границы с Россией. При этом в Северо-Казахстанской и Костанайской областях русские наряду с другими славянскими народами, такими как украинцы, белорусы и поляки составляют большинство населения (51,89% и 57,28% соответственно в 2016 году), в то время как доля этнических казахов в этих двух областях составляет всего 34,62% и 39,71% населения соответственно. (Рисунок 1)

² По данным Ассамблеи народа Казахстана данная цифра превосходит действительное количество этнических казахов в Афганистане в 10 раз.

Рисунок 1: Распределение русскоязычного населения на территории Казахстана в 2016 году

Источник: Википедия, https://ru.wikipedia.org

Неравномерное распределение этнических групп и прежде всего тот факт, что этнические русские в большинстве своем проживают в северных, приграничных с Россией областях, зачастую являлось предметом различных мнений и прогнозов относительно возможности возникновения межэтнического конфликта на территории Казахстана. Научная литература по этому вопросу достаточно обширна. В следующей главе мы кратко представим обзор имеющейся научной литературы по этому вопросу. Из этого обзора станет видно, что уже известно по теме нашего исследования, и какие аргументы выдвигались ранее. После этого мы дадим краткий анализ политическим институтам, которые призваны представлять интересы этнических групп в Казахстане (глава 4).

ГЛАВА 3: ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

На сегодня имеется достаточное количество научной литературы, посвященной проблемам этнических групп и межэтнических отношений в Казахстане (Bremmer, 1994; Kaiser und Chinn, 1995; Bremmer und Welt, 1995; Bremmer und Welt, 1996; Nourzhanov und Saikal, 1994; Davis und Sabol, 1998). Принимая во внимание полиэтнический состав населения Казахстана и его неравномерное расселение, при этом особенное внимание уделялось вопросу о вероятности русского ирредентизма и сепаратизма в северных областях страны. В 1990-е гг. многие наблюдатели склонялись к мнению, что межэтнический конфликт в Казахстане не является невозможным. Иэн Бреммер, например, в его работе о государственной политике нациестроительства на севере страны, где в 1990-х гг. представители русского населения составляли большинство, в вопросе о перспективах сохранения межнационального мира там был настроен крайне пессимистически и считал возможным возникновение насильственного конфликта между казахским и русским населением (Bremmer, 1994: 632). Среди факторов, способствовавших этому, он называет государственную языковую политику, которая среди прочего требовала знание казахского языка при приеме на государственную службу и поэтому наталкивалась на сильное сопротивление среди русского населения, целенаправленное предпочтение этнических казахов при назначении на ключевые должности в администрации, а также государственную политику переселения этнических казахов из-за рубежа в северные регионы (Bremmer, 1994: 620-622; auch Bremmer & Welt, 1995; Bremmer & Welt, 1996). В свою очередь Кирил Нуржанов и Амин Сайкал также придерживались мнения, что межнациональный мир в Казахстане в 1990-е гг. находился под угрозой. На фоне ухудшения экономической ситуации и незрелых демократических политических институтов они не исключали обострения межэтнических отношений, прежде всего между казахами и русскими (Nourzhanov und Saikal, 1994: 227). Похожим образом Сью Дэвис и Стивен Сэбол предрекали в своей работе, что русская община Казахстана "очень вероятно мобилизуется политически, чтобы сохранить и расширить свои права и привилегии в пределах казахского государства" (Davis und Sabol, 1998: 488 [собственный перевод]).

Среди наблюдателей социально-политического развития Казахстана в 1990-х гг. были лишь немногие, кто был настроен менее пессимистично. Пол Колсто, например, в своем анализе национального строительства в Казахстане в 1990-х годах и дискуссий вокруг этого процесса, пришел к выводу, что в действительности у русского населения в северных областях страны существует мало причин для этнической мобилизации (Kolsto, 1998: 64). В частности, он указал на демографические факторы, которые в девяностые годы повернулись в пользу казахов, в том числе в северных областях страны, благодаря высоким темпам роста рождаемости среди казахов и эмиграции русского населения, а также сильного доминирования интеграционного дискурса как на государственном уровне, так и среди ученых и в средствах массовой информации, в котором отмечалась важность сохранения межнационального согласия в обществе. Подобно Колсто, Нил Мелвин пришел к выводу, что "это весьма ошибочно рассматривать этническую политику [в Казахстане] по отношению к русским как угнетенной общины, которая поднимается против коренного населения, господствующих над ними. Не только этническая политика является чрезвычайно сложной, но и утверждение далеко от истины, что этнические русские имеют сильную русскую идентичность, и что они хотят, чтобы Россия их защитила" (Melvin, 1993: 210 [собственный перевод]).

Если в 1990-е гг. научная литература была настроена преимущественно пессимистично относительно перспектив мирного сосуществования этносов в Казахстане, более поздняя литература стремилась быть более осторожнее в своих прогнозах (Schatz, 2000; Surucu, 2002; Zardykhan, 2004; Bhavna, 2007; Peyrouse, 2007; 2008). Благодаря тому, что межнациональный конфликт, который предрекался многими наблюдателями в 1990-е гг., вопреки прогнозам не случился, а также благодаря экономическим успехам страны, в особенности в 2000-е годы, когда ВВП страны увеличился в 500 раз (см. Halbach, 2008: 7), оценки состояния межнациональной ситуации в Казахстане в эти годы были менее пессимистичными. Эдвард Шатц, например, утверждал, что правительству Казахстана удалось наряду с построением консенсуса и запугивания этнических групп выстроить такие дискурсивные рамки, которые он обозначил как «интернационализм с этническим лицом», которые в конце концов успокоили многие этнические группы в стране (Schatz, 2000: 77-78). В сущности, речь при этом шла о том, чтобы представить правительство Казахстана единственным гарантом

межнационального мира как внутри страны так и извне, а также представить существующие институты, прежде всего этнокультурные центры и Ассамблею народа Казахстана, как истинных представителей интересов этнических групп. Согласно Шатц, данная модель показала себя до сих пор успешной, потому что она опиралась на традиционную советскую модель интернационализма и поэтому была знакома многим этносам. В то же время он предостерегает от поспешного оптимизма, так как, по его мнению, это развитие шло рука об руку с сильной «казахизацией» всех сфер общественно-политической жизни страны в ущерб другим этносам (Schatz, 2000: 84; также Surucu, 2002). Бхавна Дэйв в свой книге тоже выдвинула тезис, что опасения по поводу возможного межэтнического конфликта в Казахстане скорее являются необоснованными. В доказательство она привела различные факторы, которые, по ее мнению, существенно деполитизировали национальный вопрос в Казахстане (Bhavna, 2007: 101; также Zardykhan, 2004: 78; Peyrouse, 2007: 498; 2008: 10). В их числе были, к примеру, массовая эмиграция русского населения, языковая политика и территориальная реструктуризация отдельных административных районов на протяжении 1990-х гг. (Bhavna, 2007: 101-130). Что касается территориальной реформы, к примеру, правительство страны соединило северные регионы страны, где русские представляли большинство, с регионами с преимущественно казахским населением. Например, Жезказганская область, население которого на 49% составляют казахи, была объединена с соседней Карагандинской областью, в которой славянское население формировало 63% населения. Как утверждает Дэйв, данная реорганизация территориально-административного деления страны сильно повлияла на регионы с русским доминированием за счет увеличения доли этнических казахов, и, таким образом, значительно снизила потенциал сецессионистких притязаний (Bhavna, 2007: 123).

Начало конфликта в Украине в 2014 г. вновь вызвало научный интерес к межнациональной ситуации в Казахстане (см. напр. Diener, 2015; Laruelle, 2016). Тем не менее, в последних работах бросается в глаза то, что среди наблюдателей нет единого мнения по вопросу потенциального русского сепаратизма и ирредентизма на севере страны. Александр Динер, к примеру, придерживается той точки зрения, что в отношении межнациональных отношений своеобразным «толчком» могли бы стать «возраст Назарбаева (74) и тот масштаб, в котором ему приписывается поддержание социальных отношений в стране» (Diener, 2015: 484 [собственный перевод]). Согласно Динеру, отсутствие четкого плана преемственности и возможность того, что после его ухода к власти придут казахские националисты, могут вызвать дополнительные опасения русского населения на севере страны. Как утверждает Динер, если текущие экономические проблемы (такие как девальвация национальной валюты тенге, рост безработицы и замедление роста промышленности в связи с российскими санкциями) продолжат существовать или ухудшатся еще дальше, то «националистические тенденции как среди русских, так и среди казахов могут сохраниться. Не впадая в панику, можно быть достаточно уверенным, что вероятность толчка не является маловероятным» (Diener, 2015: 484 [собственный перевод]). В отличие от Динера, Марлен Ларюэль пытается опровергнуть такие взгляды и, напротив, называет несколько факторов, которые, по ее мнению, обеспечивают мирное сосуществование разных национальностей в Казахстане. Согласно Ларюэль, это менее вероятно, что этнические русские в Казахстане решатся на ирредентизм. По ее словам, это обусловлено рядом факторов, например таких как низкий уровень активности среди русского населения, демографическое и экономическое неравенство в северных областях, которые изменились в 1990-е гг. в пользу этнических казахов и, таким образом, превратили русское население в меньшинство, а также очевидная сильная лояльность руководства Казахстана к руководству России (Laruelle, 2016: 10-11). По ее словам, все эти факторы исключают вероятность возникновения конфликта между казахами и русскими по украинскому сценарию. Подобную точку зрения высказывает также Джошуа Кучера. На примере ситуации этнических русских в Петропавловске - городе на границе с Россией на севере страны, он утверждает, что у этнических русских там нет причин для беспокойства, и что они чувствуют себя достаточно хорошо интегрированными: «Существует широко распространенное мнение среди русских жителей города (по оценкам, 70 процентов населения), что земля исторически принадлежит казахам, и они ценят нынешнее руководство страны за его усилия по защите прав русских» (Kucera, 2014 [собственный перевод]). С другой стороны, он предупреждает о возрастающей «казахизации» государственной службы, которая усложняет трудоустройство на работу для этнических русских. Вместе с этим, он упоминает об опасениях среди русского населения города, что произойдет с ними после ухода Назарбаева.

Благодаря краткому обзору литературы можно сделать следующие выводы, которые представляют важность для нашего последующего анализа. Во-первых, обзор литературы показал, что теме межэтнических отношений в Казахстане было уделено достаточно большое внимание в научной литературе в прошлом. В

особенности проблемы межэтнических отношений между казахами и русскими нашли достаточно глубокое освещение в литературе. Не раз указывалось на факторы, которые способны разжечь межнациональный конфликт. Также назывались факторы, с помощью которых такой конфликт был успешно предупрежден. Во-вторых, обзор литературы показал, что большинство работ в прошлом фокусировались преимущественно на положение русских в Казахстане, не принимая во внимание положение других национальных групп в стране. За некоторыми исключениями, до сих пор нет литературы, где бы освещалась ситуация других этнических групп в стране (Diener, 2006; Oka, 2011). Нацуко Ока, например, предлагает интересный анализ ситуации узбекской общины в Казахстане, которая образует вторую по величине этническую группу после русских и проживает преимущественно в Южно-Казахстанской области недалеко от узбекской границы. Она приходит к выводу, что узбеки в значительной степени кооптированы государством и скорее склонны проявлять лояльность по отношению к нему (Oka, 2011: 13). В свою очередь, Александр Динер предлагает взгляд на ситуацию немецкого и корейского населения в Казахстане и делает вывод, что многие из них относительно хорошо интегрированы и скорее чувствуют себя в Казахстане как дома (Diener, 2006: 221). Наличие небольшого количества работ о положении других этнических групп в Казахстане требует дальнейших исследований. В-третьих, обзор литературы показал, что существует достаточно малое количество работ, посвященных анализу институциональных предпосылок для сохранения межнационального мира в стране. Прежде всего, речь тут идет о роли Ассамблеи народа Казахстана и различных этнокультурных центров в деле поддержания межэтнического согласия в обществе. За некоторыми исключениями, на данную тему до сих пор нет заслуживающих упоминания работ (см. Laruelle, 2016).

Принимая во внимание все эти замечания, данное исследование пытается внести свой вклад в научное познание этнической ситуации и состояния межэтнического мира в стране. В данном исследовании будут представлены мнения и взгляды самих национальных групп об их положении в стране, состоянии межэтнических отношений и роли политических институтов, таких как Ассамблеи народа Казахстана и этнокультурных центров, в представлении их интересов. На этой основе в конце будет сделана попытка оценить состояние межэтнического мира в Казахстане. Это будет сделано в главах 6 и 7. Прежде мы хотим вкратце остановиться на политических институтах, призванных представлять интересы этнических групп в Казахстане. Это будет сделано в следующей главе.

ГЛАВА 4: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ДЛЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИНТЕРЕСОВ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП В КАЗАХСТАНЕ

В научной литературе не раз отмечалось, что в многонациональном государстве должны присутствовать конституционные и институциональные предпосылки для соблюдения и защиты прав национальных и этнических групп и предоставления им возможности, участвовать в политической жизни. По мнению авторов, таким образом, снижается риск возникновения межэтнических конфликтов, в то время как национальные меньшинства в свою очередь будут рассматривать государство легитимным и смогут легче интегрироваться в общественную и социально-политическую жизнь страны. В западных демократиях существуют различные институциональные и процедуральные механизмы для решения вопросов мультикультурного и полиэтнического общества, такие как пропорциональное представительство в парламенте и правительстве, многопартийная система, федеральные структуры и так далее (напр. Lijphart, 1977: Глава 1). Каждый из названных механизмов дает возможность представителям различных этнических групп равным образом участвовать в принятии политических решений и в социально-политической жизни.

В Казахстане еще не создана консолидированная демократия. В отличие от некоторых западных демократий его демократические институты находятся на стадии формирования. Несмотря на это, правительство Казахстана со дня получения независимости постоянно ведет работу по созданию конституционных и институциональных основ для соблюдения и защиты политических прав этнических групп и для их участия в социально-политической жизни страны. По мнению многих наблюдателей, Казахстан находится «официально на пути построения полиэтнического гражданского общества» (Jiri and Adibaeva, 2013: 266 [собственный перевод]; см. также Jones, 2010; Beacháin & Kevlihan, 2013).

Согласно Конституции Казахстана 1995 года четких прав этнические группы не имеют. Они обладают лишь культурными правами, но не территориальными (von Gumppenberg, 2002: 104). Этим подразумевается, что национальные меньшинства в Казахстане имеют только индивидуальные и коллективные права, направленные на сохранение их идентичности, таких как, например, право на пользование родным языком и культурой, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества (Ст.19 (2)). В свою очередь права на создание политических объединений по этническим признакам или права на территориальную автономию категорически запрещены (Ст. 5(3)).

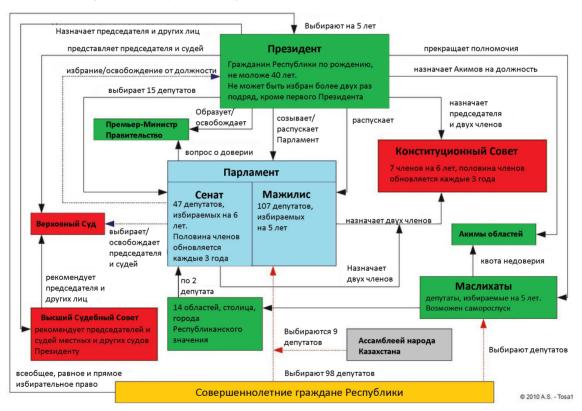
Принцип культурной автономии был реализован правительством Казахстана еще в 1991 через создание национальных культурных объединений (von Gumppenberg, 2002: 104). Этим правительство преследовало цель поддержать «национальное возрождение» народов Казахстана. По мнению Нурсултана Назарбаева, национальные культурные объединения должны «формировать сердце для сохранения национального самосознания и стать организационным механизмом для поддержания и развития национальных традиций, культур и самобытной духовности наций и национальных групп». Также они должны «взять инициативу в свои руки, чтобы сохранить согласие среди людей не только разных национальностей, но также и разных конфессий». (цит. в Schatz, 2000: 81 [собственный перевод]).

На сегодняшний день в Казахстане существуют около 1338 этнокультурных объединений (именуемые также этнокультурными центрами), которые работают как на региональном уровне, так и в городах (согласно данным Ассамблеи народа Казахстана). В сущности, этнокультурные объединения являются основными носителями этнокультурного самоуправления и являются негосударственными учреждениями, которые до последнего времени занимались лишь вопросами развития и сохранения культуры и языка отдельных этносов (Schatz, 2000: 81; Eschment, 2011: 136). Для того чтобы представлять свои «национальные интересы» этнокультурные центры посылают своих представителей в специальные государственные учреждения, так называемые «ассамблеи народа» на региональном уровне, которые, в свою очередь, назначают делегатов для всеобщей Ассамблеи народа Казахстана. Право назначать делегатов в депутаты Ассамблеи лежит при этом на президенте (Eschment, 2011: 136).

Ассамблея *народа* Казахстана (до 2007 года Ассамблея *народов* Казахстана) была создана Указом президента Нурсултана Назарбаева от 1 марта 1995 года. По словам фон Гумппенберг, целью ее создания являлось взять культурные центры под эгиду правительства и тем самым противодействать негативным проявлениям

этнокультурного самоуправления (von Gumppenberg, 2002: 105). Изменение названия ассамблеи в 2007 году (с Ассамблеи народов в Ассамблею народа Казахстана) должно было, прежде всего, символизировать единство народа Казахстана, несмотря на его этническое разнообразие (von Gumppenberg, 2002: 105-106). Ассамблея народа Казахстана является совещательным органом и подчиняется президенту Республики Казахстан. Деятельность Ассамблеи народа Казахстана направлена на разработку проектов законов и реализацию государственной национальной политики в сфере межэтнических отношений, обеспечение общественно-политической стабильности в республике и повышение эффективности взаимодействия государственных и гражданских институтов. В мае 2007 года были внесены изменения в Конституцию Республики Казахстан, после которых Ассамблея народа Казахстана приобрела статус конституционного органа (см. рисунок 2 внизу). Ассамблея получила право избирать 9 депутатов Мажилиса Парламента из своих рядов, что повысило ее общественно-политическую значимость. 20 октября 2008 года президентом Республики Казахстан был подписал Закон Республики Казахстан «Об Ассамблее народа Казахстана», согласно которому она стала полноценным субъектом политической системы страны, а также были определены правовые основы, регламентирующие ее жизнедеятельность. Согласно Статье 3 Закона главной задачей Ассамблеи является «обеспечение межэтнического согласия в Республике Казахстан в процессе формирования казахстанской гражданской идентичности и конкурентоспособной нации на основе казахстанского патриотизма, (...).» (Закон Республики Казахстан от 20 октября 2008 года № 70-IV). Также Ассамблея получила право осуществлять мониторинг за состоянием межэтнических отношений, не допускать их политизации и поддерживать диалог между различными культурами (von Gumppenberg, 2002: 107).

Рисунок 2: Конституционные органы Республики Казахстан

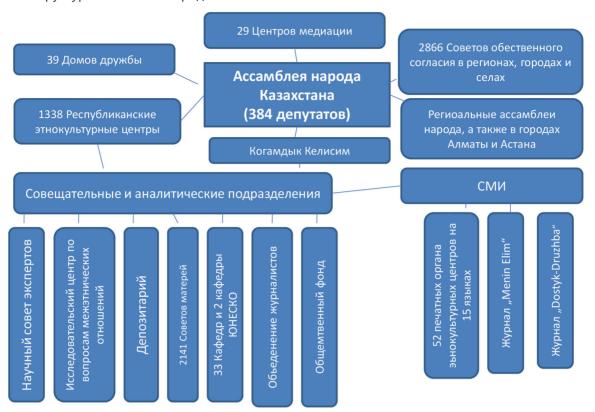

Источник: Wikimedia Commons, the free media repository, https://commons.wikimedia.org /wiki/File:Verfassungsorgane_der_Republik_Kasachstan.JPG

Со времени ее основания Ассамблея народа Казахстана стала уникальным совещательным и политическим органом в Казахстане, который включает в себя 384 делегатов от малых ассамблей на уровне областей и этнокультурных объединений. Она подразделяется на множество организаций и подразделений областного, районного, городского и сельского значения, которые работают под ее руководством (Калашникова, 2015: 297) (Рисунок 3).

Рисунок 3: Структура Ассамблеи народа Казахстана

Источник: Собственная иллюстрация

Этими учреждениями являются, с одной стороны, республиканское государственное учреждение «Когамдык Келисим» при Президенте Республики Казахстан, которое отвечает за административное и организационное управление работой Ассамблеи. Помимо всего прочего, оно предоставляет информационные и консультационные услуги для Ассамблеи, организует ее заседания и координирует работу этнокультурных центров. Кроме того, существует 39 «Домов дружбы», которые поддерживают работу этнокультурных центров и сопровождают работу этнических воскресных школ. Кроме того, сюда принадлежат 2866 Советов общественного согласия, которые имеют свои представительства почти во всех городах и регионах, и отвечают за развитие толерантности среди этнических групп. Кроме того, к Ассамблее относятся также 2141 Советов матерей и молодежное движение «Жарасым», которые занимаются вопросами развития толерантности в семьях и среди молодежи. Также к Ассамблее относятся некоторые научные организации, такие как Научный совет экспертов, который разрабатывает методологические пособия и проекты, призванные содействовать развитию национальной гармонии в стране, и представляет их Ассамблее для обсуждения. Кроме того, имеются научные группы экспертов, занимающиеся вопросами межэтнической толерантности на базе учебных заведений, а также исследовательский центр по межэтнической толерантности и межрелигиозным отношениям при Президенте, который предлагает курсы непрерывного образования и переподготовки для служащих, журналистов и экспертов. Также заслуживают внимания научный архив Ассамблеи, который размещается в национальной библиотеке в городе Астана, 33 кафедр и 2 кафедры ЮНЕСКО по вопросам толерантности при некоторых университетах, а также экспертная ассоциация журналистов, которая отвечает за разработку направляющих принципов для освещения вопросов национального единства в средствах массовой информации. По официальным данным, в Ассамблее и ее отдельных учреждениях задействованы около 155 000 человек (Калашникова, 2015: 297-298; по данным Ассамблеи народа Казахстана).

В научной литературе дается различная оценка роли Ассамблеи народа Казахстана. Одни хвалят ее работу (напр. Калашникова, 2015; Kaiser, 2014; Kaiser, 2015); другие, напротив, скорее критикуют ее деятельность (напр. von Gumppenberg, 2002; Schatz, 2000; Laruelle, 2016). Наталья Калашникова, например, характеризует Ассамблею народа Казахстана «как инновативную модель представления интересов всех граждан, которая охватывает целый народ, а также успешный инструмент реализации государственных программ для

консолидации единства народов Казахстана» (Калашникова, 2015: 299). Этого же мнения придерживается Маркус Кайзер, который считает, что Ассамблея народа Казахстана сыграла решающую роль в создании полиэтнического гражданского общества (Kaiser, 2015a: 4; также Kaiser, 20156: 30). Авторы указывают на консолидирующую роль Ассамблеи, которая играет важную роль в разработке предложений по государственной политике в области поддержки межэтнической и межконфессиональной гармонии, сохранения межкультурного разнообразия и взаимопонимания между этническими группами и формирования казахстанской идентичности (см. Jones, 2010: 165-166).

Критики Ассамблеи упрекают ее в сильной зависимости и недостатке политической компетенции (например, Schatz, 2000, Gumppenberg 2002, Eschment, 2011, Laruelle, 2015). Например, по словам Марлен Ларуэль, учреждение сильно кооптировано властями, вследствие чего оно стало контролируемым инструментом для того, чтобы поддерживать государственную власть и ее многочисленные инициативы по внесению изменений в конституцию (Laruelle, 2015: 118). Аналогичного мнения придерживается Беате Эшмент, которая считает, что Ассамблея народа «никогда не была сторонником интересов национальностей, а скорее выступала сценой для провозглашения политических решений и успехов руководства страны» (Eschment, 2011: 136 [собственный перевод]). Кроме того, критике подвергается процедура по выдвижению кандидатов в Мажилис. Прежде всего наблюдатели критикуют тот факт, что кандидаты в Мажилис назначаются лично президентом (Laruelle, 2015, von Gumppenberg, 2002). Несмотря на то, что правительство всегда отвечало на это замечание тем, что благодаря этой процедуре представители всех этнических групп имеют возможность быть представленными в парламенте, некоторые критики считают, что правительство таким образом просто стремится сформировать единомышленников среди этнических групп. В настоящее время членами парламента от Ассамблеи являются представители уйгурской, украинской, немецкой, русской, белорусской, балкарской и корейской национальных общин (Капитал, 21 марта 2016 года). Наконец, Ассамблею критикуют за недостаток политической компетенции. По словам Ларюэль, Ассамблея не играет решающей роли в принятии политических решений и занимается исключительно фольклорной работой «такой, как дни славянской культуры, армянской музыки, татарской хоральной и корейской кухни», в то время как «дискуссии по политизированным темам, таким как представление меньшинств в политической жизни и высокие издержки («эшелоны») национальной экономики полностью исключены из интересов Ассамблеи» (Laruelle, 2015: 119 [собственный перевод]). В силу этих причин некоторые наблюдатели иногда ставят под сомнение способность Ассамблеи сохранить общественную стабильность в стране. По словам Мари-Карин фон Гумппенберг, Ассамблея народа сможет лишь только тогда выполнять свою юридическую функцию как общественный стабилизирующий орган, если окажется «мощным инструментом решения межэтнических проблем и конфликтов, и не позволит использовать себя в качестве марионетки государственных интересов» (Gumppenberg, 2002: 108, также Schatz, 2000: 81-82 [собственный перевод]).

На фоне таких противоречивых заявлений о роли Ассамблеи народа Казахстана, по наш взгляд, более верным будет замечание сделать работу и структуру Ассамблеи более прозрачной. По мнению авторов исследования, структура Ассамблеи народа очень сильно бюрократизирована, с огромным количеством органов и учреждений, которые нередко дублируют друг друга. В качестве иллюстрации можно привести роль Советов общественного согласия на региональном, городском и сельском уровнях и Региональных национальных Ассамблей. Вполне очевидно, что оба органа отвечают за установление и поддержание согласия между этническими группами. Тем не менее, разделение полномочий между двумя органами, а также каким образом проходят выборы их членов, равно как и их подотчетность, остаются до сих пор неясными. Наконец, более четких положений требует право на назначение кандидатов в Мажилис.

ГЛАВА 5: ПОЯСНЕНИЯ К МЕТОДУ ИССЛЕДОВАНИЯ

Данное исследование содержит результаты опросов мнений представителей отдельных этнических групп в Казахстане о положении их этнической группы, состоянии межэтнических взаимоотношений в стране, а также роли Ассамблеи народа Казахстана и этнокультурных центров в отправлении их интересов. Опрос проводился в период с май по сентябрь 2017 года среди представителей казахской (оралманы), русской, узбекской, украинской, немецкой, уйгурской и чеченской общин в нескольких городах и селах Казахстана. Участников опроса выбирали по методу «снежного кома». Во время интервью респондентов просили назвать других информантов, которые могли бы предоставить дополнительную информацию по теме исследования. Этот метод выборки был выбран потому, что исследовательские группы не имели изначально достаточного доступа к целевым группам. Опросы включали в себя серию открытых и закрытых вопросов, направленных на качественное измерение конфликтного потенциала на уровне отдельных этнических групп (микро-уровень), посреднических институтов (НПО и т. д.) (мезо-уровень) и на уровне политических руководителей и государственных учреждений (макро-уровень). В частности, мы сосредоточились на следующих измерениях:

- общая информация об этнической группе;
- существующие конфликты во взаимоотношениях между этническими группами;
- участие в общественной жизни страны на разных уровнях;
- оценка межэтнических отношений и политики в Казахстане;
- институциональное представительство этнической группы.

Исследование также опиралось на анализ вторичных данных, таких как научные статьи в печатной и электронной форме, газетные отчеты и брошюры.

ГЛАВА 6: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В этой главе представлены результаты опросов среди представителей отдельных этнических групп в Казахстане. В главе отображены взгляды и мнения этнических групп на этническую ситуацию и состояние межэтнических отношений в стране, а также роль Ассамблеи народа Казахстана и этнокультурных центров.

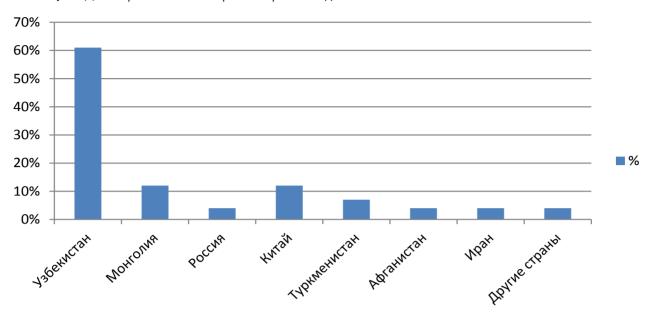
ГЛАВА 6.1: ЭТНИЧЕСКИЕ КАЗАХИ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ (ОРАЛМАНЫ)

Этнические казахи-переселенцы (официально именуемые «оралманы» от казахского слова «оралу» или «вернуться») были включены в исследование по ряду причин: во-первых, они принадлежат к числу мигрантов, которые вернулись в Казахстан только после получения страной независимости в 1991 году. Как уже упоминалось в начале, к моменту независимости около 5 миллионов этнических казахов проживали за пределами Казахстана, в более чем 40 странах мира. Среди них самое наибольшее количество казахов проживало в Узбекистане (1,5 миллиона), Китае (1,5 миллиона), России (1 миллион), Монголии (130 000), Афганистане (440 000)³, Туркменистане (100 000), Кыргызстане (45 000), Иране (15 000) и Турции (10 000) (ПРООН, 2006: 9; Киscu, 2008: 38). Большинство этих казахов являются потомками тех казахских семей, которые бежали из страны в начале 20-го века из страха перед коллективизацией, принудительной экспроприацией имущества и голодом (Kuscu, 2011: 37; Ока, 2013: 4). После получения независимости государства в 1991 году правительство Казахстана обратилось к своим соотечественникам за рубежом вернуться на свою «историческую родину». Возвращением этнических казахов правительство рассчитывало, с одной стороны, компенсировать потери населения, вызванные эмиграцией большого числа неказахского населения в начале 1990-х годов, и, с другой стороны, увеличить численность этнических казахов в рамках политики по нациестроительству (Кuscu, 2008: 91). Иммиграция осуществляется в соответствии с системой квот, устанавливаемой ежегодно правительством. Экономические, социальные и финансовые потребности отдельных регионов страны, куда распределяются этнические казахи, являются при этом определяющими для определения уровня квоты. Важно отметить, что включение в квоту дает право мигрантам получать ряд социальных пособий, включая финансовую поддержку для приобретения земли и жилья, а также гарантирует им ускоренную процедуру получения казахского гражданства (Alff, 2011: 2). Конечно, можно приехать в Казахстан вне системы квот. В этом случае, однако, иммигранты теряют возможность получения государственной поддержки (Finke, 2013). На самом деле количество этнических казахов, въехавших в страну вне системы квот, всегда превышало число казахов, которые въехали в страну с наличием квоты. Например, в 2016 году в Казахстан въехало в общей сложности 16 417 семей, в то время как квота составляла лишь 1 259 семей. Таким образом, официальная квота была превышена почти в тринадцать раз. Всего на 1 августа 2016 года в Казахстан из-за границы возвратились 267 944 семей или около 972 719 этнических казахов. На сегодня оралманы составляют почти 80% всех иммигрантов или 5,5% всего населения страны и являются таким образом самым крупным сегментом иммигрантов в стране (ПРООН, 2006: 13). Распределение казахских мигрантов в соответствии со страной происхождения показывает, что из них 61,5% прибыло из Узбекистана, 11,5% из Китая, 12% из Монголии, 7,3% из Туркменистана, 3,9% из России и 3,7% из других стран (Таблица 3).

³ По данным Ассамблеи народа Казахстана данная цифра превосходит действительное число этнических казахов в Афганистане в 10 раз.

Таблица 3: Доля оралманов по странам происхождения

Источник: Собственная иллюстрация

Во-вторых, казахские этнические мигранты считаются наиболее уязвимой социальной группой в стране, чья социально-экономическая интеграция в обществе считается очень низкой (Diener, 2005, 2005а, Finke, 2013). Лишь определенному количеству казахских репатриантов удалось успешно адаптироваться к жизни в Казахстане, тогда как для большой части репатриантов процесс адаптации оказался очень болезненным. Ситуация особенно сложна для тех казахских иммигрантов, которые въехали в страну вне официальной системы квот, потому что у них как правило нет прав на получение государственной поддержки (Diener, 2005а: 469ff; Finke, 2013: 181).

Проблемы оралманов достаточно сложны и разнообразны (Diener, 2005, 2005а). Особого внимания заслуживают проблемы, связанные с наличием жилья, поиском работы и социальной интеграцией. Как правило, социальные выплаты, предоставляемые государством для приобретения земли или жилья, недостаточны, если они вообще выплачиваются, поскольку коррупция при распределении социальных пособий является распространенным явлением (Alff, 2011: 3). Исследование, проведенное в 2006 году ПРООН, показало, что на тот момент вопросы с обеспечением жильем оралманов оставались особенно острыми в Южно-Казахстанской (11,9%), Мангистауской (31,9%), Жамбыльской областях (49,1%) и в городе Алматы (47,1%) (ПРООН, 2006: 18, также Kuscu, 2008: 186) (Таблица 4).

Таблица 4: Доля оралманов с жильем по регионам

Область	Кол-во оралманов с жильем (семьи), %	Область	Кол-во оралманов с жильем (семьи), %
Акмолинская	97,3	Кызылординская	66,9
Актюбинская	72,6	Костанайская	79
Алматинская	76,9	Павлодарская	86
Атырауская	82,0	Северо-Казахстанская	95
Восточно-Казахстанская	90,1	Мангыстауская	32
Западно-Казахстанская	50,5	Южно-Казахстанская	12
Жамбыльская	49,1	Город Астана	66
Карагандинская	93,7	Город Алматы	47
		Всего:	48

Источник: ПРООН, 2006: 18

Государство пытается решить проблему обеспечения жильем оралманов через строительство центров адаптации и интеграции для оралманов. На данный момент в стране работают 14 таких центров, которые были открыты почти в каждом регионе. Адаптационные центры дают оралманам возможность для временного проживания и предлагают им различные курсы интеграции и обучения (Рисунок 4).

Рисунок 4: Центр адаптации оралманов в г. Актау

Источник: Toiken, 2015

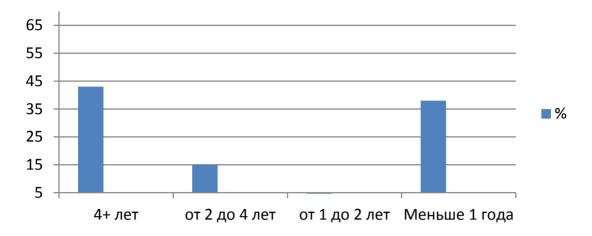
С другой стороны, государство пытается решить проблему с жильем путем строительства жилых поселений для них. Примером тому может служить жилой поселок «Асар» неподалеку от города Шымкент, который был построен в рамках государственной программы «Нурлы Кош» (см. ниже).

Однако, несмотря на некоторые успехи, такие решения остаются единичными примерами. Подавляющее большинство оралманов по-прежнему вынуждены жить со своими родственниками или в арендованных помещениях (Finke, 2013: 182). С другой стороны, центры адаптации подвергаются критике за то, что они предоставляют лишь краткосрочное жилье, чего обычно недостаточно для адаптации к условиям жизни в Казахстане. Кроме того, многие оралманы жалуются на отсутствие или плохую организацию интеграционных и учебных курсов, предлагаемые им в этих центрах (см. Toiken, 2015).

Помимо проблем с жильем оралманы испытывают серьезные проблемы с трудоустройством в Казахстане. Прежде всего, это связано с незнанием или низким владением русского языка оралманами, который, по мнению некоторых экспертов, по-прежнему является lingua franca в казахстанском обществе и требуется при приеме на работу. Эта проблема стоит особенно остро среди тех оралманов, которые прибыли в Казахстан из-за пределов стран СНГ (Diener, 2005a: 472, Shanatibieke, 2016). Кроме незнания русского языка многие оралманы не имеют достаточных профессиональных навыков и квалификации. Как отметила Майину Шанатибиеке, большинство казахских мигрантов из Китая, например, в своем прошлом являлись пастухами и крестьянами, что делает их интеграцию в современные экономические структуры Казахстана чрезвычайно сложной (Shanatibieke, 2016: 15). Учитывая данные факторы, подавляющее большинство оралманов, особенно те, кто переехал из Китая и Монголии (почти 23% всех возвратившихся казахов), остаются долгое время без работы (таблица 5). В результате большинство оралманов вынуждены добывать себе средства к существованию, занимаясь изготовлением мебели, сбором металла или сельским хозяйством, то есть теми видами деятельности, которые как правило не приносят больших доходов в Казахстане (см. Finke, 2013: 181-183).

Таблица 5: Продолжительность безработицы среди оралманов

Источник: Quelle: UNDP, 2006: 16

Следующей немаловажной проблемой является отношение общества к оралманам. Отношение к оралманам в обществе является порой негативным. Причины этому разные. В то время как оралманы говорят в основном на казахском и не владеют русским языком, многие из коренного населения, в особенности в городах и на севере страны, не владеют или владеют на недостаточном уровне казахским языком. В силу этого повседневное общение между местным населением и казахами-переселенцами остается затрудненым, что в свою очередь препятствует их интеграции в общество и порождает предрассудки и недовольства с обеих сторон (см. Alff, 2011: 3). Например, среди местных жителей иногда можно встретить такое мнение, что оралманы являются «нахлебниками», которые приехали в страну только ради социальных выплат (Alff, 2011: 4). В особенности социальная интеграция оралманов остается сложной в тех регионах, где оралманы живут бок о бок с русскоязычным населением, как, например, в северных областях, таких как Северо-Казахстанской, Акмолинской или Костанайской (таблица 6).

Таблица 6: Отношение к оралманам в обществе

Хорошее	34%
Толерантное	25%
Безразличное	22.5%
Плохое	10.1%

Источник: UNDP, 2006: 24.

Опираясь на эти замечания, мы остановимся на результатах опроса среди оралманов. Опросы были проведены в период с май по июль 2017 года в городах Астана, Алматы и Шымкент.

Отношение оралманов к условиям их жизни

По результатам опроса можно констатировать, что в целом оралманы не совсем удовлетворены своим социально-экономическим положением. Некоторые из вышеупомянутых экономических и социальных проблем оралманов до сих пор остаются не решенными. Опрос среди жителей микрорайона «Асар» недалеко от города Шымкент показал весьма противоречивые высказывания среди местных жителей по отношению к государству и его усилиям по интеграции оралманов в общество. Поселок «Асар» был построен в 2008 году, первоначально по частной инициативе, а затем в рамках программы «Нурлы Кош», инициированной

⁴ В свою очередь, Ассамблея народа Казахстана указывает на то, что по официальной статистике переписи населения от 2009 года подавляющее большинство казахского населения старше 15 лет владеют казахским языком на достаточном уровне (согласно переписи, 98,3% казахов понимают устную речь, 95,4% могут свободно читать казахскую литературу, 93,2% могут свободно писать на казахском языке) (см. http://www.stat.gov.kz/getlmg?id=ws16200032648)). Эти данные могут быть, однако, неточными. В доказательство можно привести повседневную практику в городах и в северных областях Казахстана, где многие казахи отмечают для себя недостаточное владение казахским языком, в то время как многие русские, а также этнические немцы, проживающие в сельской местности и в малых городах, владеют казахским языком.

правительством Казахстана в 2008 году и нацеленной на рациональное расселение и содействие в обустройстве оралманов. На сегодняшний день в поселке построено около 1550 одно- и двухэтажных домов, которые были проданы казахским мигрантам из Узбекистана на кредитной основе по низким процентным ставкам (рисунок 5). На данный момент в поселке проживают около 17 000 жителей. Для жителей поселка работают две школы на 1200 мест, три детских сада и поликлиника. В каждой семье есть небольшой сад или земельный участок с теплицей, где жители выращивают овощи и фрукты. По словам местных жителей, продажа продуктов сельского хозяйства является одним из основных источников дохода. При этом доходы используются в основном для погашения жилищных кредитов. Жилкомплекс делится на несколько небольших участков, возглавляемых судьей (би), который отвечает за урегулирование споров между членами общины, и избирается самими жителями каждые 3-4 года.

Рисунок 5: Жилкомплекс «Асар» для оралманов из Узбекистана вблизи г. Шымкент

Источник: Википедиа

Однако в тех случаях, когда жители жаловались на их условия жизни, причины недовольства не носили этнический характер, а были связаны в большинстве своем с экономическими проблемами, такими как цены на проживание и содержание семей, в том числе расходы на оплату кредитов и коммунальные услуги. Поскольку многие оралманы купили свои дома в кредит, погашение кредитов усложняется либо из-за безработицы, либо из-за низких доходов населения. Многие из опрошенных жаловались, что сумма кредитов является слишком высокой, либо на то, что сроки их погашения остаются слишком короткие. По этому поводу один из жителей по имени Мирас жаловался следующим образом: «Мой дом триста квадратных метров. За это я плачу около 100 тысяч тенге в месяц. То есть мне много не остается от того, что я зарабатываю на стройке» (Мирас, Асар, Шымкент). Другие жители жаловались на стоимость воды: «Нам нужна вода для полива земли в теплице. Так как тут нет канала или реки, вся вода идет из крана. Если мы будет орошать теплицу как надо, наши счета за воду будут 10 000 или даже 20 000 тенге. Вот почему многие соседи перестали выращивать овощи» (Ислам, Асар, Шымкент). Можно обратить внимание на наличие пустующих теплиц, что говорит о нецелесообразности занятия сельским хозяйством в этом бедном водой регионе. Житель Мирас жаловался, что некоторые соседи обратились к государственным органам, но выразил сомнение, что власти помогут им в данном вопросе.

Тема воды и доступа к ней остается проблемой также в других районах Шымкента. В соседней деревне Тассай, где оралманы живут в соседстве с этническими узбеками, тема грунтоподземных вод стоит нередко на повестке дня во взаимоотношениях между узбеками и оралманами. Житель деревни Базарбай, который является этническим казахом, иммигрировавшим из Узбекистана, выразился по этому поводу следующим образом: «На моей улице шесть домов. Никто не мешает очистить водный канал (Арык). Почему? Мы все для себя, но канал общий» (Базарбай, Тассай). Несмотря на напряженную атмосферу из-за доступа к воде, он, однако, отрицал вероятность межэтнического конфликта на этой почве. По его словам, если в прошлом и были отдельные случаи конфликтов между узбеками и оралманами из-за воды, они случались между ними в нетрезвом состоянии: «большинство конфликтов происходит только тогда, когда люди пьют» (Базарбай, Тассай). Наоборот, он подчеркнул важность сохранения межэтнического мира и указал на то,

что казахи и узбеки явлются братскими народами: «Мы говорим на узбекском языке. Они [узбеки] говорят на казахском языке» (Базарбай, Тассай).

Несмотря на эту напряженность, большинство конфликтов в среде оралманов не приобретают этнический характер, а в основном имеют отношение к недостатку мер по их интеграции в общество. Этнический казах из Монголии, который в настоящее время живет недалеко от столицы Астаны, жаловался во время интервью, что многим молодым оралманам не хватает курсов по профессиональной подготовке. Прежде всего, им требуются курсы русского языка, потому что большинство мигрантов из Монголии не знают его вообще. Из-за незнания русского языка большинство молодых оралманов вынуждены работать либо в строительной отрасли, либо занимаются другой тяжелой работой: «После приезда [из Монголии] у них нет никого, кто мог бы им помочь. Они в основном бедные и злые на местные органы власти» (Касымхан, Астана). Кроме того, среди проблем при трудоустройстве были названы «коррупция» и «непотизм», которые дополнительно затрудняют интеграцию казахских иммигрантов: «Правительство? Я не думаю, что правительство работает. Везде есть коррупция. Например, если вас остановит милиция на улице, они никогда не отпустят вас, пока не получат 2000 тенге» (...) «И они не оставят никого, если человек является оралманом» (Касымхан, Астана).

В целом, оралманы испытывают позитивные чувства к Казахстану как исторической родине. Большинство опрошенных оралманов подчеркивают обязанность каждого казахстанца работать на благо государства и общества. Но проблемы адаптации, с которыми некоторые оралманы до сих пор сталкиваются, как, например, на рынке труда, оставляют многих из них разочарованными их историческим домом. В этой связи важно отметить, что разочарование их исторической родиной уже побудило многих оралманов покинуть Казахстан и вернуться на их прежнюю родину. Хотя точное количество вернувшихся на их прежнюю родину среди оралманов неизвестно, предполагается, что только в 1990-х годах около 10 000 этнических казахов вернулись в Монголию из-за проблем с интеграцией на своей исторической родине (Finke, 2013: 179). Наш собеседник Касымхан отметил, например, что среди этнических казахов в Монголии «никто не хочет переезжать в Казахстан» (Касымхан, Астана). Такого рода заявления свидетельствуют о недостающей интеграции оралманов в Казахстане.

ОБ ЭТНИЧЕСКИХ АССОЦИАЦИЯХ СРЕДИ ОРАЛМАНОВ И ИХ ОТНОШЕНИИ К АССАМБЛЕЕ НАРОДА КАЗАХСТАНА

Социальные и экономические вызовы, о которых мы говорили выше, вызвали разные реакции со стороны оралманов. Чтобы справиться с вызовами, некоторые представители оралманов сформировались в различного рода объединения и организации. В настоящее время насчитывается около 30 этнокультурных организаций и объединений среди оралманов, которые разбросаны по всей стране, но в большинстве своем находятся в Алматы и Астане. По нашим оценкам, около 4000 казахских репатриантов так или иначе участвуют в работе этих организаций. Что касается их целей, эти ассоциации можно разделить на три вида: социальные, экономические и культурные организации, хотя любое разделение является произвольным, потому что многие из них были созданы для нескольких целей, нередко дублирующих друг друга.

Большинство организаций занимаются социальной поддержкой оралманов. Эта поддержка включает в себя оказание помощи в поиске жилья, юридические консультации по вопросам гражданства, консультации по вопросам, касающимся подачи заявления на получение социальных пособий, а также консультации по сбору документов и переводу, помощь во взаимодействии с должностными лицами и помощь в распространении информации, связанной с иммиграцией. В качестве примеров «социальных организаций» можно назвать ассоциации «Асар», «Ата-Журт» (родина), «ЭкоМигАрал» (объединение экологических мигрантов с Аральского моря) и «Отандастар» (соотечественники).

Следующая группа включает в себя ассоциации, которые в основном оказывают экономическую поддержку оралманам. Объем работы таких организаций варьируется от консультаций и подготовки персонала до распределения финансовых кредитов для открытия бизнеса и предоставления помощи наиболее уязвимым семьям мигрантов. Самым ярким примером такой «экономической организации» является ассоциация «Жебеу», которая находится в Алматы.

Наконец, «культурные ассоциации» занимаются преимущественно сохранением культурного наследия этнических казахов и их традиций. Наиболее ярким примером является ассоциация «Кызай Ана», основан-

⁵ Актуальных данных о количестве покинувших страну оралманов нет.

ная в 2012 году казахскими репатриантами из Китая. Главной целью ассоциации является культивировать и развивать культурное наследие и традиции выдающейся казахской женщины Кызай Ана, которая жила в пятнадцатом веке, и от которой происходит одноименный род, а также популяризировать информацию о ней и ее наследии. На данный момент насчитывается около 600 000 этнических казахов, принадлежащих к роду Кызай Ана, проживающих в основном в Китае (Shanatibieke, 2016).

Оралманы хорошо знакомы с работой этих ассоциаций и ценят их работу. Повсюду они воспринимаются как истинные представители интересов казахских иммигрантов. По словам Кайрата Бодаухана, возглавляющего ассоциацию «Асар», этнокультурные ассоциации являются истинными посредниками между оралманами и государством (интервью, июль 2017 года). По словам Бодаухана, ассоциации пытаются дополнить государство в предоставлении наиболее важных социальных услуг для оралманов и, если это возможно, готовы даже взять на себя некоторые его функции.

Несмотря на важность добровольческих ассоциаций среди оралманов для их интеграции в общество, их общественно-политическая роль, судя по результатам опросов, серьезным образом подрывается. В основном это связано с сокращением государственного финансирования некоммерческих организаций в Казахстане в целом и непрозрачностью распределения государственных контрактов. Как результат, это привело к значительному сокращению сфер деятельности ассоциаций, а в некоторых случаях даже к серьезной потере их влияния среди оралманов (см. Nowicki, 2000). Из тридцати ассоциаций, которые мы насчитали во время наших полевых исследований, некоторые из которых были упомянуты выше, несколько ассоциаций вынуждены были сократить свои функции, в то время как некоторые из них собирались закрыть свои офисы. Касымхан, возглавляющий молодежную организацию «Отандастар», жаловался: «Что хорошего в том, что мы подаем заявки на государственные контракты, если с самого начала известно, что вы не получите его. Можно снова и снова подавать заявки, но ничего не получишь» (Касымхан, Астана). Аналогичным образом глава ассоциации «Ата-Журт» жаловался на нехватку финансирования, что является причиной сокращения деятельности его ассоциации. Прекращение деятельности ассоциаций оралманов может в свою очередь еще больше усилить проблемы их интеграции и привести к их большей изоляции от общества.

В этой связи важно остановиться на взаимоотношениях между ассоциациями оралманов и Ассамблеей народа Казахстана. Как упоминалось выше, Ассамблея была основана с целью поддержки культурного и этнического разнообразия Казахстана и представления интересов этнических групп по отношению к государству (см. глава 4). Несмотря на эту особую роль Ассамблеи, мы неоднократно отмечали, что ассоциации оралманов не получают достаточной поддержки со стороны Ассамблеи, и что они довольно редко вступают в контакт с ней. Касымхан жаловался, например: «Они помогают диаспорам и этническим меньшинствам, но они не помогают репатриантам. Ведь они вернулись к себе домой» (Касымхан, Астана).

ВЫВОДЫ

Казахские репатрианты, несомненно, занимают особое место в многонациональном обществе Казахстана.С одной стороны, они не являются этнической группой, такой же как, например, этнические русские, о которых речь пойдет ниже. В то же самое время они остаются наименее интегрированными в казахстанское общество. Отсутствие знаний русского языка и отсутствие профессионального опыта "выталкивают" оралманов на периферию общества. В особенности, это касается тех оралманов, которые приехали из-за пределов стран СНГ, потому что они как правило не имеют необходимых профессиональных навыков и не владеют русским языком. В этой связи неудивительно, что многие оралманы по-прежнему чувствуют себя второсортными гражданами и зачастую выбирают эмиграцию на их прежнюю родину. Возросшая тенденция к эмиграции на их прежнюю родину является признаком недостатка или отсутствия интеграции оралманов в Казахстане и поводом для критики интеграционной политики правительства. В этой связи вызывает сожаление тот факт, что этнокультурные объединения все более оказываются в тяжелом положении. Напротив, государство должно больше поддерживать их и более тесно вовлечь их в работу своей национальной политики, поскольку они могут стать настоящим мостом между государством и оралманами и значительно помочь в их интеграции в общество.

⁶ Остается неясным, однако, как своевременно и верно подают заявки сами организации. Государственные органы сомневаются в этом. Кроме того, во время написания отчета для публикации стало известно, что правительство 13 октября 2017 года приняло постановление за номером №644 об открытии акционерного общества "Фонд Отандастар" со стопроцентным участием государства с целью поддержки оралманов (по данным Ассамблеи народа Казахстана).

ГЛАВА 6.2: РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В КАЗАХСТАНЕ

Общая характеристика русского населения Казахстана

Русские составляют наибольшую в количественном отношении этническую группу в Казахстане, после казахов, в постсоветский период несмотря на их постоянный отток из страны с конца 1980х гг. На начало 2016 г. в Казахстане проживало 3 млн 644,5 тыс. русских или 20,6% населения.

Русское население Казахстана является сложным по составу и социально-демографическим показателям, что вызвано особенностями его формирования, расселения и политико-экономическими факторами в разные исторические периоды. Крестьяне, казаки, рабочие, военные, чиновники, каторжане, ссыльные, интеллигенция, государственные служащие в разные периоды прибывали в Казахстан и заложили основу русской общины. В настоящее время русское население неоднородно по своим социально-экономическим параметрам (богатые и бедные), статусным позициям (властные и образованные) и интегративному потенциалу (миграция за пределы Казахстана или интеграция в казахстанское общество).

Русское население является наиболее открытым в плане принятия культурных практик других народов, а именно моделей поведения, ценностных параметров и форм коммуникаций, но более всего обеспокоено размыванием основных блоков этничности – языка и веры. Именно русское население наиболее активно отстаивает позиции русского языка, апеллируя к историческому значению русского языка в развитии Казахстана.

История формирования

Формирование русского населения Казахстана тесно связано с историей продвижения Русского государства на восток с начала 16 века, и, впоследствии, с имперским строительством. Первые русские поселенцы заселяли вначале северные и северо-восточные земли современного Казахстана, и с первой четверти 19 века начинается их активное продвижение вглубь Средней Азии (см. Olcott, 1995: 28).

Русское население периода колонизации было разноликим по социальным параметрам и состояло из крестьянства, казаков, чиновничества и военных. После отмены крепостного права в России, поток русского населения в Туркестанский край увеличился, и из числа русских шел процесс формирования рабочего класса в крае. Русские были носителями имперского колонизаторского духа, что ставило русское население на более высокую ступень в социальном плане, по сравнению с казахами. Несмотря на выраженную и поддерживаемую колониальными властями сегрегационную политику (русские поселения, черта оседлости, статусные позиции и правовые ограничения) влияние русской культуры на казахское население было существенным, что проявлялось в распространении грамотности среди коренного населения, принятии ими некоторых аспектов образа жизни (жилища, одежда, мебель, утварь, экономические и пищевые практики) (ОІсоtt, 1995: 57). Несмотря на это, первые контакты между русскими и казахами носили враждебный характер и вызывали отторжение (по религиозным и цивилизационным параметрам, также как и у русских было неприятие всего казахского/кочевого). По мере укрепления позиций Российской администрации и вовлечения в орбиту колониального администрирования казахской элиты, происходила смена понятий и смысловых нагрузок всего, что связано с русским. Часть либеральной казахской элиты воспринимала русское как синоним прогрессивного.

Русские в Казахстане в советский период

Большевистские реформы в 1920-е годы в Казахстане, несмотря на то, что в качестве основных исполнителей выступали не всегда русские, тем не менее имели русскую направленность. Русский язык был языком политики, права, экономики, образования, науки, военного дела и безопасности, культуры, коммуникации, морали и нравственности. *Русскость* понималась в советской трактовке как образец, обязательный для следования, в то время как усвоение русской культуры виделось как прогрессивное.

Поскольку носителями советского было русское население, то позиции русского населения укрепились и в

идеологическом отношении. Русские стали *старшими братьями*, чья цивилизаторская миссия (с колониальных времен) теперь охватывала не только внешние, но и внутренние параметры строительства нового казаха. Концепция дружбы народов стала своеобразным ключом для конструирования новой общности советского народа. Казахское/кочевое как отсталое и не имеющее внутренннего потенциала для инновации подвергалось эрозии и в маркеры идентичности постепенно закладывались новые блоки, имеющие русскую природу (язык, культурные практики, ментальные схемы, нормы и ценности).

Отсутствие данных и исследований о казахско-русском межэтническом противостоянии в советское время и после 1991 года обусловлено, наш взгляд, следующими ключевыми моментами:

- статус русского населения в СССР был защищен конституционно, поэтому любое нарушение общественного порядка по этническому признаку, в особенности, протесты против всего, что связано с русским, квалифицировались как преступление против государства и его устоев и жестоко преследовалось. Примером тому служат события декабря 1986 года в Алма-Ате, которые до настоящего времени не стали предметом академических исследований, прежде всего потому что они затрагивали этнополитику советского государства;
- Русское население в советское время имело преимущества в плане расселения. Они проживали, главным образом, в городах и, соответственно, имели больше возможности для доступа к образованию, приобретению профессий, и поэтому могли обеспечить себе более высокий жизненный уровень. Казахское население было сконцентрированно на юге и в сельской местности. В территориальном плане русские доминировали на севере и северо-востоке республики, в некоторых областях они составляли абсолютное большинство.

«Русский вопрос» в современном Казахстане

Так называемый «русский вопрос» в современном Казахстане имеет внутреннюю и внешнюю природу (см. Peyrouse, 2008; Diener, 2015). Внутренняя обусловлена ходом строительства государства и нации и отношением русского населения к этому процессу. Внешняя связана с политикой России на постсоветском пространстве и геополитикой расширения российского влияния через концепцию Русского мира. 25 миллионов рассеянных русских на пространстве бывшего СССР рассматриваются руководством Российской Федерации через призму возможностей влиять на политику новых независимых государств и оказания «помощи» соотечественникам. Программа собирания русского народа включает не только программу переселения «Соотечественники», но и поддержку русского населения в странах пребывания - статус русского языка, образование, социальная коммуникация, масс медиа, документация и администрирование, культурные практики и мероприятия по сохранению культуры. Русское население является наиболее защищенной этнической группой в республике. Права русского населения Казахстана защищены правовыми документами РК, межгосударственными соглашениями, подписанными между правительствами Республики Казахстан и Российской Федерации, а также международно-правовыми актами. Кроме того формирование интеграционного пространства между Казахстаном и Россией (Евразийский союз) предоставляет русским большие возможности в плане того, что они будучи гражданами Российской Федерации, могут свободно пересекать границу, работать и жить в Казахстане.

С начала 1990х гг. наблюдается постоянный отток русского населения из Казахстана, что вызвано как объективными, так и субъективными причинами. Развал экономики, резкое падение жизненного уровня населения (это касалось всех этнических групп, не только русских), отсутствие социального обеспечения, кризис в сферах образования и медицине, и т.д.) привел к иммиграционному кризису. Население (и русское прежде всего), не видело перспектив для себя и своих детей и искало возможности уехать в Россию. Русское население обеспокоено понижением статуса русского языка (он не является государственным, но ему отведена роль языка межэтнической коммуникации) и сужением возможностей применения русского языка в сфере образования, культуры, массовой информации, в политико-административном и правовом поле. Помимо этого, русское население имеет демографические проблемы - снижение рождаемости и превышение смертности над рождаемостью, что вызвано тем, что большая часть выезжающих из Казахстана русских - молодые. В пропорциональном соотношении доля женщин выше, чем мужчин, что приводит к созданию межэтнических браков, что также оказывает влияние на размывание этнического потенциала русских. Процент браков с русскими в советском Казахстане и после 1991 года высок. Большей частью в

брак с русским вступали казахи – мужчины. Удельный вес русских женщин в межэтнических браках составляет 30,12%. В смешанных семьях говорят на русском языке, преобладает русская/европейская кухня, детей называют русскими именами, ценности, нормы имеют русскую природу. В качестве национальности при получении паспорта чаще всего дети из таких семей указывали русскую.

Таблица 7: Доля представителей различных этнических групп в общей численности межэтнических браков в Казахстане, %

Национальность	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Казахи	53,71	54,53	55,36	56,15	56,87	57,54	58,22	58,87	59,50	60,15
Русские	29,75	29,19	28,59	28,02	27,49	26,97	26,42	25,88	25,35	24,80
Украинцы	3,62	3,50	3,39	3,28	3,19	3,09	3,00	2,90	2,81	2,72
Узбеки	2,50	2,56	2,62	2,67	2,72	2,76	2,80	2,84	2,88	2,92
Немцы	2,29	2,10	1,92	1,76	1,64	1,55	1,49	1,45	1,43	1,41
Татары	1,66	1,64	1,61	1,59	1,57	1,55	1,52	1,50	1,47	1,45
Уйгуры	1,41	1,44	1,46	1,47	1,49	1,50	1,51	1,51	1,52	1,53

Источник: Боранбайбулы, 2013

Тема русского населения в Казахстане является наиболее политизированной по нескольким причинам:

- геополитические интересы руководства Российской Федерации, расширение сферы влияния и укрепление позиций России в сопредельных государствах;
- геополитические интересы внешних государств (США и ЕС), которые рассматривают проблемы, связанные с русским населением в свете сценариев стран Балтики (права русских как этнической группы и его выдавливание из страны) или Крымско-Украинского (отторжение);
- интересы и политика международных организаций, которые рассматривают русское и русскоязычное население как этническую группу, права которой могут быть ущемлены;
- необходимость политических партий в Казахстане аппелировать к русскому и русскоязычному населению как наиболее активной части электората;
- ресурсная база правящего режима Казахстана, который проводит политику по созданию казахстанской модели межэтнической толерантности и согласия;
- интересы части русского населения, заинтересованного в торможении процессов реализации концепта казахстанской нации с казахским ядром.

Интересы русского населения в Казахстане в общественном поле и в диалоге с государственными органами призваны представлять:

Общественное объединение «Республиканское славянское движение Лад» (РСД «Лад») (действует с 26 сентября 1992 года)

В уставе движения основными целями обозначены «сохранение этнической самобытности, культуры, языков славян, духовное возрождение славянских народов Республики Казахстан, развитие и укрепление демократии, реализация и защита политических экономических, социальных и культурных прав и свобод личности, укрепление мира и дружбы, братских отношений между народами многонациональной республики». В своей деятельности движение сочетает культурно - просветительскую и политическую активность, участвуя в выдвижении и поддержке кандидатов в депутаты. В ряде областей местные организации содействовали и содействуют культурным обменам с Россией. Движение имеет свой печатный орган – газета «ЛАД», где публикуются материалы аналитического характера. Организация насчитывает около 50 000 членов и имеет 24 филиала по стране.

Русская община Казахстана

Организация была создана с целью, создать условия для свободного и равноправного развития русского и других славянских этносов на территории Казахстана, сохранения своей культуры и самобытности. Ее основными направления деятельности являются:

- участие в работе Ассамблеи народа Казахстана по укреплению межэтнического согласия;
- содействие духовному возрождению русского и других славянских народов, развитию их национального самосознания;
- пропаганда русской и славянской культуры, создание единого информационно-культурного пространства с народами России, Украины, Беларуси и Казахстана;
- активное участие в благотворительных акциях;
- создание условий, способствующих улучшению здоровья граждан путем активной пропаганды здорового образа жизни, борьбы с пьянством и наркоманией, участия в экологическом движении и возрождения традиционной славянской народной медицины;
- оказание содействия в развитии образования в учебных заведениях и детских дошкольных учреждениях на русском языке с углубленным изучением русской культуры и истории;
- поддержка и развитие сотрудничества с организациями русского и славянского движения зарубежных стран, участвие в международных некоммерческих неправительственных объединениях;
- содействие изучению государственного языка.

Другими организацями являются:

- Ассоциация учителей русских школ Казахстана;
- Общественное объединение «Славянский культурный центр»;
- «Ассоциация русских, славянских и казачьих организаций Казахстана»

Анализ интервью студентов Университета КИМЭП (г. Алматы) и Назарбаев Университета (г. Астана)

В рамках исследования были проведены интервью со студентами русской нацональности университета КИМЭП и Назарбаев Университета.

Как выяснилось в ходе опроса, студенты русской нацональности имеют сильное этническое самосознание. Они хорошо знают свои этнические корни – происхождение от русских родителей, воспитание и русский язык как родной, православие как вероисповедание (данное по факту рождения, но не сознательный выбор, поскольку они пассивно принимают участие в праздновании религиозных дат).

Все они отмечают, что родились в Казахстане, а их предки живут очень давно, что, как отметил, Данил, им кажется, что они тут были всегда. Все респонденты получили среднее образование в русских школах и не владеют казахским языком. Несмотря на то, что в их окружении в детстве, в школьные годы и по соседству живут казахи, они не считают необходимым знать казахский язык. Ирина Крышкина, например, отметила: «Я была за границей по программе обмена студентов (в Сингапуре) и все удивлялись тому, что я живу в Казахстане и не знаю казахский язык. А я им говорила: «У нас все говорят на русском и нет необходимости учить казахский!». По словам респондентов, близкие друзья родителей только русские, тогда как они сами общаются и с казахами тоже. По словам респондентов, они готовы выйти замуж или жениться на представителе другой нацональности, даже если родственники будут против этого. Респондент Ирина, например, планирует создать семью с казахом, но переживает, что "родственники с другой стороны не готовы, принять ее" (Ирина). Чтобы в будущем избежать все вопросы, которые могут вызвать недопони-

мание, она собирается обсудить их заранее. В некоторых семьях есть казахи: «*Тетя замужем за казахским* ...» (Глеб). Алина из Астаны также дружит с казахом и познакомила его уже со своей семьей: «*У нас много общего. Они говорят по-русски, хотя они более консервативны, чем мы*» (Алина, Астана).

Кроме того, молодое поколение русских рассматривает Казахстан как свою родину и даже готово защищать их с оружием в руках, если будет необходимо. Напротив, их отношение к России неопределенное, навеянное образами из книг и средств массовой информации. Следующий диалог типичен для некоторых студентов русского происхождения в КИМЭП:

«Вопрос: К России как относитесь?

Ответ Ирины Ковалевой: «Россия, знаете, как древнеэтническая родина, конечно же. Она меня интересует, культура, люди, которые там живут и т.д. Я прекрасно понимаю, что в России была мало, и если туда поеду, то мои визуальные образы могут распасться.

Вопрос: А какие у вас визуальные представления о России?

Ирина: Хорошие (смеется)

Вопрос: Великая, могучая, непобедимая?

Ирина: Не такая она уж и непобедимая. Но тем не менее, что-то родное, близкое.»

Несмотря на то, что Ирина родилась и прожила всю жизнь в Казахстане, и утверждает, что Казахстан является её родиной, Россия воспринимается как историческая родина, "потому что русские в Казахстане «гости». И это не оговорка, поскольку старшее поколение готовит младшее к тому, что рано или поздно придется переезжать в Россию, и ментальная карта должна работать на то, чтобы Россия воспринималась как неизбежное будущее» (Ирина).

В то же время очевидно, что большинство молодых людей не собираются эмигрировать в Россию, но с имеющимся у них багажом знаний и амбиций готовы жить и работать в других странах. Чаще всего в разговорах упоминается Сингапур: «...есть места получше. И хотя нас уверяют, что все будет хорошо, оставайтесь, сами развивайте Казахстан». (Глеб)

В то же время примечательно, что представления русских студентов о России и россиянах в России отрицательные: «Я насколкьо знаю русских и Россию, то они мне показались какими-то озлобленными, что-ли. Хотя я бы не сказал, что они плохо живут. Не думаю, что хуже, чем мы. Они почему-то всегда озлоблены, недовольны правительством, хотя их правительство работает получше, чем наше» (Глеб).

Обеспокоенность присутствует по отношению к профессиональным перспективам в будущем. Многие русские студенты не уверены в том, будут ли они иметь такие же условия после ухода Назарбаева. Одна студентка из Астаны обеспокоена, что «после Назарбаева придет кто-то, который будет националистом и будет дискриминировать русских» (Риана, Астана). В этой связи недавние усилия казахстанского правительства по внедрению нового латинского алфавита для казахского языка вызывают много опасений среди молодых русских. Многие находят эти усилия несправедливыми по отношению к русским, в то время как незнание русского языка казахами рассматривается как трудность:

«Ирина: ...На военной кафедре многие (казахи) русский язык не знают.

Вопрос: Занятия проводятся на русском языке?

Ирина: На русском. Ребятам очень сложно.

Вопрос: Вы считате, что это несправедливо?

Ирина: Да, несправедливо, но если бы все было на казахском, было бы тоже несправедливо. По крайней мере, для меня».

По словам респондентов, в особенности старшее поколение серьезно обеспокоено тем, что если все делопроизводство перейдет на казахский язык, то у них будут большие сложности.

В то же время, молодые русские не уверены в своем будущем в Казахстане не из-за незнания казахского языка, но вполне оправданных опасений, что не смогут найти применение своим знаниям и образованию: «Ирина: Всем известно, что устраиваются на работу по связям...У меня их нет. Еще к тому же не знаю казахский язык...». В то самое время Ирина признает, что идет формирование этнических ниш, когда представители одного этноса предпочитают брать на работу только своих: «У папы на работе контингент русский... По резюме на вакантные позиции искали по национальности, а потом по профессиональным данным».

Вопрос: Почему национальность на первом месте?

Ирина: Потому что казахам трудно работать в русской команде... Имеют место конфронтации. Казахи помещают казахов, а русские берут русских.

Вопрос: Чтобы выжить?

Ирина: Да.

Вероисповедание не играет особой роли в жизни молодых людей, они толерантны в этом отношении, выдвигая тезис: «Бог один!». В то же время они отметили, что не сталкивались со случаями этнической дискриминации или предубеждениями к ним только потому, что они русские. Хотя отмечали, что мальчиками часто приходилось с кулаками отстаивать свою этничность в общении со сверстниками казахами: «Ирина: В летнем лагере моего брата избили на национальной почве. Его заставляли читать гимн на казахском языке». Некоторые студенты отметили, что их коробило, что казахи недовольно называли их «орыс» (пер. русский) (Глеб). Однако спрашивая о дискримнации в настоящее время, многие ответили, что права русских в Казахстане в настоящий момент не ущемляются.

Об институциональном представительстве русского населения в Казахстане

На вопрос о том, знают ли они о работе организаций, представляющих интересы русского населения, наши респонденты ответили, что слышали о них, но не интересовались их деятельностью и непосредственно к ним не обращались: «Чисто гипотетически могу предположить, чем такие организации занимаются, но конкретного понятия не имею» (Ирина). По мнению Ирины, эти организации мало себя проявляют среди русского населения («народ надо мотивировать». ... народ этим и ничем вообще ничем не интересуется»). И основная причина, по мнению молодых людей, состоит в том, что «народ не верит политикам». Студенты отмечают существенный разрыв между декларируемыми достижениями и реальным состоянием вещей: «Потому что Казахстан у нас по рейтингам в списках самый первый по коррупции стоит. С какой стати тогда доверять политикам, если у нас такие данные? Допустим, я им тоже не доверяю.» (Ирина) Глеб более категоричен в неприятии организаций, представляющих интересы русского населения: «...Людям нужно оправдание, почему у них все так плохо. А насчет организаций, не вижу смысла, потому что думаю, что наши права не нужно защищать. Есть еще 150 национальностей».

Заключение

Опираясь на результаты интервью со студентами Университета КИМЭП и Назарбаев Университета можно сделать вывод, что молодые представители русского населения в основном довольны Казахстаном и ассоциируют себя с этой страной. Многие ценят те возможности, которые у них есть в данный момент для учебы, и больше обеспокоены перспективами своей работы, чем вопросами межэтнических отношений. Также не наблюдается среди них сильного стремления покинуть страну. Напротив, многие связывают свое будущее с Казахстаном. Видение России как исторического дома кажется скорее негативным под влиянием средств массовой информации, и, не в последнюю очередь, недавних событий на Украине. В настоящий момент молодые русские студенты не видят никаких признаков дискриминации в стране. Однако есть некоторые признаки обеспокоенности. В основном они касаются доминирования казахского языка в обществе и перспектив для русского населения в будущем после ухода Назарбаева.

ГЛАВА 6.3: УЗБЕКСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В КАЗАХСТАНЕ

Узбекская этническая группа в Казахстане составляет 3,1% населения или более чем 600 000 человек, являясь тем самым третьим по численности этносом в Казахстане (Комитет по статистике, 2016). По сравнению с данными переписи 2009 года численность узбеков на сегодняшний день в Казахстане возросла (2,8%). Ареалами их компактного проживания являются Южно-Казахстанская область и город Шымкент, где сосредоточены 90% узбеков. Только в городе Шымкент проживают 160 000 узбеков, наряду с казахами (64% или 548 000 человек) и русскими (100 000 человек). Вокруг Шымкента расположены множество сел, где узбеки составляют абсолютное большинство и превышают численность казахского населения. В Енбекши-Казахском, Тассайском, Карабулакском и Сайрамском районах удельный вес узбеков достигает до 80%. Село Аксу (Белые воды) населен до 100% узбеками. Подавляющее большинство узбеков поселилось здесь в начале 19 века. С исторической точки зрения южная часть сегодняшнего Казахстана была частью Мавераннахр (Трансоксиана), богатой зоны оазисов между реками Амурдарья и Сырдарья, в которой находились старые города Самарканд и Бухара (Oka, 2011: 2). Во время Российской империи этот регион подлежал юрисдикции Туркестанского генерал-губернаторства, которое включало большую часть нынешнего Узбекистана, и на его основе была создана Туркестанская Автономная Социалистическая Советская Республика. В середине 20 века регион стал частью Казахстана. После развала Советского Союза многие узбеки остались жить здесь. Их длительное проживание в этом регионе объясняет, почему большинство узбеков считает себя местными и имеет сильно выраженное чувство укоренения (Oka, 2011: 2).

В области работают 14 школ с узбекским языком обучения и 122 смешанных школ (школы с узбекско-казахским, узбекско-русским и узбекско-таджикским языком обучения), контингент которых превышает 100 000 школьников. По официальным данным в этих школах работают 8341 учителей узбекской национальности. Также существуют 15 узбекских культурных объединений, которые представлены почти в каждом населенном пункте и занимаются развитием узбекского языка и культуры. С 2003 года работает узбекский театр.

Для этого исследования были проведены одна фокус-группа и 10 глубинных интервью с представителями узбекского населения. Всего в исследование были вовлечены 15 человек. Фокус-группа состоялась в селе Сайрам недалеко от города Шымкент с участием 5 человек, которые являлись старейшинами в своих селах.

Общие взгляды на положение узбеков в обществе и межнациональные отношения

В целом узбеки очень довольны условиями жизни в Казахстане и чувствуют себя хорошо интегрированными в обществе. По словам одного из респондентов, который является торговцем фруктами на базаре в Шымкенте: «Мы довольны. У каждого имеется свое дело. Узбеки очень трудолюбивый народ. Каждый чемто занимается. У одного имеется киоск для продажи минеральной воды, другой печет хлеб или работает в сфере услуг (...). Некоторые делают мебель» (Баходыр, Шымкент). По мнению жителя села Карабулак, который находится в 40 км от Шымкента и где расположена узбекская мечеть: «Мы чувствуем себя хорошо в Казахстане. Благодаря нашему мудрому Президенту у нас хорошие условия жизни. В пятницу мы ходим в мечеть и можем молиться без проблем... Иншаллах, все будет хорошо» (Абдулазиз, Карабулак). Создается впечатление, что все осознают ответственность за сохранение общественного порядка и рассматривают его как наивысшее благо: «Общественное согласие должно быть самой важной целью» (Акмал, Аксу). По высказываниям одного участника фокус-группы, жителя села Сайрам: «мы все осознаем, что необходимо сохранять мир между нами» (Акрам, Сайрам). Директор узбекского драматического театра в селе Тассай, который является также руководителем узбекского культурного общества, отметил, что «сохранение национального единства должно быть наивысшим приоритетом» и то, что узбеки «издавна не стремились к власти. Мы всегда были ремесленниками или занимались сельским хозяйством. Семья для нас является наивысшим благом» (Икрам, Тассай).

Следует отметить, что высказываясь о межэтническом согласии, многие жители упомянули события в Южной Киргизии. В июне 2010 года, сразу после революции, которая привела к свержению коррумпированного Президента Курманбека Бакиева, там произошли межэтнические столкновения между представителями киргизских и узбекских этнических групп, в результате которых были убиты более 400 человек, преимущественно среди местных узбеков и тысячи были изгнаны (Веуег, 2010). Как сказал директор театра: « я

был на одном мероприятии в Бишкеке после Ошских событий в 2010 году. Там выступала Роза Исаковна Отунбаева. На вопрос одного журналиста она ответила, что они потеряли не только межнациональное единство, но и единство между собой, киргизами. (...) Мы можем сохранить мир только тогда, если мы будем жить в мире с казахами» (Икрам, Тассай). Похожего мнения придерживался и житель села Карабулак Абдулазиз: «Посмотрите на киргизов, что творилось там [2010]. Нам это не нужно» (Абдулазиз, Карабулак).

На вопрос об отношениях с соседями все респонденты высказались позитивно об отношениях между различными этносами. По словам одного узбекского жителя села Тассай возле Шымкента: «У нас достаточно хорошие отношения с нашими соседями. До сегодняшнего дня у нас не возникали большие проблемы. На нашей улице живут много оралманов (этнические казахи, возвратившиеся из-за границы) и мы помогаем друг другу» (Алишер, Тассай). Такого же взгляда придерживаются в соседнем селе Карабулак: «Мы регулярно встречаемся на базаре и приглашаем друг друга в гости. Мы узбеки любим, когда к нам приходят гости. Для меня это радость, если мои соседи приходят ко мне в гости» (Фарход, Карабулак). Нередко респонденты подчеркивают, что в действительности есть много общего между узбеками и казахами. Другой житель села Тассай, который является оралманом, сказал: «Мы говорим на узбекском. Они [узбеки] говорят на казахском» (Базарбай, Тассай). Директор узбекского драматического театра в селе Тассай высказал схожее мнение: «мы [театральная группа] высоко ценим существующее согласие. Казахи нас хорошо понимают. Они приходят на наши постановки. Недавно мы вернулись из Астаны, где ставили спектакль «Ходжа Насреддин». Все зрители понимали нас без затруднений и аплодировали нам» (Икрам, Тассай).

Были только единичные упоминания о разногласиях между этносами, которые все-таки не выходили за границы одной улицы или поселка. Базарбай, например, намекнул, что «большинство стычек случаются, когда люди пьют» (Базарбай, Тассай). Другой участник фокус-группы, который живет в селе Сайрам, утверждал, что были разногласия между местными узбеками и оралманами, но они были очень незначительные: «Оралманы чувствовали себя оскорбленными, когда им сказали, что узбеки в этих краях живут испокон веков, тогда как оралманы только недавно переселились» (Омар, Сайрам). В целом все респонденты убеждены, что «необходимо сохранить согласие между национальностями» (Базарбай, Тассай), и что «нельзя попадать под влияние лозунгов антинациональных оппозиционеров» (Икрам, Тассай).

Следует отметить, что среди респондентов не было никаких признаков намерений покинуть страну. Когда задавались вопросы касательно их исторической родины Узбекистана и планируют ли они, когда-нибудь вернуться туда, многие, напротив, сказали, что они рассматривают Казахстан как их родину. Другой участник фокус-группы Саид доказывал, например: «Почему мы должны уезжать. Мы здесь живем уже несколько десятилетий. Недалеко отсюда находится мавзолей, где похоронены Ибрахим ата и Карашаш апа, отец и мать Ахмеда Яссауи. Это говорит о том, что наши корни уходят далеко в историю» (Саид, Сайрам). Акмал из села Аксу дал понять, что «многие из тех, кто уехал в Узбекистан в девяностых годах, возвращаются назад. Здесь лучше. При новом Президенте [Шавкат Мирзоев] ситуация меняется. Но, несмотря на это, мы не хотим отсюда переезжать» (Акмал, Аксу). По словам директора узбекского театра в селе Тассай: «мы [узбеки] здесь хорошо интегрированы. Ни у кого нет желания, переезжать отсюда. В городе вы видели много павильонов и магазинов. Они все узбекские» (Икрам, Тассай). Нередко респонденты в своих ответах отмечали лучшие условия труда в Казахстане по сравнению с Узбекистаном. При этом было очевидно, что знание трех языков узбекского, казахского и русского, в котором мы многократно убеждались во время интервью, хорошо помогает узбекам находить общий язык с другими этносами в повседневной жизни. Некоторые респонденты были также мнения, что интересы этнических узбеков на сегодняшний день очень хорошо представлены: «Смотрите ... если акимы и заместители акимов - узбеки, разве это не является показателем» (Икрам, Тассай).

Более того все респонденты выразили желание, чтобы их дети также остались в Казахстане и делали здесь карьеру. Директор узбекского театра утверждал, что «почти все узбекские дети знают казахский и русский языки. Многие дети принимают участие в ЕНТ (единое национальное тестирование), чтобы потом поступить в университет. Около 1500 узбекских студентов ежегодно зачисляются в вузы и университеты» (Икрам, Тассай). Торговец фруктами на базаре в Шымкенте утверждал: «На сегодняшний день у наших детей хорошие шансы получить качественное образование. Но все-таки хорошие университеты в Казахстане дорогие. Моя дочь хочет учиться в Алматы или в Астане. Надеюсь, что она получит грант на обучение» (Баходыр, Шымкент). Другой житель Шымкента, который работает водителем такси, сказал, что

его дети изучают экономику в Алматы и потом хотят открыть свой собственный бизнес (Валид, Шымкент).

Что касается возможностей получения образования узбеками, здесь мы получили противоречивые данные. В то время как узбекские респонденты в основном говорили, что они хотят, чтобы их дети принимали участие в ЕНТ для подачи документов в вузы и университеты, представитель акимата города Шымкент раскритиковал узбеков за то, что они не разрешают детям участвовать в ЕНТ, а вместо этого хотят, чтобы они рано создавали семью. «Если у них есть дочь, то они хотят выдать ее замуж сразу после завершения школы, по возможности кому-то из Узбекистана. Для них не является целью, чтобы их дети получили высшее образование» (Арман, Шымкент).

Когда речь заходила о дискриминации, то все респонденты утверждали, что они никогда с этим не сталкивались. Напротив они отмечали, что в их регионе есть узбекский театр, узбекские школы и узбекская мечеть. Заместитель директора школы в селе Карабулак утверждал, например: «наша школа открыта для всех. У нас здесь учатся узбеки и казахи и у всех одинаковые условия обучения. Директор школы сам этнический узбек. Поблизости также функционирует другая узбекская школа» (Рахмжан, Карабулак). Другой житель села Карабулак Абдулазиз высказал мнение: «Вы присутствовали во время пятничного намаза в мечети и сами видели, что все в мечети были узбеками» (Абдулазиз, Карабулак). По мнению руководителя узбекского театра «нет дискриминации. Один из моих сыновей работает майором полиции, другой сын работает врачом. Еще один сын – директор школы» (Икрам, Тассай).

Об отношении к правительству

Следует отметить также, что многие респонденты связывают их позитивное отношение к жизни в Казахстане с именем первого президента Нурсултана Назарбаева и его политикой. По их мнению, это благодаря его «мудрой» и «прозорливой политике» многим этносам живется уютно в Казахстане. Следующие высказывания характеризуют их отношение к личности президента Назарбаева и его политике среди узбекской этнической группы: «Президент Казахстана мудрый человек, который делает все для того, чтобы многие этносы жили в мире» (Мирзохид, Сайрам). «Благодаря мудрой политике нашего президента в 2003 году был открыт узбекский театр. Это был настоящий подарок для нашего этноса, который стоит полмиллиона» (Икрам, Тассай).

Тем не менее, отношение к правительству отличается достаточно сильной эмоциональностью. Потому что, как только речь заходит о возможностях трудоустройства и заработках местных узбеков, некоторые респонденты выразили свое недовольство актуальной экономической ситуацией в их регионе и в стране в целом. «Смотрите, спичечная фабрика закрыта. Цементный завод работает не на полную мощь. Чем мы должны заниматься?» (Абдулазиз, Сайрам). «Раньше Сайрам обеспечивал весь город (Шымкент) фруктами и овощами. Так много всего росло здесь. А что сейчас? Ничего ... Мы должны ехать в город, чтобы купить овощи» (Кемаль, Сайрам). «Тенге [национальная вальта] уже долго обесценивается. Смотрите, сколько стоит доллар. Как можно так жить» (Рустам, Шымкент). Многие сказали, что они либо имеют сад, либо имеют свой маленький бизнес, чтобы не жить в бедности. В действительности торговля кустарным производством и сельскохозяйственной продукцией является важным источником дополнительного дохода для многих в городе Шымкент и в узбекских селах вокруг него. По нашим наблюдениям мы установили, что в селах Тассай, Аксу и Сайрам почти каждое домашнее хозяйство имеет земельный участок с садом.

Наряду с возрастающей безработицей респонденты также пожаловались на дефицит воды для полива участка. Несмотря на то, что многие понимают, что изменение климата частично является причиной этого, они думают, что виной этому служит также неправильная политика административных органов: «Они хо-тят, чтобы мы занимались сельским хозяйством. Но как можем мы оплачивать расходы за воду с нашими доходами?» (Омар, Сайрам). Другой жаловался: «Саду необходим микроклимат. Как мы можем создать этот микроклимат, если нет воды?» (Баходыр, Шымкент).

Проблема воды, кажется, на самом деле является очень серьезной проблемой в этом регионе, которая потенциально может ухудшить отношения между этносами. Участники фокус-группы отметили, например, рост маленьких, локальных разногласий между узбеками и казахами, которые участились по причине недостающего или отсутствующего доступа к воде. Под казахами здесь в основном подразумеваются казахи, которые вернулись из Узбекистана (оралманы). «Иногда возникали ссоры из-за воды. Ну да, это случается редко, но они случаются» (Акрам, Сайрам). Как рассказали другие участники фокус-группы, когда возникали такие столкновения в прошлом, старейшины с двух сторон пытались быть посредниками среди

жителей: «Мы стараемся говорить с людьми и успокоить их. Мы стараемся также помирить их с помощью религии» (Кемаль, Сайрам). «Необходимо понимать, что проблема воды является общей проблемой, которая касается не только узбеков» (Мирзохид, Сайрам).

Когда вслед за этим у респондентов спросили об их связях с «исторической родиной» Узбекистаном, почти все сказали, что у них там есть родственники и они поддерживают с ними родственные отношения. Как сказал один информант: «это недалеко отсюда, и пересекать границу сейчас стало намного проще. Иногда мы едем туда. Иногда они приезжают к нам. Но все это зависит от денег» (Мирзохид, Сайрам). Кроме родственных отношений других отношений с Узбекистаном не существуют. Когда респондентов спросили об этом, все они ответили категорически отрицательно. Сам директор узбекского драматического театра утверждал, что они не получают никакой поддержки из Узбекистана: «Узбекский драматический театр является государственным коммунально-казенным предприятием. Мы финансируемся государством. Областной акимат платит нам зарплату и погашает наши коммунальные расходы. Из Узбекистана мы не получаем никаких денег. (...) Нас приглашают туда регулярно на гастроли. Они едут к нам. За 25 лет это в первый раз, когда они к нам приезжают. Кроме того у нас хорошие партнерские отношения с казахским культурным объединением там и мы ставим совместные спектакли» (Икрам, Тассай).

Об Ассамблее народа Казахстана и этнокультурных объединениях

Что касается роли Ассамблеи народа Казахстана, то создается впечатление, что многие слышали об этой организации, но не все удовлетворены ее работой. Узбекский драматический театр работает тесно с Ассамблеей и в прошлом участвовал во многих проектах под ее патронажем и руководством. По словам директора театра: «Да, это верно, как вы сказали, мы в тесном контакте с Ассамблеей народа. (...) Благодаря усилиям Ассамблеи народа и Министерства образования мы наладили контакт с Верховным эмиссаром ООН по вопросам беженцев. (...) Они приезжают к нам каждый год. Мы работаем с ними над одним проектом, целью которого является создание билингвальных школ» (Икрам, Тассай). По его мнению, концепция билингвальных школ очень распространена в регионах компактного проживания узбеков. С другой стороны мы услышали также критические замечания относительно роли Ассамблеи народа Казахстана. Житель села Аксу сказал, например: «Что это изменит, если мы пойдем к ним. Они же не могут поднять наши доходы» (Акмал, Аксу). Другой участник фокус-группы пожаловался: «Мы однажды пошли в культурное объединение и попросили их, сходить в акимат. Но их оттуда выгнали» (Джафар, Сайрам).

Заключение

На основе результатов интервью с жителями узбекской национальности города Шымкента и его окрестностей можно сделать вывод, что узбеки чувствуют себя хорошо и не подвергаются дискриминации по признаку их этнического происхождения. Узбеки имеют сильное чувство укоренения в регионе и не имеют намерений покинуть эту страну. Напротив, они подчеркивают свои исторические и культурные связи с казахским народом и привержены сохранению гармоничных отношений с другими этническими группами. В настоящее время в регионе нет признаков межэтнического конфликта. Напротив, создается впечатление, что узбеки очень хорошо находят общий язык с другими этническими группами и поддерживают дружеские отношения друг с другом. В регионе есть многочисленные учреждения, представляющие интересы узбеков. К ним относятся узбекские школы, мечети, культурные ассоциации и собственный театр. Исследование показало, что члены узбекской общины относительно хорошо представлены во всех экономических и социальных секторах. При этом можно сделать вывод о том, что в настоящее время нет социального неравенства между казахами и узбеками. Что касается их политических установок, большинство узбеков в основном лояльны к правительству и поддерживают нынешнюю политику государства.

Несмотря на эту весьма позитивную оценку положения узбеков, в отношениях между этническими группами существуют некоторые очаги конфликта. Прежде всего, они касаются отношений между коренными узбеками и вновь прибывшими казахами (оралманы) и как правило связаны с проблемами доступа к ирригационной воде. Было очевидно, что проблемы с доступом к воде уже нарушили добрососедские отношения между узбеками и приезжими казахами в некоторых местах. Представители обеих групп ошибочно обвиняют друг друга в отсутствии воды, хотя очевидно, что эта проблема вызвана неправильной политикой местных властей. Кроме того, вновь прибывшие казахи обвиняют узбекскую общину в том, что они живут лучше чем казахи, хотя они находятся на своей исторической родине, в то время как узбеки - «гости».

ГЛАВА 6.4: УКРАИНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В КАЗАХСТАНЕ

Украинцы в Казахстане аналогичным образом представляет собой интересный объект для исследований. После начала конфликта на Украине в 2014 году среди украинской диаспоры в Казахстане, как и в остальных постсоветских республиках, обострилось негативное отношение к России. В то же время украинцы начали по-новому оценивать их историю, этничность и идентичность. В этой главе мы рассмотрим взгляды и мнения представителей украинской диаспоры в Казахстане. В частности нас интересует их взгляды на жизнь в Казахстане, положение их этнической группы, состояние межэтнических отношений и роль институтов в представлении их политических интересов. К сожалению, до сегодняшнего дня нет научной литературы, в которой рассматривались бы положение украинского населения в Казахстане. В связи с этим данная глава дает возможность получить первые представления об их ситуации в Казахстане.

По данным переписи населения на 1 января 2009 года в Казахстане проживало 333 000 этнических украинцев. После казахов, русских и узбеков украинцы занимают четвертое место по численности в республике. По неофициальным данным численность украинцев достигает почти 450 000 человек. Если посмотреть внимательно на демографическую динамику украинского населения, то можно заметить постепенный спад их численности. В 1989 году они составляли 4,4%, в 1999 году 3,2%, а в 2009 году 2,1% всего населения Казахстана. В 2012 году их численность сократилась до 1,8% или до 308 100 человек. Местами компактного проживания этнических украинцев являются северные области Костанайская (102 400 человек), Акмолинская (около 46 000 человек), Карагандинская (61 600 человек), Павлодарская (48 000 человек) и Северо-Казахстанская (35 600 человек).

Среди этнических украинцев в Казахстане доминируют люди пенсионного возраста (более 55% от всей численности в стране). В основном это люди, которые были насильственно депортированы в Казахстан. Предположительно, 18% из них все еще живы. Их средний возраст достигает 70-80 лет. 35% украинцев - это те, кто приехал в Казахстан в 1950-е годы в рамках кампании по освоению целины. Доля более молодого поколения украинцев составляет также почти 35% от всей численности. Кроме этого около 6-7% украинцев приехали в Казахстан в качестве (легальных или нелегальных) мигрантов из Украины, России и других центральноазиатских республик.

Данный отчет был подготовлен, базируясь на материалы полевых исследований украинских этнокультурных центров Астаны и Павлодара.

Исторический обзор об украинцах в Казахстане

В целом можно выделить четыре миграционные волны украинцев в Казахстан (см. Nechayeva: 2016: 7; Demin & Gasaliev, 2012: 6). Первые украинцы приехали сюда во второй половине 18-го века. В 1768 году в Казахстан были высланы участники так называемого национально-освободительного движения «Гайдамак», которая была подавлена Царской Россией. За ними последовали Запорожские казаки, которые были сосланы русской императрицей Екатериной II после уничтожения Запорожской Сечи в 1775 году. Вторая волна пришла на 1930-е годы, когда в Казахстан были высланы на поселение и трудовые лагеря (напр. Карлаг, Степлаг) политические осужденные из Украины. Многие из них погибли там. Третья волна пришлась на время Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.), когда после присоединения Западной Украины к Советскому Союзу в 1939 году многие так называемые «нежелательные» и «враги Советского Союза» были высланы в казахские степи. Среди них были члены национально-освободительного движения в Западной Украине, которых называли «бандеровцы». Также было много представителей грекокатолической церкви, которая была упразднена в 1946 году. Советское Правительство обвинило их в сотрудничестве с украинскими националистами. По некоторым данным только за период с 1944 по 1947 годы количество украинцев в трудовых лагерях выросло более чем в два раза. На 1 января 1955 года общая численность украинцев в тюрьмах, лагерях и поселениях достигала 506 221 человек или 20,02% всех заключенных в Казахстане (Demin & Gasaliev, 2012: 7). Последняя более многочисленная группа украинцев приехала в Казахстан в 1950-е годы в рамках кампании по освоению целины. Многие из них поселились в северных областях, где осваивались новые земли. Среди членов украинских культурных центров в Астане и Павлодаре мы, напри-

мер, установили, что большинство из них или же их родители приехали в Казахстан в 1950-е годы. Среди них мы встретили много украинцев, которые были родом из Житомира, Винницы, Николаевской области, Одессы и Донбасса.

Отношение к жизни в Казахстане

Из интервью с представителями украинской этнической группы мы установили, что в целом украинцы чувствуют себя в Казахстане относительно хорошо интегрированными и не сталкиваются с дискриминацией. Исследование показало, что украинцы в украинских этнокультурных центрах, с одной стороны, чувствуют себя частью украинского народа, а с другой стороны казахстанцами, поскольку прожили и проработали в Казахстане всю жизнь. На вопрос об их отношении к жизни в Казахстане, один респондент ответил, например: «Я «самочувствую» себя причастным в первую очередь именно к украинской этнической группе славянских народов. Это доминантное самоощущение. Хотя по ментальности как и многие другие, чувствую себя казахстанцем» (Тарас, Астана) Другой респондент Михаил также отметил свою этническую принадлежность как украинца, но в то же время выразил удовлетворение, что живет в Казахстане: «Я украинец — это значит, что я поддерживаю украинскую культуру, т.к. я родился и вырос на Украине... Доволен тем, что живу в едином нашем Казахстане» (Михаил, Астана). Многие украинцы употребляют русский язык в повседневной жизни. По данным последней переписи 2009 года только 0,6% украинцев говорят на казахском языке, в то время как 63,3% указали русский язык в качестве родного языка. И только небольшая часть говорит на украинском языке. По их данным многие украинцы забыли свой родной язык из-за смешанных браков и русскоязычного окружения.

В то же время у украинцев положительное отношение к другим национальностям в Казахстане. Участник опроса по имени Степан сказал, например, что, несмотря на украинские корни, он состоит как в украинском ансамбле «Chervona Kalina» так и белорусском «Rainbow» и может петь как на украинском, так и на белорусском языках. Светлана, которая выступает в том же самом ансамбле, сказала, что, несмотря на свой русский паспорт, она очень любит украинскую культуру. В то же время функционируют несколько воскресных школ, которые предлагаются украинскими этнокультурными центрами. По их словам они берут всех детей независимо от их этнического происхождения. Основываясь на эти примеры можно сделать выводы, что украинская этническая группа не представляет собой закрытую группу, которая фокусируется только на членах своего этноса. Напротив украинцы считают себя открытыми.

Это можно также наглядно увидеть по отношению членов украинских этнокультурных центров к смешанным бракам. Как выяснилось во время интервью с ними, украинцы очень часто вступают в межэтнические браки. Например, участница по имени Галина рассказала: «Я наполовину русская, наполовину украинка, потому что моя мама украинка, а мой отец русский» (Галина, Астана) Во время полевых исследований в Павлодаре мы также установили, что в городе много смешанных семей между украинцами и, в большинстве своем, этническими русскими. Несмотря на позитивное отношение к смешанным бракам, выяснилось, что смешанных браков между казахами и украинцами можно встретить очень редко.

В этой связи стоит заметить, что ввиду нынешнего конфликта между Украиной и Россией растущая тенденция роста смешанных браков между украинцами и русскими по-разному влияет на восприятие и оценку причин конфликта среди украинцев Казахстана. Как выяснилось, потомки смешанных браков в своих оценках признают обе стороны виновными в причинах конфликта. Когда им задают вопрос о конфликте в Украине, они с одной стороны обеспокоены событиями там. Многие из них имеют родственников там и беспокоятся об их дальнейшей судьбе. С другой стороны создается впечатление, что давая оценку политике России, их оценки колеблятся между критикой и признанием. Следующее высказывание Галины из Астаны отражает противоречивое отношение к войне в Украине и политике России среди казахстанских украинцев: «У меня болит душа за Украину, что там сейчас война, неспокойно. Из-за политических разногласий у нас прервалась связь с родственниками. Я так же люблю и русскую культуру, потому что отец мой русский» (Галина, Астана). Основываясь на этом высказывании, можно, по крайней мере, заключить, что украинцы в Казахстане не представляют собой единое коллективное сообщество с внутренней солидарностью, идентичностью и способностью к общим действиям.

На фоне конфликта в Украине многие подчеркивают важность сохранения межэтнического мира в стране и указывают на исторические и культурные сходства между двумя народами. Например, руководитель гре-

кокатолической церкви в Астане, которую посещают многие украинцы, отметил особую роль Казахстана в истории грекокатолической церкви:

«Казахстан – это место особенное... когда ты узнаешь про путь Греко-Католической Церкви на этой земле, о том, сколько мучеников вышло из ее рядов, вот тогда ты поймешь, что здесь становится осязаемой тайна гонимой Церкви...В Казахстане накоплен громадный опыт жизни Церкви в подполье и мученичества. На территории Казахстана было очень много концлагерей. Мы теперь собираем данные об их узниках. Уже известно, что в местах заключения здесь побывало свыше 200 священников» (Василий Говера).

Рисунок 6: Украинская церковь в Астане

Источник: Личное фото

Украинские этнокультурные центры и организации

Украинская этническая группа в Казахстане кажется хорошо представленной. Есть два республиканских объединений «Рада украинцев Казахстана» и «Украинцы Казахстана», которые представлены в Ассамблее народа Казахстана. По инициативе Ассамблеи народа Казахстана и при ее поддержке функционируют множество этнокультурных центров и украинских воскресных школ (см. Demin & Gasaliev, 2012: 66). Кроме этого в Астане есть украинская гимназия и украинская церковь. Далее мы рассмотрим украинские этнокультурные объединения в Казахстане.

Первые этнокультурные объединения украинцев возникли еще во времена Советского Союза, когда под давлением многих национальных движений Советское правительство под руководством Михаила Горбачева позволило многим этническим группам создать свои культурные центры, чтобы поднять их национальное самосознание (см. Gitelman, 1994). Создание первого украинского культурного центра «Ватра» в тогдашнем Целинограде (сейчас: Астана) связывают с именем З.Н. Грицуляк. Во время разговора с нынешним руководителем объединения «Ватра» Т.А. Чернега рассказала нам историю создания объединения: «Все началось с конца 1980-х гг., когда с 1989 гг. на волне перестройки стали создаваться культурные центры. Первыми были немцы. Сначала украинцы были частью (украинским крылом Республиканского славянского Движения Лад). (...) Зиновий Никифорович Грицуляк возглавлял украинскую часть «Лада». Он окончил Ивано-Франковский медицинский университет. Был оттуда отчислен, поскольку выступал с идеей, чтобы преподаватели читали лекции на украинском языке. Его отчислили, но поскольку он был спортсменом, его вновь восстановили, но не простили. Парторг сказал, что таким место в Казахстане.

И его распределили в Казахстан...» (Чернега, Астана). После прибытия в Казахстан З.Н. Грицуляк сделал хорошую карьеру в Целинограде. После того как он стал депутатом городского маслихата (городской совет), он начал продвигать идею создания украинского культурного объединения через маслихат.

Рисунок 7: Украинский культурный центр «Ватра»

Источник: Личное фото

На сегодняшний день украинские этнокультурные объединения стали важным местом встречи для многих этнических украинцев в Казахстане и важным мостом между Украиной и Казахстаном. Центры предлагают различные языковые курсы для заинтересованных украинцев, организуют разные культурные и информационные мероприятия, и проводят воскресные школы. Кроме этого они поддерживают тесную связь с украинским посольством и консульством. Одной из знаковых тенденций, которая характеризует деятельность украинских этнокультурных центров на современном этапе, является стремление показать историческую общность с казахским народом. При этом личность и творчество украинского поэта, художника и мыслителя Тараса Шевченко, который был сослан в середине 19-го века в Казахстан, считается символом единства и общности между двумя народами. Во время своей ссылки в Казахстан украинский поэт сочинил целый цикл стихов, создал более 200 картин и написал девять романов. На сегодняшний день украинские этнокультурные центры организуют совместно с посольством Украины и с участием казахстанских ученых чтения и другие мероприятия по случаю 200-летнего юбилея Т. Шевченко. На этих мероприятиях подчеркивается единство судеб казахского и украинского народа и обсуждается сходство трагической истории обоих народов, как например, голодомор в 1932-1933 годы, массовые репрессии и насильственные депортации в Казахстан.

Рисунок 8: Украинские газеты в Казахстане

Источник: Личное фото

Важная часть работы этнокультурных центров состоит в развитии и поддержке культурных и научных связей с Украиной. Например, этнокультурные центры при поддержке украинской гимназии в Астане ежегодно выделяют стипендии украинским студентам на обучение в Украине. Только в 2015 году, то есть после начала конфликта в Украине, были выделены 10 стипендий на обучение в бакалавриате и 10 стипендий на обучение в магистратуре в ВУЗах Украины. Однако было неясно, нужно ли было иметь украинское происхождение для участия в конкурсе на получение стипендии. Во время интервью с руководителями и членами этнокультурных центров мы выяснили однако, что многие выпускники украинской гимназии и воскресных школ получили образование в ВУЗах и университетах Украины, среди них в таких знаменитых учебных заведениях, как Харьковский авиационный институт, Политехнический университет в Киеве, авиационный институт в Киеве и т.д.

Трагические события в Украине сильно повлияли на работу украинских этнокультурных центров. С началом конфликта украинское посольство в Казахстане пытается использовать их в качестве рупора для распространения новых цивилизационных и политических ценностей Украины среди украинцев Казахстана. При этом акцент делается на необходимость десоветизации и деколонизации украинского общества и на этой основе создания нового украинского государства, которое будет иметь прочные корни в Европе. Очень важно заметить, что в связи с конфликтом в Украине подобного рода старания украинского посольства находят всестороннюю поддержку среди руководителей украинских этнокультурных центров. Руководитель объединения «Варта» Чернега, например, описывая события на Украине в газете «Украинские новости», основывается на информации украинских СМИ, которые показывают Россию в качестве агрессора. История Украины также интенсивно обсуждается. Мартовский номер газеты «Украинские новости» от 2015 года был посвящен личности Т. Шевченко, чье 200-летие праздновали в 2014 году. В этом издании была опубликована статья академика Николая Жулинского, директора Института литературы им. Т.Г. Шевченко «Тарас Шевченко: «подай душі убогій силу...» (Україна і Казахстан у пощуках національної ідеі), где указывается, во-первых, на общее колониальное прошлое Украины и Казахстана в составе Российской империи, когда самодержавной Россией осуществлялся курс на ассимиляцию нерусских народов, руссификацию и формирование идентичности на основе русского титульного этноса. По его мнению, эта политика до сих пор продолжается. Во-вторых, Украина и Казахстан должны формировать собственную национальную идею на основе базовых культурных ценностей («народнокультурна мобілізація»), которые содержатся в традиционной культуре народа и произведениях национальной интеллигенции. Другой ключевой темой, в которой видится единство судеб казахского и украинского народа – это массовый голод 1932-1933гг., а также массовые репрессии и насильственная депортация в Казахстан.

С начала конфликта в Украине украинские культурные объединения все больше проводят «круглые столы» с представителями украинской диаспоры в Казахстане, в рамках которого обсуждают также советское прошлое. Например, Вольвик Ирина Ивановна вспоминает круглый стол на тему Великой Отечественной войны, который проводился в мае 2015 года с участием украинского посольства. По мнению Вольвик, украинское посольство стремилось занизить значимость Великой Отечественной войны для советского народа. Многие участники, в том числе и она, выступали напротив за осторожный подход к теме Великой Отечественной войны:

«Они интерпретируют, что не Великая Отечественная война, а Вторая мировая война. ВОВ была одной из войн, венгры воевали, румыны воевали. Украина в состав Европы тогда не входила. Отмечайте Вторую мировую войну, но нельзя все отмести сразу. Нужно аккуратно. Люди слушают, им дико. Мы выросли в том советском государстве и за пять минут не измениться» (Ирина, Астана).

Эту позицию разделяли также многие другие члены этнокультурного центра. Директор воскресной школы «Оберег» в Астане Наталья Глущенко во время нашего интервью вспоминает, что она пережила культурный шок, когда она и школьники украинской гимназии в Астане посетили Львов в 2008 году. Они стали очевидцами парада украинской повстанческой армии в центре города: «У мальчиков челюсти выпали. Я тоже в культурном шоке. Говорю им: «Вы же люди взрослые. Должны понимать для них Бендера — национальный герой. Западную Украину присоединили насильственно, у них свои чувства и горечь разочарования». Нас учили, что это враги. В сознании это сидит. Я не смогу сразу поменять свое мнение» (Наталья, Астана).

Надо заметить, что сами представители украинских этнокультурных центров охарактеризовали описанный процесс переосмысления истории, цивилизационной идентичности как *«ломка, кризис»*. В частности, ре-

спондент Наталья высказалось следующим образом: «У нас ломка, кризис, в мозгах все перестраивается, каждый сам должен определиться» (Наталья, Астана).

Опираясь на эти примеры, можно сделать вывод, что конфликт в Украине стал причиной сложного, порой травматичного процесса осмысления этнической проблематики внутри украинской этнической группы в Казахстане. Очевидно, что вследствие этого процесса они стали чувствительней к этническим вопросам и стали более чуткими к проблемам межэтнических отношений. Собственная история, политика и религия оцениваются по-новому. Если раньше этнические категории входили в жизнь людей центра на уровне украинских песен, танцев, стихов Шевченко, организации украинских хат, сейчас они появляются в сознании на уровне переосмысления истории, политики, этнической и цивилизационной идентичности.

Рисунок 9: Украинский культурный центр «Оберег»

Выводы

Опираясь на результаты интервью с представителями украинских этнокультурных центров в г. Астане и Павлодаре можно сделать вывод, что в целом украинцы, участники украинских этнокультурных центров, удовлетворены своим положением в казахстанском обществе, и чувствуют себя как украинцами, так и частью единого казахстанского народа. Украинцы в Казахстане не являются этнически замкнутой группой, допуская смешанные браки. Украинские этнокультурные центры приветствуют участие в своей деятельности представителей разных этносов, стремясь познакомить с украинской культурой различные этнические группы, проживающие в Республике Казахстан.

Конфликт между Россией и Украиной отрицательно отражается на работе украинских этнокультурных центров. Как заметили руководители трех воскресных школ, количество детей, которые обучаются в воскресных школах, заметно сократилось. По словам учителей, родители, находящиеся под воздействием СМИ, преимущественно российских, перестали приводить своих детей в украинские центры из-за конфликта. Респонденты высказывали также пожелания, чтобы казахстанцы имели возможность услышать информацию о событиях в Украине с украинской точки зрения. Респонденты высказывали пожелание организовать кафедры или Центры украиноведения на базе казахстанских ВУЗов с тем, чтобы можно было бы глубоко, на научном уровне, изучать украинскую культуру, историю, а также современные процессы в этой стране.

На основе интервью можно также прийти к выводу, что под воздействием конфликта на Украине члены украинской этнической группы переживают в настоящий момент мировозренческий сдвиг, ломку устоявшихся представлений. Их отношение к России, а также к их собственной истории, переживают процесс переосмысления, последствия которого сейчас пока трудно оценить.

ГЛАВА 6.5: НЕМЕЦКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В КАЗАХСТАНЕ

Немецкое население представляет собой также интересный пример для исследования. В нашей выборке они наряду с чеченцами относятся к этнической группе, которые приехали в Казахстан в результате репрессий в Советском Союзе в 1940-е и 1950-е годы. Как и чеченцы, немцы относились к числу «нежелательных людей». Они долгое время испытывали многочисленные притеснения и находились под контролем государства. Кроме того, Германия является для казахстанских немцев «внешней родиной», в силу чего немцы идентифицируют себя на стыке Казахстана и Германии.

Немецкая этническая группа в Казахстане занимает по численности 7 место. В 2014 году в Казахстане насчитывалось только 181 981 немцев или 1,06% населения. Эти цифры говорят о заметном сокращении численности немцев, которая по данным последней переписи населения в Советском Союзе 1989 года составляла 957 518 человек или 5,8% населения (Podoprigora, 2015: 457). Если опираться на данные переписи 1989 года, то численность немцев в Казахстане сократилась почти на 80%. Уменьшение немецкого населения в первую очередь связана с их выездом в Германию и Россию (в России преимущественно Алтайский край, Курская область и Калининград) (см. Yves-Oliver Tauschwitz, 2015: 150). Несмотря на то, что миграционный поток в Германию в последние годы относительно уменьшился (в первую очередь из-за требования немецкого Правительства сдать тест на знание немецкого языка, которое действует с 1996 года (см. Sanders, 2015: 294)), численность этнических немцев в Казахстане падает. На сегодняшний день представители немецкого населения в Казахстане живут разбросано, преимущественно в северо-восточных областях в Костанайской, Акмолинской, Павлодарской, Карагандинской областях и в городе Алматы (Podoprigora, 2015: 458; Suraganowa & Kurmanowa, 2015: 434). Если отразить это в цифрах, то в Карагандинской области проживают 33273, в Костанайской области 27798, в Северо-Казахстанской области 20800, в Восточно-Казахстанской области 14030 немцев. 6400 немцев проживают в городе Семей. Половина всех немцев живут в городах (89322 человек), другая половина живут в селах (89087 человек) (Podoprigora, 2015: 458).

По сравнению с другими этносами, такими как, например, узбеки или уйгуры, немцы в возрасте от 0-9 и 10-19 лет составляют лишь 12,3%, что, по мнению Подопригоры, указывает на длительное падение рождаемости среди немцев. Самая многочисленная возрастная группа находится в возрасте 20-29 лет (23.4%). Это то поколение, которое родились между 1980 и 1990 годами, когда среди немцев Казахстана наблюдался рост рождаемости (Podoprigora, 2015: 458). Самая малочисленная группа среди немцев – это люди в возрасте от 60-69 (4.6%), а также 70 лет и старше (5.5%). Низкую численность немцев в этих двух возрастных группах часто связывают с последствиями репрессий и депортаций на протяжении 1940-х и 1950-х годов. Другой причиной является многочисленная эмиграцию людей внутри этих возрастных групп (Podoprigora, 2015: 459).

Исторический обзор о немцах Казахстана

Первые немецкие поселения в Казахстане появились к концу 19 века. По словам Владимира Аумана в то время численность немцев на территории сегодняшнего Казахстана была еще незначительной и составляла около 400 человек (Aumann, 2015: 527). Эти первые немцы были в основном военнослужащие и гражданские чиновники, военные врачи, фармацевты и люди свободной профессии. Отмена крепостного права в 1861 году во время правления Александра II и усиление общественного давления вызвали в конце 19 и в начале 20 века большую миграционную волну из России в Казахстан. Среди переселенцев были также немецкие крестьяне в основном из сельских регионов Поволжья, с Крымского полуострова и Волыни (Аиmann, 2015: 528). Перед началом Первой мировой войны (1914-1918) численность немцев в Казахстане достигла уже около 70 000 человек. Следующая волна массовой иммиграции немцев в Казахстан пришлась на середину 20 века, во время насильственного переселения советских немцев из Поволжья и других регионов России в 1950-е годы (Aumann, 2015: 528). В эти годы более 1 000 000 людей были переселены в южные регионы Советского Союза. Половина из них приехала в Казахстан. Таким образом, немцы стали третьей по численности этнической группой в Казахстане.

После окончания Второй мировой войны немцы Казахстана находились под строгим контролем госу-

дарства. Из-за того, что они обвинялись в шпионаже и измене во время Второй мировой войны, им не разрешалось получать высшее образование, использовать свой родной язык официально и работать на некоторых профессиях. Только в 1964 году с немцев Казахстана частично были сняты эти обвинения, хотя они не были реабилитированы полностью (Aumann, 2015: 528). С этого времени немцы могли постепенно интегрироваться и занять особое место в экономике и обществе Казахстана. Под руководством Динмухамеда Кунаева в качестве первого секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Казахстана (1960-1962; 1964-1986 гг.) немцы стали назначаться на позиции в структурах власти и получали продвижения по карьере. Немцев ценили прежде всего за их усердие, любовь к порядку и надежность. Во многих совхозах и колхозах, где жили немцы, директора назначались из их числа (см. Aumann, 2015: 530; также Taschtemchanowa & Bajmuldina, 2015).

Отношение к жизни в Казахстане

В целом большинство немцев довольны своим положением в Казахстане и думают, что хорошо интегрированы в обществе. По словам Александра Дедерера, бывшего Председателя Ассоциации немцев Казахстана «Возрождение», около 90% всех немцев Казахстана считают их материальное положение хорошим или средним. По его мнению, количество немецких семей, где наблюдается улучшение материального положения, намного выше, чем количество семей, которые испытывают материальный недостаток. В любом случае эти цифры свидетельствуют о положительной динамике довольства немецкого населения их уровнем и качеством жизни (Dederer u.a., 2015: 330). В то же самое время Дедерер отмечает, что в социально-экономической сфере существуют проблемы. Опрос, который проводился в 2015 году показывает, что только 2% всех немцев Казахстана могут позволить себе покупку недвижимости, транспорта или отпуск в излюбленном месте, и т.д. Около 47% всех трудоспособных немцев считаются «бедными» и 22% «очень бедными» (Dederer, 2015: 331). В особенности, ситуация остается острой среди немцев, которые проживают в сельской местности.

Несмотря на эту динамику, среди немцев наблюдается позитивное отношение и преобладающая лояльность к Казахстану как государству, и они воспринимают страну как свою родину. Ауман, например, утверждает: «Для меня, как и для большинства немцев Казахстана, эта страна стала родиной. Тяготы, которые возникали из-за незаслуженных обвинений и репрессий, сделали нас сильнее, толерантность казахского народа помогла нам выдержать многое» (Aumann, 2015: 529). Аналогично можно наблюдать, что настроение уехать из страны, которое было распространено в 1990-е и 2000-е годы среди немецкоговорящего населения, в последнее время намного снизилось. Большей частью причиной этому служит ужесточение миграционного законодательства в Германии, согласно которому с 1996 года переселенцам из стран бывшего Советского Союза необходимо сдать обязательный тест на знание немецкого языка (см. Sanders, 2013: 200). С другой стороны это можно объяснить позитивным переломом в настроении среди немецкого населения, которые постепенно пришли к убеждению, что им в Казахстане живется лучше, чем в Германии. Например, по мнению Егора Каппель, депутата нижней палаты парламента Мажилис: «Раньше я работал акимом Аршалинского района в Акмолинской области. ... 15 лет тому назад, когда я был директором совхоза, передо мной тоже стоял выбор [уехать или остаться]. Но после того как я все спокойно обдумал, я сказал своим детям: «Мы остаемся здесь, поэтому получайте образование, создавайте семьи и работайте здесь.» И сейчас я глубоко убежден, что я не совершил ошибку. Нельзя жить в стране, которая тебя вырастила, дала образование, сделала тебя личностью, и думать постоянно о переезде. Мы все должны воспитать в человеке крепкую гражданскую позицию по принципу «Патриот, азамат, граж∂анин Казахстана» » (цит. в Podoprigora, 2015: 459-460). По мнению Риты Сандерс это в действительности обычное явление услышать от немцев мнение, что лучше остаться в Казахстане, чем уезжать в Германию, потому что здесь лучше, чем «там». Что не нравится казахстанским немцам в Германии, так это обилие строгих предписаний касательно «почти всего», в то время как создается впечатление, что они ценят недостаточное количество правил в Казахстане и относительную легкость решения проблем. В то же время многие немцы считают, что переезд в Германию может усугубить их состояние здоровье из-за разницы в климате между Казахстаном и Германией (Sanders, 2015: 307). Кроме того все немцы убеждены, что немецкая идентичность в Казахстане сегодня очень ценится и имеет преимущества во многих социальных и экономических сферах. В первую очередь очень высоко ценятся активная гражданская позиция и прилежность немцев (см. Taschtemchanowa & Bajmuldina, 2015: 381-385). Как правило, они склонны сравнивать свою ситуацию с положением немецких переселенцев в Германии, которые чувствуют себя в немецком

обществе относительно маргинализованными (Sanders, 2015: 307).

Рисунок 10: Молодежь немецкой ассоциации «Возрождение» на встрече с директором Представительства Фонда им. Конрада Аденауэра в Казахстане господином Томасом Хельм в Доме дружбы г. Павлодар

Источник: Личное фото

С другой стороны можно наблюдать растущую тенденцию возвращения некоторых немецких семьей в Казахстан. По официальным сведениям с 1999 по 2009 годы в Казахстан вернулись из Германии 831 человек на постоянное место жительство. Большей частью причиной возвращения являются тоска по прежней родине, неудавшаяся попытка интеграции в Германии, потеря работы или семейные обстоятельства (см. Schoenhuth & Kaiser, 2015). Также возвращаются некоторые немцы из стран СНГ обратно в Казахстан. В тот же период, например, вернулись в Казахстан 1800 немцев из России, 166 из Украины, 147 из Киргизии и 130 из Узбекистана. В 2010 году в Казахстан переехали 183 немцев (Podoprigora, 2015: 459).

Экскурс: Реэмиграция немцев из Германии в Казахстан

(Альфред Айсфельд, Гёттинген, Германия)

Миграционный обмен между Казахстаном и Германией рассматривается экспертами как в рамках глобальных миграционных процессов, так и под углом зрения экономических последствий «утечки мозгов», влияния на демографическое развитие обеих стран или как составляющая политики Германии по преодолению последствий германо-советской войны 1941-1945 гг. (Kriegsfolgenbereinigungsgesetz), ставшей основой для массовой миграции этнических немцев из СССР и стран СНГ с конца 1980-х гг. Среди факторов, повлиявших на высокую готовность к миграции, несомненно сыграло свою роль то, что «российские немцы ни на одной территории не задерживались более, чем на 30 лет» (Савоскул, 2016: 2), причем депортированные в годы второй мировой войны немцы из Европейской части СССР, не получившие права на возвращение на свою «малую родину», рассматривались прежде всего как рабочая сила, которую было целесообразно закрепить и трудоустроить в определенных для них властью регионах расселения (Карпы-кова, 1997: 208-217). В 1960-х - 1970-х гг. наблюдалось «стирание» правовых и психологических барьеров, созданных вокруг депортированных немцев. Эта нормализация сопровождалась урбанизацией, утерей родного немецкого языка, ростом количества межнациональных браков и растущей самоидентификацией себя молодого поколения как равноправной части казахстанского социума. Изменение миграционной политики СССР в 1987 г. открыло немецкому населению возможность переселения в Германию, которую многие, прежде всего старшее поколение, называли своей «исторической родиной».

С 1992 по 2016 г. из Казахстана в Германию прибыло на ПМЖ 934 514 немцев и членов их семей. За этот же период из Российской Федерации в Германию переселилось 711 628 этнических немцев и членов их семей (Bundesverwaltungsamt, 2016). Неудивительно, что не все переселенцы смогли найти себя в новой среде проживания. Их социализация проходила в совершенно иных условиях советского общества. В первую очередь при возникновении конфликтных ситуаций в быту или с законом, возникал вопрос: было ли решение о переселении в Германию правильным выбором? Уже в 1990-х годах в немецких СМИ появлялись сообщения о подростках и молодых людях, «привезенных» родителями в детском возрасте, не нашедших себе перспективы на будущее. В других случаях вставал вопрос возвращения в Казахстан или Россию, потому что оставшиеся там родители или другие родственники нуждались в уходе, но не могли быть перевезены в Германию.

Согласно данным, опубликованным в 1999 г. Агентством Республики Казахстан по статистике, с 1989 г. по 1998 г. из Германии в Казахстан вернулось 1312 чел. Из них 972 чел. вернулись в города, а в сельскую местность - 340 чел. Более половины возвращенцев (734 чел.) прожили в Германии от 6 до 9 лет, в то время как 219 чел. прожили в Германии до 1 года. Можно предположить, что каждый шестой из возвращенцев уже вскоре после переселения определил для себя, что сделал неудачный выбор. Более половины возвращенцев не смогли найти себя в другой стране, прожив там довольно продолжительное время. Из 972 чел. вернувшихся в города, почти две трети (633 чел.) сделали этот шаг после 6-9 лет проживания в Германии. Каждый третий возвращенец в сельскую местность сделал этот шаг уже в течение первого года. Ни тех, ни других, однако, неверно было бы относить к категории «экономические беженцы», поскольку они не оставались на содержании налогоплательщиков Германии. Прожив некоторое время (6-9 лет) в Германии, они вернулись в города Казахстана. Это характеризует их скорее как "временных трудовых мигрантов".

	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Эмиграция всего	1339	974	971	818	1206	2179	2196	2679
немцев	675	473	464	405	595	1155	1174	1491
Иммиграция всего	386	366	307	212	169	176	222	214
немцев	201	187	174	125	98	76	96	77

Кто были эти возвращенцы и почему они вернулись?

В числе 1312 возвращенцев немцев было 266 чел., т. е. каждый пятый. Это межнациональные браки, в которых один супруг немецкой национальности, а все другие члены семьи - не немецкой. Немецкие супруги могли получить возможность легального переселения в Германию. Они переселялись вместе с членами семьи, не получавшими статуса поздних переселенцев. Самые большие группы возвращенцев составляют русские (653 чел.), казахи (225 чел.), украинцы (68) и татары (43). Среди возвращенцев в города более половины были русскими, а немцы составляли менее 13 %. Среди возвращенцев в сельскую местность немцы составляли менее половины, а самой большой национальной группой были русские (35,7%). Примечательно, что 28,12 % (369 чел.) всех возвращенцев прибыли в Алматы, а русские составляли более половины (215 чел.) этого контингента (Агентство по статистике, 2000).

В 1999-2009 гг. из Германии вернулось 2080 чел. Среди возвращенцев этого десятилетия немцы составляли 40 %, русские - 699 (33,6%), казахи - 323 чел. (15,5 %) (Агентство по статистике, 2009: 125-126). В этих, по преимуществу межэтнических браках, немцы-мужчины составляли 53,8 %, а немки-женщины - 46,2 % (Агентство по статистике, 2009). Более половины возвращенцев (60,1 %) этого периода вернулись в города, причем 305 чел. в Алматы и 178 чел. в Астану, т. е. 38,3 % возвращенцев в города выбрали столичные города (Агентство по статистике, 2011: 71-72, 75). У этого контингента вряд ли можно предполагать причиной возвращения из Германии, что они были сельскими жителями, не сумевшими перестроиться на жизнь в городе. Возможно, определенную роль сыграл и факт снижения количества потенциальных мигрантов, получивших статус позднего переселенца. Не желая разрыва связей с членами семьи, не получившими право на переселение, от него отказывались и признанные «поздние переселенцы». Они свой статус при этом не теряли и могли переехать на ПМЖ в последующие годы. Количество переселенцев снизилось за

этот период с 49 391 чел. в 1999 г. до 836 чел. в 2009 г. (Bundesverwaltungsamt, 2000). Из всего потока переселенцев по немецкой линии за 20 лет в Казахстан вернулось 0,37%.

Что касается дискриминации, последние данные опросов показывают, что немцы не испытывают никакой дискриминации в Казахстане на почве их этнической принадлежности. Напротив, многие немцы не боятся подчеркнуть, что они являются немцами (см. Sanders, 2015: 452-453). По словам Литневской Ольги Владимировны, которая является заместителем директора немецкого культурного объединения «Возрождение» в Павлодаре: «у этнических групп не возникают сложности друг с другом и они живут в мире» (Литневская, Павлодар). Что касается шансов трудоустройства на государственную службу у этнических групп, она ответила, что у этносов не возникают сложности в этом вопросе, «так как представители различных этнических групп имеют очень хорошие позиции в Павлодаре. Могут возникнут сложности, если человек не владеет государственным языком (казахским)» (Литневская, Павлодар). Она добавила также, что все проблемы с трудоустройством являются «относительными», потому что все зависит от человека и его способностей. Этого мнения придерживается также Гончарук Лилия Павловна, Председатель немецкого культурного объединения «Возрождение» в Семее. В разговоре с ней она сказала, что «у них (немцев) нет проблем при трудоустройстве на государственную службу. Единственное требование — знание казахского языка» (Гончарук, Семей).

В этой связи необходимо также отметить растущую тенденцию среди немцев Казахстана вступать в межнациональные браки. Несмотря на то, что нет точных данных о количестве смешанных браков среди казахстанских немцев, считается, что количество таких браков достаточно высокое (см. Wolf & Beller, 2015: 397). Однако немцы предпочитают искать свою половину среди представителей славянских национальностей, чем среди местных казахов. Здесь играет роль прежде всего социально-культурная близость между немцами и другими русскоговорящими. Жительница г. Алматы немецкой национальности сказала по этому поводу, что она не против смешанных браков, но «если моя дочь будет вступать в такой брак, то лучше с русским, потому что казахи сильно отличаются культурой и обычаями. (...) Все больше становится казахов, которые ходят в мечеть. Это то, что меня отпугивает от перспективы, что моя дочь может выйти замуж за казаха» (Ирина, Алматы).

О существующих конфликтных вопросах

Позитивное отношение этнических немцев к Казахстану еще не говорит о том, что нет конфликтов во взаимоотношениях между немцами и другими этническими группами. По мнению многих опрошенных, нынешняя языковая политика является для них большой проблемой. На сегодняшний день представители немецкого населения, которые живут в Казахстане и связывают свое будущее с ним, должны владеть казахским языком, если они хотят интегрироваться в современное казахское общество. Знания казахского языка требуются при трудоустройстве на государственную службу. Эти требования кажутся для многих представителей немецкого населения непосильными, потому что большинство их низ сильно русифицированы.

Если значение казахского языка растет с каждым годом, немецкий язык переживает нелегкие времена. В последнее время изучение немецкого языка на всех уровнях обучения значительно сократилось (см. Вајтапоwa, 2015: 420; Nagich, 2015). Это связано, с одной стороны, с уменьшением числа желающих изучать немецкий язык и с дефицитом квалифицированных учителей немецкого языка как результат массового переселения немцев. С другой стороны, это связано с возросшей популярностью английского языка как языка международной торговли и бизнеса. В то же время правительство Казахстана всегда настаивало на активизации преподавания немецкого языка в так называемых «школах партнерской сети» с усиленным преподаванием немецкого обучения (так называемые школы PASCH) и с учетом потребностей этих школ в отношении учебных программ для обучения немецкому языку (Коттипіque, 11.07.2017: 2). Несмотря на эти заверения, эти планы до сих пор не были реализованы. Обучение немецкому языку по-прежнему преподается в меньшей степени и будучи факультативным предметом не подлежит системе оценок, что, согласно заявлениям самих директоров, сильно влияет на мотивацию учеников (по данным Германской рабочей группы, сентябрь 2017 года). На фоне такого развития неудивительно, что многие немцы Казахстана обеспокоены тем, что немцы «в Казахстане в ближайшее время (...) ассимилируются и исчезнут как этнос» (цит. в Aumann, 2015: 532).

Далее сложности возникают, если члены немецкого населения взаимодействуют с переселенцами-казахами (оралманы), прежде всего с теми, кто поселился в северных регионах, которые раньше были населены немцами и русскими. Так как многие этнические немцы не говорят на казахском языке, в то время как оралманы не владеют русским языком, то во взаимоотношениях между обеими группами часто возникают проблемы (см. Diener in Sanders, 2015: 307).

Другая проблема, которая выявилась во время разговора с представителями немецкого сообщества в городе Семее, это судьба немецких возвращенцев. Это немцы, которые родились в Казахстане, но в силу причин вынуждены были уехать в Германию, получили немецкое гражданство и прожили там некоторое время, но после определенного времени решили вернуться обратно в Казахстан. Во время разговора с представителями немецкого населения в Караганде выяснилось, что эти люди не могут претендовать на получение государственного гранта на учебу или на пособие по уходу за детьми, потому что они не являются гражданами Казахстана.

Об институциональном представительстве

В стране существуют многочисленные немецкие организации, которые можно считать хранителями и распространителями немецкой культуры. В первую очередь, это национальное немецкое культурное объединение «Возрождение», которое выступает головной организацией для остальных немецких культурных объединений и является частью Ассамблеи народов Казахстана. Кроме этого работают многочисленные немецкие культурные объединения регионального и городского уровней, немецкий театр и десятки Немецких домов, которые работают под патронажом организации «Возрождение» и входят в состав малых Ассамблей народа Казахстана на региональном и городском уровнях. Много немцев представлены в Парламенте, в экономике, в сфере здравоохранения, в образовании и науке.

По сведениям Александра Дедерера, который возглавлял немецкое культурное объединение «Возрождение» до последнего времени, работа немецких объединений все больше получает одобрение и поддержку со стороны казахстанских немцев (Dederer и др., 2015: 333). По его словам, доля тех, которые посещают мероприятия немецких этнокультурных объединений удвоилось за последние 4 года, а именно с 7,2% в 2008 году до 14,4% в 2012 году, в то время как доля тех, которые принимают участие в мероприятиях немецких национальных культурных объединений, увеличилось на треть, а именно с 23,8% до 32,5% за тот же самый период (Dederer и др., 2015: 333).

Несмотря на такую положительную оценку работы немецких культурных объединений, они зачастую становятся предметом критики, в том числе самими же немцами. С одной стороны их критикуют за то, что они в своей работе сконцентрировались исключительно на интересах немецкого населения, в то время как они не принимают никакого участия в реализации общенациональных гражданских инициатив (Dederer и др., 2015: 335). По словам Дедерера «деятельность многих обществ ограничивается на механической реализации проектов. В результате (!) проекты реализуются персоналом, который высоко заинтересован в увеличении количества проектов, но при этом парадоксальным образом не показывает заинтересованности в конечном результате. Это привело к тому, что ответственность по отношению к диаспоре внутри таких структур почти потерялась» (Dederer и др., 2015: 333). В другом месте он призывает, чтобы «этнокультурные объединения Казахстана содействовали не только культурному развитию, но также и реализации институциональных реформ» (см. Dederer в Taschtemchanowa & Bajmuldina, 2015: 381). Этого мнения придерживается также и Александра, этническая немка из Шымкента, которая раскритиковала работу местного немецкого культурного объединения за деградацию до уровня чисто «культурного учреждения», «которое занимается лишь языковыми курсами и больше их нигде незаметно» (Александра, Шымкент).

Выводы

Из анализа положения немецкого населения в Казахстане можно сделать следующие выводы. В целом можно утверждать, что этнические немцы в Казахстане чувствуют себя хорошо и хорошо интегрировались в обществе. Для них функционируют множество немецких организаций, которые заботятся о них и представляют их интересы на государственном уровне. Несмотря на сильную привлекательность Германии как исторической родины стремление уехать туда среди немцев Казахстана заметно уменьшилось, в то время как большинство из них считают Казахстан своей родиной. Кроме этого, растущее количество числа

немцев, которые возвращаются их Германии в Казахстан указывает на растущую привлекательность Казахстана в глазах немцев как страны для постоянного места жительства. Многие немцы принимают активное участие в политической, экономической и общественной жизни. В целом среди немцев не наблюдаются ирредентистские стремления и они придают большое значение сохранению межэтнического согласия и толерантности в обществе.

Вероятность возникновения межэтнического конфликта между немцами и другими этническими группами в Казахстане в настоящее время достаточно незначительна. Немцы Казахстана представляют собой открытую этническую группу, которая проявляет большую заинтересованность в общении с другими этносами. Большинство конфликтов, например, такие как конфликты из-за языковой политики или конфликты с вновь прибывшими казахами (оралманы) были в основном единичными случаями и не вылились в межэтнические конфликты большого масштаба. Нынешние экономические проблемы, в результате чего около 70% немецкого населения считаются обедневшими, также вряд ли смогут не обостряться до уровня межэтнических конфликтов. Например, что касается сельского населения, то по мнению Риты Сандерс, они стремятся переехать в город, чтобы противостоять растущим экономическим проблемам в сельской местности и в надежде на лучшую жизнь (Sanders, 2013). В этой связи можно сказать, что увеличившаяся миграция немцев из сельских регионов в города снижает риск возникновения конфликта между немцами и оралманами.

Наконец, отношение казахстанских немцев к деятельности Ассамблеи народа Казахстана и немецких культурных объединений показало, что эти организации пользуются широкой поддержкой среди немцев. Многие представители немецкого населения придерживаются мнения, что они поддерживают межэтническое согласие и служат сохранению мира между этносами. Однако анализ также показал, что не все немцы приветствуют деятельность этих организаций. Распространено мнение, что они концентрируются только на вопросах развития культуры и идентификации немецкого населения, однако не играют большой роли в политическом представлении интересов и в подготовке и реализации общенациональных гражданских инициатив.

Несмотря на положительную оценку ситуации немцев, были выявлены также некоторые конфликты в исследовании немцев Казахстана. С одной стороны, анализ показал, что не все немцы приветствуют снижение преподавания немецкого языка в казахстанских учебных заведениях. В этом отношении поддержка немецкого языка должна привлечь повышенное внимание со стороны правительства Казахстана. С другой стороны, исследование показало, что не все немцы чувствуют себя хорошо интегрированными. Это касается прежде всего тех немцев, которые вернулись из Германии в Казахстан. За правительством Казахстана остается решение, хотят ли они использовать немцев-возвращенцев в качестве потенциала для развития отношений с Германией. В любом случае представляется целесообразным использовать его в качестве положительной инвестиции в отношения между двумя странами. Однако необходимо облегчить процедуру возобновления казахстанского гражданства немецким ре-эмигрантам с тем, чтобы они смогли почувствовать себя полноправными гражданами. Наконец, из анализа стало ясно, что не все казахстанские немцы приветствуют деятельность Ассамблеи народа Казахстана. Широко бытует мнение, что она сосредоточена только на культурных потребностях немецкого населения, в то же самое время не играет никакой роли в представлении их политических интересов и в подготовке и реализации гражданских инициатив.

ГЛАВА 6.6: УЙГУРСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В КАЗАХСТАНЕ

Общая информация

Уйгурская этническая группа в Казахстане является пятой по численности этнической группой. На начало 2016 года число этнических уйгуров, проживающих в Казахстане, составляло 256 223 человека или 1,45% от общей численности населения (Статистический комитет, 2016: 2). Согласно переписи населения 2009 года численность уйгуров оценивалась в 227 000 человек (или 1,39% от общей численности населения). Последние данные переписи населения свидетельствуют о сохранении естественного прироста. В Казахстане уйгурская диаспора сосредоточена в основном в Уйгурском, Панфиловском, Энбекши-Казахском и Талгарском районах Алматинской области и в городе Алматы (Каmalov, 2012: 345). Согласно данным Комитета по статистике на начало 2016 г. численность уйгур в Алматинской области составляет 153 501 человек, в городе Алматы - 91 959 человек (Статистический комитет, 2016: 2).

В настоящее время уйгурское сообщество представляет собой сложную структуру внутренних связей и отношений, основанных на иерархии и авторитете «старших», а также соблюдении традиций и обычаев (рождение и воспитание детей, свадьба, погребальные обряды, «мяшряп» и др.). Характерная черта уйгурской диаспоры – ее компактное проживание и высокая степень этнической сплоченности. Традиционным элементом этнической консолидации уйгур являются районы общинного проживания (махалла, жут). Во всех жутах имеются мечети, места для захоронения, а также уйгуроязычные школы. Помимо этого, в городе действуют Уйгурский театр им. Куддуса Кужамьярова, национально-культурные объединения, печатные СМИ (общественно-политическая газета «Уйгур авази»), до недавнего времени в городе транслировалось частное уйгурское телевидение «Тангри Таг». Большая часть уйгур Алматы сосредоточена в посёлках Достык (бывший поселок «Дружба»), Заря Востока, Горный Гигант, где сохраняются институты самоуправления общины — жигит-беши (жигит-басы), мэшрэп. Наличие многофункциональных закрытых внутренних структур как института сохранения этнической идентичности подтверждает выводы о закрытости уйгурского общества.

В целом, уйгурский этнос «молодой» по своему возрастному составу, мобильный и подвижный. Большинство из них трёхъязычны, хорошо владеют русским и казахским языками. Представители уйгурской общины, как правило, представлены в Ассамблее народа Казахстана, в местном городском представительном органе (маслихат), в различных сферах деятельности общества: науке, спорте, медицине, искусстве. Также, его представители сосредоточены в аграрном секторе, в сфере услуг (торговле, здравоохранении и образовании), заняты в частном мелком и среднем бизнесе.

Для этого исследования в период с 15 по 25 июня Центром социологических исследований и социального инжиниринга был проведен ряд глубинных интервью (N=12 человек) с представителями уйгурской национальности, проживающими в городе Алматы (поселки Достык, Алгабас, Горный Гигант) и Алматинской области (г.Талгар, г.Узынагаш, г.Чилик). В опросе приняли участие 7 мужчин и 5 женщин. Возраст информаторов составлял от 27 до 68 лет. Среди информантов с высшим образованием были 7 человек, со средним специальным образованием 2, и со средним 3.

О социальном самочувствии уйгурского народа

В целом представители уйгурского этноса чувствуют себя «защищенными» в Казахстане и считают вполне благоприятными условия собственного проживания, отмечая благоприятную государственную политику. Как сказал один респондент: «...Живем в спокойствии и радости...есть уйгурские театры, мечеть и школы. Казахстан - это самая хорошая страна, где можно жить» (Бахытжан, г. Талгар, Алм. область). «Мне кажется, здесь все чувствуют себя хорошо. Потому что мы живем в демократической стране, здесь созданы все условия для народа. Можно выбирать любую профессию. В такой стране нельзя чувствовать себя плохо» (Радмир, г.Алматы).

Большая часть информантов считает своей исторической родиной – Казахстан и не планирует переезда в другую страну. Вариант переезда может быть рассмотрен исключительно в случае политических притес-

нений и принуждений. «С тех пор как наши предки переехали в Казахстан, мы считаем себя гражданами Казахстана» (Радмир, г.Алматы). «Мы не хотим переезжать, может и переедем, только если нас начнут притеснять, отправлять на «родину» (Хадисма, п. Кошмамбет, Алм. область).

В то же время информанты не имеют устойчивого желания переезда и своих детей из Казахстана. Основными причинами этого являются высокий уровень сплоченности уйгурского народа, привязанность к корням и к месту жительства, материальное положение и благоприятные условия для работы в Казахстане, а также достаточная ассимиляция детей в Казахстане: «Да, конечно, это моя родина. Я считаю, что они будут тут работать. Как бы там не было - это моя родная страна» (Рустам 2, г.Алматы). «Я отсюда никуда не хочу, я во многих странах была, но это мой дом, ни на что не променяла бы» (Фатима Чон-апа, г.Алматы). Примечательно, что свою этническую принадлежность информанты связывают со знанием казахского языка и основывают на общем историческом осознании сопричастности к казахам: «Мы вместе родились с казахами на этой земле» (Бихар, г.Алматы). «Мои дети родились на казахской земле» (Рустам 1, г.Алматы). «Дети уже говорят по-казахски» (Бахытжан, г. Талгар, Алм. область).

Кроме того, все респонденты не проявили желания вернуться на историческую родину. Напротив, как отметили многие из них, многие переезжают оттуда в Казахстан. «Мои родственники мечтали о Казахстане и переехали из СУАР [Уйгурский автономный район Синьцзян] в Казахстан 6 лет назад» (Дилярам, п. Узынагаш, Алм. область).

Тем не менее, следует отметить некоторую обеспокоенность доминированием «особого положения» казахского этноса и существованием возможного предвзятого отношения со стороны отдельных людей и латентных противоречий в обществе, которые не обсуждаются открыто: «В целом нормально, но, это не значит, что это абсолютно так, нужно понимать, что есть люди, которые часто судят людей по национальной принадлежности» (Сухраб, г.Алматы). Несмотря на то, что большинство информантов на декларативном уровне заявляют о «полной защищенности», некоторые проявляют «беспокойство», выраженное в эмоциональном компоненте, и достаточно уловимое для внешнего наблюдателя: «Наверное, умеренно положительно, потому что не так как хотелось бы в идеале. В Казахстане нет притеснений, но чувствуется, что общество идет в сторону казахской национальности» (Рустам 2, г.Алматы). Латентные противоречия заключаются в существовании проблемы недостаточных и неравных прав и возможностей. «Внутри, наверное, есть моменты, открыто об этом не говорят» (Фатима Чон-апа, г.Алматы). К примеру, информанты отмечают неравенство и нарушение прав при трудоустройстве (в частности, при приеме на государственную службу, где превалируют представители титульной нации), а также непотизм во всех его проявлениях. «В целом неплохо, за исключением, пожалуй, возможности вырасти на государственной службе» (Зульфия, г.Алматы). «Когда человек работает, он берет в свое окружение только родственников» (Бихар, г.Алматы). «...чаще всего людям помогают родственные связи» (Сухраб, г.Алматы).

Сегодня уйгуры оказались менее интегрированы в государственно-политическую жизнь страны, одним из ограничивающих факторов является недостаточное владение государственным языком: «Есть сложности для других национальностей, насколько я знаю в государственных учреждениях делопроизводство связывают с казахским языком ... сейчас общество идет к казахскому уклону, раньше такого не было» (Рустам 2, г.Алматы).

Несмотря на то, что информанты не сталкивались с какой-либо формой дискриминации по признаку национальной или этнической принадлежности, они указывают на единичные, мелкие случаи этнического национализма и разделений, встречающихся в повседневной жизни, и выражающиеся в скрытой (иногда в полушуточной) форме. В этой связи, большую проблему представляет не единичные мелкие случаи притеснения (если они имеют место быть), а незнание своих прав и возможностей или отсутствие достаточной доступной информации о них.

Об отношении к исторической родине

В дополнение к информации об их жизни в Казахстане, участников интервью также спросили об их отношении к их исторической родине СУАР [Уйгурский автономный район Синьцзян]. Тут все информанты подчеркнули, что они проявляют повышенный интерес к самобытной истории и культуре своего этноса. Многие из них проявляют большую озабоченность в отношении событий в Синьцзян-Уйгурском автономном регионе, их волнует дискриминация в отношении уйгур, проживающих в этом округе, которая вклю-

чает языковые, религиозные и образовательные ограничения, а также экономическую маргинализацию. Однако, уйгурский этнос в Казахстане достаточно неоднороден по своему составу в силу существования нескольких миграционных «волн» и разных уровней самоидентификации. Он включает в себя сельских и городских жителей, коренных жителей и мигрантов и т.д. Данная неоднородность уйгурской общины создает разные модели поведения, взаимодействия с государством и идентификацией по отношению к исторической родине (см. Roberts, 2009). Существует определенная дифференциация внутри уйгурского этноса: те, кто в той или иной мере воспринимает СУАР как историческую родину и часть собственной истории: «Да, конечно, любого человека будет интересовать его история, поэтому я интересуюсь Синьцзяном» (Бахытжан, г. Талгар, Алм. область), «Конечно, я волнуюсь, чтобы у них там было все хорошо и волнуюсь за них» (Бихар, г.Алматы); и те, кто полностью идентифицируют себя с Казахстаном: «У нас своей исторической родины нет. ...Мы жили в Алматы всю жизнь» (Фатима Чон-апа, г.Алматы). «Меня не очень интересует информация об исторической родине» (Хадисма, п. Кошмамбет, Алм. область).

Несмотря на некоторую подвижность этнических границ и идентичностей, внутри уйгурского этноса весьма отчетливо представлены интеграционные тенденции и желание чувствовать себя единым целым – «страной». Способ выражения отношения к данной проблеме во многом зависит от уровня образования информантов. Некоторые информанты, в основном «старшего поколения», имеющие среднее образование смешивают понятия и выдают при ответах «желаемое» за «действительное». Этническая идентичность является определяющей, тогда как «географическая – региональная» отодвигаются на второй план. Информанты указывают и осуждают негативный опыт и некорректную государственную этническую политику Китая и Узбекистана, затрагивая тему своей государственности и отмечая неоднократно о создании собственного отдельного государства «Уйгурстан» как решение. По словам Шавкета из Алматы: «Правительство Китая не заинтересовано в защите прав уйгуров» (Шавкет, г.Алматы). Он также считает, что «Каждый народ имеет право на создание собственного государства. Только создание отдельного государства может решить все проблемы» (Шавкет, г.Алматы). «У уйгурского народа нет страны. Если бы был Уйгурстан и Казахстан, я бы, конечно же, хотел, чтобы у них были дружеские взаимоотношения. Но у нас нет страны, есть земля, но она не наша» (Бахытжан, г. Талгар, Алм. область). Наличие собственной территории или государства отмечается информантами как один из основных признаков этнической группы: «Если есть народ должно быть и государство» (Бахытжан, г. Талгар, Алм. область).

В то же время, говоря о вопросе возможной поддержке правительства исторической родины в решении проблем, с которыми сталкиваются представители уйгурской этнической группы, все респонденты отмечают ее отсутствие, выражая при этом обиду и чувство обделенности: «Да, всем, по-моему, наплевать, если я живу в Казахстане. Это может Путин – да, своих русских. А так, мне кажется, даже не заинтересуются нами» (Бихар, г.Алматы).

В основном на сегодняшний день активная деятельность организаций сосредоточена на сохранении уйгурской культуры и ее развитии. «Сотрудничаем с китайским консульством и активистами из СУАР для развития культуры. В то время как возникающие проблемы решаются в рамках казахстанских внутренних органов» (Рустам 1, г.Алматы).

Уйгуры характеризуются достаточно строгим иерархическим принципом построения сообщества, наличием выраженной позиции «старейшины», высокой степенью сплоченности, взаимопомощи и готовностью оказать поддержку «своим». Большинство информантов родились, выросли и проживают в полиэтничной среде. До настоящего момента они не имели ни каких-либо разногласий с представителями других этносов, проживающих по соседству или с коллегами по работе и знакомыми: «Соседи у нас хорошие, мы дружим со своими соседями. Только на нашей улице 75 семей и все поддерживаем отношения» (Фатима Чон-апа, г.Алматы). «Сейчас, слава Аллаху, отношения с соседями хорошие, никто никого не прогоняет, никто пальцем не показывает» (Дилярам, п. Узынагаш, Алм. область). «Живем сейчас вместе дружно» (Хадисма, п. Кошмамбет, Алм. область).

Несмотря на это, информанты «старшего поколения» отметили в ходе интервью снижение традиционных механизмов трансляции ценностей «терпимости» и их передачи из поколения в поколение, и подчернули, что это впоследствии может подвести к возникновению конфликтов на этнической почве среди молодого поколения (детей и подростков). Так, несмотря на добрососедские отношения в зрелом возрасте, отмечаются притеснения в детстве и младшем школьном возрасте: «Честно сказать, да, сталкивался. Но это

было в младших классах. Так как родители часто не затрагивают такие темы в воспитании детей. Поэтому такие инциденты часто происходят у детей в младших классах» (Сухраб, г.Алматы). «Но, конечно, в детстве были небольшие притеснения, что скрывать. Мы были виноваты только потому, что мы уйгуры. В основном дразнили русские дети.... что меня больше всего удивляло это то, что дети-казахи, несмотря на то, что они находятся на своей земле, их тоже дразнили русские дети» (Дилярам, п. Узынагаш, Алм. область).

Межэтнические браки в большинстве своем воспринимаются представителями уйгурского этноса как норма и как индикатор единства общества, нежели исключение, которые, по мнению «молодых» информантов «учат общество терпимости и умению с пониманием относиться к представителям разных наций» (Бихар, г.Алматы). Тем не менее высказывания некоторых информантов характеризуются сдержанностью и настороженностью. Как заметил один респондент «каждый родитель, конечно, желает, чтобы дети свои женились или выходили замуж за свои нации, ну если они сами выбирают, ничего не скажешь, судьба такая» (Шавкет, г.Алматы). Также есть некоторые опасения или «суеверный страх» перед «смешением крови», присутствием «чужого» в семье и расколом этнического культурного ядра, что побудило некоторых информантов подчеркнуть различия в культуре, традициях и обычаях между народами Казахстана. В целом многими информантами выработана стратегия «правильного поведения» и «правильного понимания» межэтнической и межкультурной гармонии «в районе, где мы проживаем – половина казахов. Они (казахи) уже обуйгурились, и если наоборот, то мы уже оказахились» (Бихар, г.Алматы). Вместе с тем в ходе интервью выявлен тип «людей-провокаторов», умышленно переводящих бытовые межличностные конфликты на уровень межэтнических. Однако информанты в полной мере осознают личную и коллективную ответственность за нарушение порядка, целостности страны и подрыва ее безопасности «ответственность возложена на всех, вне зависимости от этнической принадлежности, в том числе и на представителей титульной нации (казахов)» (Рустам 1, г.Алматы).

В этой связи некоторые осведомители отметили, что в обществе присутствуют этнические стереотипы и обсуждение «других» внутри этнических групп (разделение «мы» и «они»), отражающиеся в позитивной/ негативной коннотации и неточности суждений. Стереотипы распространяются на всех членов этнической группы без учета индивидуальных различий. «Так об уйгурах сложилось устойчивое представление как о хитрых, низко интеллектуальных, нечестных людях, что доставляет некоторые трудности в повседневной жизни и воспринимается уйгурами как искаженный образ» (Рустам 2, г.Алматы). Все это может стать основой для дезинтеграционных настроений в обществе и привести к процессу «отчуждения». «При обращении за услугами в государственные органы представители уйгурского этноса сталкиваются с предвзятым отношением, с обращением к ним как к чужим (иностранцам). Я чувствую недолюбливание в обществе» (Рустам 1, г.Алматы).

Если политика многоязычия поддерживается подавляющим большинством информантов, они разделились по отношению к вопросу о необходимости открывать отдельные школы для этнических групп на тех, у кого есть основания полагать, что государство должно предоставить возможность для изучения родных языков в школе и считают это необходимым условием для сохранения и развития собственного языка. С другой стороны, есть те, кто считает, что «открытие собственных школ, выделение конкретных жилых районов на самом деле приведет к межэтнической напряженности» (Шавкет, Алматы).

Об институциональном представительстве

В конце информантов спросили о значимости политических институтов как посредников между различными этническими группами и попросили прокомментировать это. В целом, похоже, уйгуры убеждены в том, что у Казахстана есть все необходимые институты для решения возникающих проблем между отдельными этническими группами. Прежде всего, участники были знакомы с существованием и работой этнокультурных центров, в том числе уйгурской этнокультурной ассоциации и Ассамблеей народа Казахстана как зонтичная организация. «Об общественных объединениях не знаю, но знаю, что есть различные этнокультурные объединения. Работает Ассамблея народа Казахстана. Слава Аллаху, ни я, ни мои родственники не обращались ни в один из них. Не было такого повода, конфликтов» (Хадисма, п. Кошмамбет, Алм. область). «У нас есть свой уйгурский этнокультурный центр, в каждом поселке, микрорайоне есть «джигит беши» называется. Если возникают какие-нибудь проблемы уйгуры обращаються к этим людям, а они решают их проблемы» (Бахытжан, г. Талгар, Алм. область).

Наряду с этнокультурными центрами респонденты также выразили положительное мнение о роли Ассамблеи народа Казахстана и ее работе. В целом, собеседники посчитали, что Ассамблея народа Казахстана стало *«уникальной платформой для межкультурного диалога»*. Некоторые из осведомителей являются членами Ассамблеи, в то время как треть всех респондентов регулярно участвуют в различных мероприятиях, организованных Ассамблеей: *««Руководитель Ассамблеи народов Казахстана – наш президент Нурсултан Абишевич Назарбаев. Я очень бережно отношусь к Ассаблее народов Казахстана. Хочу, чтобы ассаблея работала всегда»* (Сауджан, г.Алматы). Однако, когда собеседников спросили, в какие учреждения они обращались в случае, если возникали проблемы, связанные с межэтническими отношениями, большинство респондентов выразили готовность получать помощь от местных властей, регулирующих органов и Совета старейшин в их сообществе, чем от Ассамблеи народа Казахстана. По словам одного из собеседников, *«в Ассамблее мы получаем только информационно-консультативную помощь»* (Рустам 2, г.Алматы).

Заключение

Результаты исследования показывали, что в целом уйгурский этнос гармонично сосуществует с другими этносами казахстанского общества. Представители уйгурского этноса чувствуют себя «хорошо» в Казахстане и считают вполне благоприятными условия для собственного проживания, отмечая благоприятную государственную политику.

Уйгурский этнос в Казахстане достаточно неоднороден по своему составу в силу существования нескольких миграционных «волн» и разных уровней самоидентификации. Тем не менее, следует отметить некоторую обеспокоенность усилением *«особого положения»* казахского этноса и латентных противоречий в обществе, которые не обсуждаются открыто.

Исследование показало, что взаимоотношения между уйгурами, казахами и другими национальностями достаточно устойчивые. Исследование показывает близость позиций уйгуров и казахов, родившихся и выросших в Казахстане, а также и то, что информанты не испытывают негативных чувств по отношению к казахам и к представителям других этносов, что свидетельствует о существовании в массовом сознании толерантных установок. Вместе с тем в ходе интервью выявлен тип «людей-провокаторов», умышленно переводящих бытовые межличностные конфликты на уровень межэтнических. Также, «определенный дискомфорт» представляют не единичные бытовые притеснения (если они имеют место быть), а незнание своих прав и возможностей или отсутствие достаточной доступной информации о них.

Кроме того, исследование обнаружило положительное отношение к Ассамблее народа Казахстана и ее работе в уйгурской общине. По мнению многих уйгуров, работа народной ассамблеи заключается не только в пропаганде культур многих этнических групп в Казахстане, но и в «политическом представительстве» этнических общин, в том числе уйгуров. По их словам, при содействии Ассамблеи и различных этнокультурных организаций формируется крепкое межнациональное сообщество и развивается «чувство принадлежности и близости».

В то же время, мы обнаружили, что наличие таких этнокультурных маркеров и символов как языка, религии, представлений об общности происхождения, истории и другие приобретают все больше значимую символическую этнодифференцирующую ценность, что предопределяет поведение представителей этнических групп и обязывает принимать «правила игры». С одной стороны, это отражено в различных программах уйгурских этнокультурных центров, которые направлены на развитие уйгурского языка и культуры. С другой стороны, это находит выражение в распространении идей о необходимости сохранения этнических традиций уйгуров и защиты прав уйгуров.

ГЛАВА 6.7: ЧЕЧЕНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В КАЗАХСТАНЕ

Исторический обзор чеченской общины в Казахстане

Чеченская община представляет собой по ряду причин уникальный случай для научных исследований. Прежде всего, чеченская диаспора представляет собой транснациональную группу, которая живет между Российской Федерацией и Республикой Казахстан (со значительной чеченской диаспорой в Турции). Политические факторы, такие как текущий политический режим в Чеченской Республике, вопрос гражданства, а также клановые структуры, играют в решениях чеченских семей о миграции из России в Казахстан и наоборот значительную роль. С момента их депортации в Казахстан в 1944 г. чеченцы всегда сознательно держались в стороне и следили за культурными барьерами на расстоянии, даже когда они не могли полностью отстраниться.

К 1 января 2016 г. в Казахстане жили 32.695 чеченцев, неравномерно распределенных по территории страны, но преимущественно в городских районах северо-восточного Казахстана и городе Алматы. Они представляют собой колеблющуюся этническую группу из-за сильной миграционной динамики внутри группы и ситуации на исторической родине, Чеченской Республике.

Развитие чеченской общины в Казахстане можно разделить на несколько периодов. Первый период (1944-1957) охватывал депортацию чеченцев Сталиным из Северного Кавказа в Казахстан и их адаптацию к социально-экономическим условиям в Казахской ССР. Второй период длился с 1957 г. до 1990 г. и включал в себя реабилитацию чеченцев и их возвращение на историческую родину. Третий этап начался после распада Советского Союза в 1991 г. и включал в себя две чеченские войны (между Россией и Чечней) и послевоенный период. За это время новая волна чеченцев прибыла в Казахстан, в то время как некоторые покинули страну.

Те чеченские семьи, которые пережили депортацию, обосновались по приезду в Казахстан в деревнях. Вплоть до смерти Сталина в 1953 г. чеченцы, как и другие депортированные этносы, подвергались строгому наблюдению и контролю со стороны государства. По сегодняшний день депортация чеченцев считается большой исторической травмой. Каждый год на 23 февраля чеченские общины поминают погибших во время депортации.

После смерти Сталина в 1957 г. многие репрессированные этносы, включая чеченцев, были реабилитированы. Многие из них вернулись на родину. Тем не менее, их возвращение проходило выборочно. После депортации чеченцев в Казахстан их земли были заняты другими этническими группами, которые были переселены НКВД [МВД СССР]. Таким образом, некоторые чеченцы смогли вернуться, в то время как большинство семей осталось в Казахстане. Некоторые опрошенные упомянули, что это избирательное возвращение было преднамеренной стратегией советского режима. Многие семьи не имели ресурсов, чтобы обратиться к властям в Чечне и требовать обратно свою землю. Решение о возвращении также зависело от социального статуса семьи, потому что поездка требовала деньги на проезд и обустройство. На этом фоне многие чеченцы смогли успешно интегрироваться до конца 1950-х гг. в некоторые экономические ниши в Казахстане, прежде всего в торговле, чтобы таким образом аккумулировать ресурсы. Все это время чеченцы поддерживали крепкие связи со своей исторической родиной. Благодаря этим обстоятельствам возвращение в Чечню продолжалось до начала 90-х годов.

Период с 1957 по 1991 гг. был для чеченцев по ряду причин решающим. Прежде всего депортация 1944 г. разрушила связи между отдельными родами (кланами). Кланы все больше подвергались различным проверкам на предмет их солидарности и лояльности к советскому режиму. Главы чеченских кланов критически оценивали шансы на выживание своих общин при изменившихся условиях и сохранение ключевых структур чеченского общества (в том числе языка, религии, кланового деления, семейных обычаев и практик, гендерных норм). Статус многих этнических групп в советском Казахстане определялся их лояльностью по отношению к режиму, способностью их интеграции и ассимиляции в советский народ. Чеченцы демонстрировали лояльность по отношению к режиму (несмотря на насильственные беспорядки между 1944 и 1957 гг., в основном в местах расселения и в лагерях ГУЛАГ), смогли вобрать важнейшие черты советской

идентичности, такие как русский язык и советская интерпретация истории, и таким образом следовали советскому образу жизни, вступая даже в ряды Советской армии и становясь членами Комсомола и Коммунистической партии. Тем не менее, они сохраняли независимость от контроля режима и проникновения мультикультурного влияния.

Чеченцы в советском Казахстане следовали общепринятым исламским практикам и нормативным положениям, которые были сформулированы духовными лидерами. Непроницаемость чеченской общины к внешним влияниям и требование строго следовать практикам этнокультурного кодекса (вера, язык, генеалогические знания, брак) позволили им сохранить свою уникальность во времена Советского Союза, несмотря на усилия советской власти проникнуть в семейную сферу, чтобы разрушить ядро этнической принадлежности.

С 1957 г. чеченские семьи из Казахстана могли посетить Чечено-Ингушскую Республику и сформировать таким образом там тесные контакты с духовными вождями и главами родов. Это решающим образом усилило отношения между чеченцами в обеих республиках и привело к возникновению двойной политической и этнокультурной идентичности. Таким образом, большинство чеченцев были верны и чеченскому руководству в их родной стране, и советскому Казахстану.

До 1989 г. в республике насчитывалось около 50.000 чеченцев. Распад СССР в 1991 г. стал переломным моментом в истории чеченского народа. Многие из них переехали на свою историческую родину. Однако после начала войны между Чечней и Москвой в 1994 году, чеченцам в Казахстане пришлось серьезно пересмотреть свои планы по переселению.

Внутренняя организация чеченской этнической общины

Довольно сложно определить чеченскую общину в Казахстане как в академическом, так и в политическом плане. С одной стороны, она, очевидно, является диаспорой по отношению к Чеченской Республике. Самоорганизация чеченцев, однако, не зависит от руководства Чеченской Республики. С другой стороны, официальная политика в Казахстане не рассматривает различные этнические группы в качестве диаспор, чтобы предотвратить вмешательство внешних игроков во внутренние дела страны.

Общественно-политическая структура чеченской общины является сложной и включает в себя как архаичные элементы родовой организации (разделение в племенные объединения и кланы (*тайпы/тейпы*), так и региональную принадлежность к местным мечетям (исламская община), этнокультурные группировки / центры, которые управляются чеченскими представителями от лица государства и высокопоставленными чеченскими представителями в Ассамблее народа Казахстана.

Каждый клан имеет свое родовое место происхождения в Чечне, где жили родовые предки и откуда они позже были изгнаны во время депортации. После 1957 г. многие чеченские семьи смогли отчасти восстановить свои права на родовые земли в Чечне благодаря регулярным визитам в Чечню. Чеченцы в Казахстане идентифицируют себя через племенные или клановые признаки – тайп или тайпа – и соответствующие географические признаки, как, например, горные или долинные местности, реки и др.

Внутренняя организация чеченской общины в Казахстане объясняется взаимодействиями как снизу вверх, так и сверху вниз между политическими режимами (советским, постсоветским в Российской Федерации, режимами в Чеченской Республике и Республике Казахстан), и этническим руководством, которые определили их стратегии выживания в текущих политических условиях. Многие опрошенные чеченцы признали, что их внутренняя самоорганизация спасла их от физического вымирания, сохранила их идентичность и предотвратила эрозию уникальных норм и форм организации жизни этнической группы во времена Сталина и в период после депортации.

Чеченская община в Казахстане является иерархической. Есть официально признанные лидеры чеченской общины: религиозный лидер (имам / шейх), совет старейшин, председатель чеченского этнокультурного центра, представители чеченцев в Ассамблее народа Казахстана. Почти каждая община, независимо от того, находится ли она в городском или сельском районе, имеет совет старейшин, который влияет на повседневную жизнь общины. Семейные кланы руководятся старейшими мужчинами по порядку иерархии сверху вниз. В целом в чеченской общине доминируют мужчины, в то время как женщины, как правило, подчиняются мужчинам.

Об отношении к жизни в Казахстане

Большинство респондентов едины в том, что их жизнь в Казахстане является хорошей, и что они не хотят покидать страну. Отзывы респондентов об их жизни в Казахстане были в значительной степени положительны. На самом деле, многие чеченцы имеют высокий экономический статус, потому что большинство из них заняты в бизнесе и в различной предпринимательской деятельности, включая строительство, торговлю и сельское хозяйство. Респонденты положительно оценивали будущее своих детей в Казахстане и упомянули, что *«это лучшая страна для них и их детей»*. *«По сравнению с другими республиками, этнические группы чувствуют себя в Казахстане очень хорошо»* (Салман, Астана).

«Я чувствую себя хорошо в Казахстане. Чеченцы имеют хорошие отношения с казахами. Мои дети будут здесь жить и работать, но я не могу определить их судьбу. Мне было предложено поехать в Европу и Россию. Но я чувствую себя комфортно в Казахстане. После 50 лет ты не можешь легко искать новое отечество. Также и в Чечне я чувствую себя менее уверенно, чем в Казахстане. Если человек – хороший специалист, профессионал, он нужен везде. Я никогда не был дискриминирован из-за отсутствия знания казахского языка» (Хуссейн, Петропавловск).

Другие респонденты также утверждали: «Мы любим казахов» (Зоя, город Есик). По словам Барика Магомадова: «Мы похожи на казахов; Казахстан я рассматриваю как мое второе отечество. Алматы – все для меня. Ничто не может заменить Алматы. Лучшие условия жизни – в Казахстане. Ничто не является более красивым и родным, чем Алматы». Другой респондент подчеркнул мир и стабильность в Казахстане в качестве одной из важнейших предпосылок для него, чтобы остаться в стране. По словам А. Хажалиева, у всех этнических групп в постсоветском Казахстане равные возможности, и не наблюдается видимой дискриминации, хотя редкие случаи повседневного национализма дают о себе знать. Эти случаи не являются, однако, результатом общего негативного отношения между этническими группами, но указывают скорее на различия в индивидуальных оценках конфликтов:

«... Представьте себе, что я отправляюсь по какой-то причине в Грозный. Через неделю я буду скучать по Алматы, горам, которые я больше не увижу из окна. Я буду скучать по людям. И я не единственный человек, у которого такие чувства. Многие люди, которые уехали из Казахстана в Грозный, жаждут вернуться в страну. Они жалеют, что им пришлось уехать. Я думаю, что причина в привязанности к стране, где они выросли, хотя здесь было не всегда хорошо» (Хажалиев, 2017).

Одним из факторов, который делает Казахстан привлекательным для многих чеченцев, являются экономические возможности. «В Москве и Санкт-Петербурге заключать сделки не так хорошо, как в Астане» (Хуссейн, Петропавловск). «Есть много возможностей, и только ленивые не могут быть успешны в Казахстане. Если ты работаешь, ты можешь иметь все, что хочешь» (Салман, Астана). По словам Барика Магомадова: «Есть несколько бедных чеченских семей. По оценкам может быть 5-6%». Тем не менее, община помогает этим семьям по указанию совета старейшин.

Дети Хажалиева живут в Казахстане и ни он, ни его семья не планируют переезжать в Чечню, потому что они чувствуют себя хорошо интегрированными в современную жизнь в Казахстане: «Единственное, что я могу сказать в любом случае, это то, что чеченцы никогда не претендовали на кусок земли в Казахстане для того, чтобы сформировать какой-либо вид автономии... Но они совершенно точно знали, что это казахская земля, и были благодарны казахам, что они позволили чеченцам и ингушам жить здесь. Это не относится ко мне, так как я казахстанец. Я здесь родился и не изменил мое гражданство. Это тоже моя страна, и я буду защищать ее до последней капли крови» (Хажалиев, июль 2017).

Однако есть некоторые чеченцы, которые охотно хотят вернуться и жить в Чечне, но не могут это сделать из-за режима Кадырова и «преследования» других кланов. Многие интервьюируемые упомянули, что они не планируют возвращаться в Чечню, потому что они боятся нынешнего режима и высокого уровня безработицы там. Респонденты указали на то, что в действительности немного чеченцев возвращается на родину, если они имеют казахстанское гражданство. Тем не менее эффект поколения присутствует. В отличие от среднего и старшего поколения, молодое поколение не хочет ехать в Чечню. Один из молодых интервьюируемых упомянул, что его отец хочет вернуться в Чечню, потому что он потерял свою работу в Казахстане. Но его мать и он не хотят, потому что «люди там другие», «там нет друзей», «они [люди в Чечне] не считают нас за «своих»» и «мой чеченский не так хорош».

Среди причин, почему некоторые чеченцы хотят переселиться из Казахстана, часто называются родственники, проживающие в Чечне, и нехватка рабочих мест. «Трудно найти хорошо оплачиваемую работу», потому что «в Казахстане важны отношения» (Ахмат, июнь 2017). Один из респондентов констатировал, что «существует некоторая дискриминация и некоторая политика неверна, но здесь лучше, чем в Грозном» (Сулейман, Астана). Некоторые опасения о будущем появились у небольшой части чеченцев после конфликта в Маловодном и Казаткоме, который вспыхнул в марте 2007 г. между чеченцами и казахами. По словам одного из информантов, некоторые чеченцы (которые могли себе это позволить) непосредственно сразу после конфликта купили квартиры в Чечне на случай новых конфликтов или уголовного преследования в Казахстане. Другой причиной для недовольства среди чеченцев (что респонденты старались не подчеркивать) был отказ от выплаты компенсаций для депортированных людей со стороны правительства Казахстана. «Не все чеченцы получили компенсацию за депортацию» (Руслан, Алматинская область).

В интервью Шейх Алсабеков, религиозный лидер чеченской общины, сказал, что чеченцы в Казахстане счастливы и что они рассматривают страну как свою вторую родину. «Все мои коллеги родились с двумя сердцами: одно принадлежит Казахстану, а второе – Кавказу». Алсабеков даже молится на казахском языке в мечети, несмотря на тихую критику некоторых членов чеченской общины, которые говорят, что в чечено-ингушской мечети «Вайнах» все должно быть на чеченском и ингушском. Его аргумент, однако, в том, что «мы живем в Казахстане, казахский язык – национальный язык; я должен проводить религиозные собрания в мечети на казахском языке».

О связях с исторической родиной и конфликтном потенциале

В разговоре о связях со своей родиной и факторах потенциальных конфликтов многие респонденты отметили важность личных связей со своей родиной и выразили свой интерес к политическому и экономическому положению в Чечне. Например, Хажалиев А. очень хорошо осведомлен о событиях в Чечне и поддерживает там тесные контакты с родственниками и друзьями. Также и многие другие опрошенные следят за политическими процессами и событиями в Чечне. Молодое поколение, напротив, делает это в меньшей степени.

Большинство из них не согласны с тем, что правительство Чечни должно заботиться об интересах чеченцев в Казахстане больше, чем местное правительство: *«нет, никакой помощи нет», «я ничего не слышал об этом»*.

В то время как многие респонденты ответили, что нет никаких сфер потенциальных конфликтов, некоторые из них упомянули, что конфликты могут возникнуть из-за социально-экономического неравенства в доступе к скудным ресурсам, прежде всего в сфере бизнес-интересов. Другие респонденты, проживающие в сельской части южного Казахстана, который является густонаселенным районом, упомянули, что некоторые конфликты происходили из-за земли сельскохозяйственного назначения между вновь прибывшими казахами (оралманами) и местными жителями. Другие считают, что конфликтных линий нет, «если они не созданы искусственно». Респонденты отметили, однако, что существующие проблемы не имеют этнического происхождения, как, например, коррупция, преступность, административная бесхозяйственность, и что они должны рассматриваться со стороны общества и государственных органов в целом.

Институциональное представительство и защита интересов

Что касается институтов, которые представляют чеченские интересы, они могут быть разделены на формальные и неформальные. К формальным организациям относится Ассамблея народа Казахстана, различные этнокультурные центры (в основном «Вайнах»), а также танцевальные и музыкальные группы, в то время как к неформальным институтам относится совет старейшин, религиозные лидеры и мечети.

Что касается отношения к этим учреждениям, большинство опрошенных знают Ассамблею народа и имеют очень позитивное отношение к ней. «У меня отличное мнение об этой организации. Она объединяет все этнические группы» (Салман, Астана). Председатель центра в Астане, Салман Героев, является членом Ассамблеи. По его словам, «Ассамблея помогает решать различные конфликты ... Это эффективный институт. Если твои права нарушаются, то мы можем помочь. Например, если незаконно увольняют или возникает конфликт в бизнесе» (Салман, Астана). Хажалиев А. уверен, что Ассамблея играет важную роль, помогая устанавливать чувство сопричастности среди этнических групп и предлагая им определенный го-

лос в принятии политических решений. «Я скажу откровенно, что Ассамблея народа Казахстана является лучшим столпом в Казахстане, потому что там представлены все этнические группы. И важнейшей функцией Ассамблеи является сохранение единства Казахстана и его целостности». Хажалиев также указывает на то, что Ассамблея сильно поддерживает этническую политику президента.

Некоторые респонденты считают, что Ассамблея играет важную роль в представлении интересов этнических групп, проживающих на территории Казахстана. Зоя Магомадова сказала, что «Ассамблея [играет] важную роль. Люди стали терпимее по отношению друг к другу. Толерантность – это то, чему способствует Ассамблея».

Этнокультурные центры

Помимо Ассамблеи народа существуют многочисленные чечено-ингушские культурные центры, которые функционируют во всех областных центрах Казахстана, крупных городах Алматы и Астана. Оценка деятельности центров респондентами, однако, неоднозначна. Некоторые считают, что эти центры очень важны, потому что они налаживают связь между государством и общиной, тогда как другие утверждали, что это не так. Это, вероятно, зависит от руководителя соответствующего центра и мероприятий, которые проводит конкретный центр. Центры активно сотрудничают с местными акиматами и другими культурными организациями, выступают посредниками в случае возникновения споров и конфликтов между общиной и государственными органами. Одним из самых широко известных чечено-ингушских центров является Вайнах-центр, который имеет свои филиалы во многих регионах Казахстана.

Чечено-ингушский этнокультурный центр «Вайнах» был основан в 1994 г. в Астане. Цель центра – укрепление мира, дружбы и доверия между народами и поддержка межэтнических отношений и стабильности в Республике Казахстан. К основным направлениям деятельности центра относится общественно-политическая деятельность, пропаганда и развитие культуры, языка и традиций чеченцев и ингушей, работа с молодежью. По словам председателя Вайнах-центра в Астане, Салмана Героева, и арт-директора танцевального коллектива «Вайнах», танцевальный коллектив состоит из 120 членов разных национальностей, включая казахов, украинцев, корейцев, чеченцев, ингушей и т. д. Центр сотрудничает с другими культурными центрами: украинским, немецким, корейским, турецким и другими. Акимат г. Астана обеспечивает финансовую поддержку ансамбля. «Да, мы получаем финансовую поддержку от государства, но этного недостаточно. Государственные органы должны оказывать культурным центрам больше помощи» (Салман, Астана). Государство дает центру деньги на изготовление традиционной одежды для танцевальной группы (каждое платье может стоить до 200.000 тенге) и на выплаты зарплат двух учителей чеченского и ингушского языков в этнической школе. Кроме того, центр и этнические школы получают поддержку от частных спонсоров в рамках чеченской диаспоры.

Чечено-ингушский центр в Алматы был основан в 1989 г. А. Хажалиев, который руководит центром, вспоминает: «Это было в советские времена, и я помню очень хорошо. Мы должны были убедить Москву, чтобы получить разрешение открыть национальные культурные центры, и Олжас Сулейменов поддержал нас в этом. Он полетел с нами в Москву». Хажалиев подчеркивает, что было очень трудно получить разрешение из Москвы: «СССР был как одна нация, и самым главным был «старший брат», который правил нами и должен был нас сопровождать, и который постепенно уменьшал национальные (этнические) особенности многих этнических групп, также и казахов». Основным языком общения и управления был русский, и мы все потеряли этнические особенности. Мы обнаружили, что мы все [чеченцы и ингуши] стали похожи – Иванами без родства. Нам было интересно узнать, почему это произошло. Официальная история дает одну версию, а старые люди рассказывают разные вещи. Поэтому мы решили основать центр по возрождению этнической культуры, но мы столкнулись с большим количеством препятствий на пути. Благодаря усилиям Союза писателей и с помощью Олжаса нам удалось открыть первый национально-культурный центр. Но что интересно, центры способствовали не только возрождению культуры. Они были задействованы президентом и для того, чтобы содействовать межэтническому взаимопониманию и единству в государстве. Теперь это наша великая миссия и успех для будущего».

Другая интервьюируемая, Зоя Магомадова, руководит этнокультурным центром в городе Есик недалеко от Алматы. Центр был основан в 2008 г. и отвечает за организацию культурных мероприятий (выставки, постановки, концерты) и поддержку представителей чеченской общины в решении конфликтов, урегули-

ровании споров, воспитании молодежи и т. д. В центре 11 членов, и финансируется он из частных пожертвований внутри чеченской диаспоры. Зоя считает, что центр стал мостом между государством и этносом. Как руководитель центра Зоя поддерживает тесные контакты с местными акиматами и отделом внутренней политики. Она также поддерживает контакты с руководителями и членами чеченских центров в Алматинской области и в городе Алматы.

По словам респондента Ахмата (Алматы), центр в Алматы является эффективным механизмом для решения различных споров. Но не все чеченцы в этом убеждены. Потому что если возникают проблемы, большинство ищут помощи у членов семьи. Вайнах-центр помогает однако при поиске работы и также оказывает финансовую помощь. Членами центров являются в основном мужчины, что указывает на доминирование патриархальной тенденции и гендерное неравенство внутри чеченской народности. Одним из главных достижений Вайнах-центра в Алматы было продление обязательной регистрации в Казахстане с 3 до 6 месяцев для чеченцев, которые имеют российское гражданство. Культурный центр поддерживает хорошие отношения с грузинскими и дагестанскими культурными центрами. Культурный центр Вайнах получает материальную поддержку из Чечни. Однако центр не может служить мостом между государством и чеченской национальной общностью, потому что он имеет «очень ограниченные и слабые сферы влияния» и является «неустойчивым и слабым» (Ахмат, Алматы). Начальник Вайнах-центра в Алматы также посетовал на плохую поддержку этнокультурных центров местным акиматом (особенно при нынешнем акиме города Алматы Бауржане Байбеке). После его словам, акимат и секретариат Ассамблеи народа Казахстана интересует только организация различных мероприятий с участием этнокультурных центров и сбор статистических данных, в то время как реальная поддержка этнических общин минимальна. Самым пессимистичным моментом нынешней правительственной политики по отношению к этническим объединениям стало то, что они используются правительством в большей степени для распространения образа Казахстана как мультикультурного государства и демонстрации различных культурных мероприятий. Но при этом они не получают реальную поддержку от государства. Он добавляет, что при акиме Имангали Тасмагамбетове этнокультурные центры получали больше внимания и поддержки.

Официальные представители чеченских этнокультурных центров выразили свою лояльность и поддержку политике президента Назарбаева. Например, А. Хажалиев сказал:

«Есть немало многонациональных стран; возможно, в России и США живет много этнических групп. То же самое можно сказать о любой европейской стране. Возьмите Францию в качестве примера. Только наш президент понял, что это большое преимущество, когда так много национальностей живет вместе, потому что государство может извлечь из этого пользу. Для начала, множество этносов означает множество культур, традиций. Мы можем наблюдать друг друга и заимствовать друг у друга хорошее... И президент может рассматривать ситуацию с этой точки зрения».

Несмотря на важность этнокультурных центров, неформальные институты, такие, как совет старейшин (совет аксакалов), лидеры религиозных общин и мечети, играют гораздо более важную роль. Многие респонденты упомянули совет старейшин в качестве уважаемого и мощного учреждения, которое регулирует социальные отношения в чеченской общине. «Слово аксакала ценится на высоком уровне» (Б. Магомадов, Алматы). Совет старейшин включает в себя от 7 до 17 человек. Барик Магомадов сказал: «Например, через совет были собраны деньги, чтобы помочь семье, чей дом сгорел. Мы помогаем людям с похоронами, свадьбами... Есть 240 семей, у которых нет земли, нет пенсий; совет старейшин помогает этим семьям. Если есть конфликты среди чеченцев, то совет поможет положить конец конфликту. Это обязательно» (Б. Магомадов). «Совет старейшин помог собрать деньги и построить мечети в деревне Коянды и Агрогородке. Он также помог улучшить мусульманское кладбище. Он проводит и ауыз ашар [совместный ужин для мусульман во время поста] на 180-200 человек каждый вечер» (С. Героев). «Совет полезен, если кто-то нарушает законы». Кроме того, Совет также выполняет некоторую работу против религиозного экстремизма, ваххабизма, объясняет положения традиционного ислама. Очевидно, что Ассамблея, этно-культурные центры и советы старейшин взаимодействуют друг с другом и координируют свою деятельность.

Шансы сохранить свою собственную культуру / традиции / язык

Отвечая на вопрос о возможностях сохранять свою уникальную культуру и язык, все опрошенные утверждали, что они имеют возможность поддерживать свою культуру, традиции и язык в культурных центрах,

а также этнических школах. Язык и традиции передаются также через семью. Этнические школы есть во многих городах Казахстана, где чеченцы могут учить свой язык и историю. Например, в Астане есть чеченско-ингушская этническая школа, где 20 детей учат чеченский и ингушский языки и прошлое своей исторической родины. Школа была основана в 2009 г. и работает в основном по воскресеньям. В своей работе она подведомственна этнокультурному центру. «Есть один класс в школе, где учатся мои дети, и где они могут изучать чеченский в свободное время» (Хуссейн, Петропавловск). Примечательно, что многие респонденты подчеркнули, что нет необходимости иметь отдельные этнические школы из-за малого количества чеченцев в Казахстане, и что существования воскресных школ (или классов), в которых изучаются язык и история, вполне достаточно. «Нет, нет необходимости иметь такую школу, потому что есть национальный язык [казахский], и этого достаточно» (информант #3). «Нет такой необходимости. Последним уроком в школе в Джамбуле был чеченский» (Салман, Астана).

Респонденты также упомянули, что у них всех есть связи со своей исторической родиной, и что они активно интересуются событиями в Чечне. Чеченцы имеют доступ к телевизионным программам Грозного и доступ к газетам через Интернет.

Отношение к собственной газете на чеченском языке, однако, смешанно. Некоторые респонденты считают, что нет необходимости иметь такую газету, потому что все новости о Чечне они получают через Интернет, а другие говорят, что это было бы хорошо: «Я бы с удовольствием смотрел(а) бы некоторые телепрограммы на казахстанском телевидении на чеченском языке». Многие респонденты согласны с тем, что с помощью современных информационных технологий они могут беспроблемно получать информацию из различных СМИ и Интернет-источников, а также в рамках сообщества (по телефону, электронной почте, СМС, личным контактам и благодаря участию в мероприятиях в рамках сообщества). Чеченцы активно участвуют в жизни сообщества, часто посещая друг друга, регулярно участвуя в жизненно важных событиях, таких, как похороны, свадьбы и юбилеи, а также в мероприятиях чеченского центра.

Важным средством для сохранения чеченской культуры и традиций представляются внутриэтнические браки. На самом деле чеченцы имеют сильную этническую идентичность, которая выражается также в предпочтении этнооднородных браков. Во время интервью несколько молодых респондентов ответили, что их родители не позволили бы им выйти замуж за мужчину или жениться на девушке другой национальности, потому что это относится к традициям и подчеркивает важность родства и преемственность рода. Другие упомянули, что неважно, с кем вступать в брак, если не за мусульманина.

Глава Алматинского культурного центра, А. Хажалиев, поддерживает внутриэтнические браки в рамках чеченской общины. Он считает это важным фактором для сохранения чеченской идентичности. Но если «казахская девушка выходит замуж за чеченца, она должна научиться вначале нравам чеченского народа. Если наоборот, чеченская девушка выходит замуж за казахского парня, она должна хотя бы на некоторое время забыть, что она чеченка. В Атырау живет мой хороший друг, Адам Акаев. У него жена – казашка, у них пять сыновей и две дочери. Я бы сказал, что у них хорошая семья, говорят на трех языках, как будто три нации живут в семье: русская, казахская и чеченская».

Из этих замечаний можно предположить, что чеченцы благодаря стремлению сохранить внутриэтническую культуру и предочтения однородных браков не подвергаются «этнической эрозии» в Казахстане. Традиции, культура и, в конечном счете, чеченская этническая идентичность поддерживаются прежде всего внутри семьи. «Ребенок должен с рождения слышать родной язык. По этой причине я остался после женитьбы с моими родителями, и мой ребенок до пяти лет не мог говорить по-русски. Когда ему было пять, мы отправили его в детский сад, чтобы выучить русский, и учился он быстро» (А. Хажалиев).

Выводы

На основе глубинных интервью мы можем сделать некоторые выводы. В целом, чеченская община в Казахстане хорошо чувствует себя по отношению к сохранению своей идентичности. У них есть возможность следовать своим традициям и обычаям, говорить на чеченском языке. Старшее поколение чеченцев неоднократно подчеркивает много сходства между чеченцами и казахами (вместо различий) в отношении этнических традиций и практик, а именно – важность генеалогического происхождения, уважение к старшим, клановую иерархию, стратегию брака, семейные ценности, мужское доминирование и гостеприимство – это только несколько из них.

Важным пунктом является то, что многие чеченцы являются экономически успешными и достигли высокого экономического статуса в Казахстане. С советских времен они работают в торговле, строительстве и сельском хозяйстве.

Чеченцы представляют собой довольно замкнутую общину, которая крепко держится на чеченском культурном кодексе, включает в себя сильные исламские практики, клановую принадлежность, практики жизненного цикла и обряды, гендерные нормы и стандарты. Чеченцы следили за своими этническими границами через внутриэтнические браки (только для представителей чеченской этнической группы и вдоль стратегической линии брака). Это затрудняет их ассимиляцию с другими этническими группами в стране.

В целом, все респонденты демонстрировали положительное отношение к Казахстану и в особенности к казахам, и подчеркивали, что Казахстан является их второй родиной, и они чувствуют благодарность к казахам, что они поддерживали чеченцев во время депортации 1944 г. и позже. Очевидно, что коллективная травма депортации служит в качестве механизма консолидации среди чеченцев в Казахстане и в качестве основы для их благодарности к казахам, которые спасли многих чеченцев. Также очевидно, что чеченцы ценят этнический мир и гармонию, и не хотят быть связаны с *«нарушителями спокойствия»* в многонациональном обществе. Во время интервью все чеченцы стремились избегать говорить о негативных проблемах, таких, как этнические столкновения в Маловодном и Казаткоме, и, напротив, сосредоточились на положительном опыте.

Особенность чеченцев в Казахстане объясняется тем, что они имеют очень тесные и обширные связи с их исторической родиной Чечней. Есть некоторые чеченцы, которые живут и работают в Казахстане, но в то же время имеют российское гражданство. Взаимодействия между чеченцами Казахстана и теми, кто живет в Чечне, происходят на индивидуальном, организационном и национальном уровнях.

Большинство опрошенных подтверждают значимость Ассамблеи народа Казахстана и указывают на ее позитивную роль в поддержке терпимости среди этнических групп. В ходе интервью однако отмечалось с сожалением, что члены Ассамблеи не избираются, а скорее назначаются сверху. Некоторые респонденты сообщали об «искусственной структуре» Ассамблеи (секретариата), которая больше ориентирована на сбор данных и не оказывает этнокультурным центрам никакой реальной поддержки (особенно финансовой). Ассамблея играет, таким образом, скорее символическую роль.

Этнокультурные центры являются важными организациями по поддержке культуры и традиций чеченской народности; но они не играют роли в продвижении политического представительства этой этнической группы. Так, центры и Ассамблея служат прежде всего механизмами кооптации, существующими только для реализации стремлений этнических групп к сохранению своего культурного кодекса, в то время как они не принимают на себя никакой функции стимулирования политического участия этнических групп (см. Laruelle, 2016).

Примечательно, что неформальные институты, такие, как совет старейшин, играют гораздо более важную роль в регулировании этнических и социальных отношений, и в особенности в предотвращении и решении конфликтов. Советы старейшин являются посредниками между государственными органами и местными чеченскими общинами. Очевидно, что существует разделение труда между культурными центрами и советами старейшин.

Потенциал этнической напряженности и конфликтов в Казахстане является довольно низким. Большинство конфликтов между чеченцами и другими этническими группами (в основном казахами) возникают от их недовольства по поводу распределения ресурсов на местном уровне. Определенный потенциал конфликта обнаруживается в росте социально-экономического неравенства, особенно в сельских районах, где этнические чеченцы живут лучше, чем этнические казахи. В ходе интервью было определено, что некоторые конфликты по поводу имущественных прав на землю возникают, прежде всего, между оралманами и чеченскими жителями. Коррупция и злоупотребления на государственных должностях также могут привести к наблюдению несправедливости среди различных этнических групп и чувству лишения (например, отказ от компенсационных выплат). Кроме того, важно отметить, что существует повышенная «секьюритизация» рутинных, повседневных конфликтов, особенно если они происходят между различными этническими группами.

ГЛАВА 7: ОБСУЖДЕНИЕ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Это исследование было ограничено семью этническими группами и охватывало до 20 представителей от каждой этнической группы. Несмотря на небольшую выборку, можно в целом констатировать положительное отношение к положению этнических групп и состоянию межэтнических отношений в стране среди опрошенных групп. Тем самым результаты нашего исследования подтверждают работы тех авторов, которые оценивают положительно состояние межэтнических отношений в Казахстане и считают маловероятным возникновение межэтнического конфликта в стране, как, например, по украинскому сценарию (см. например Bhavna, 2007, Laruelle, 2016).

Подытоживая результаты исследования, можно сказать, что в целом межэтническая ситуация в стране на данный момент является удовлетворительной. Почти все опрошенные группы дали положительную оценку состоянию их этнической группы и оценили положительно состояние межэтнических отношений в стране. Однако представители оралманов в силу их недостаточной поддержки со стороны государства испытывают трудности с их социальной и экономической интеграцией, о которых мы говорили выше. Казахстан стал родиной для более чем 100 национальностей и этносов. С уверенностью можно сказать, что различные национальности в стране чувствуют себя связанными общей историей, общими культурными и идеологическими ценностями, и, не в последнюю очередь, русским языком, который стал для всех национальностей lingua franca. Исследование показало, что все опрошенные этнические группы сходятся во мнении, что этническое разнообразие Казахстана является бесценным достоянием его общества, и при этом подчеркивают его преимущества. В частности, они указывают на возможность изучать разные традиции и обычаи друг у друга, наслаждаться культурным разнообразием и учиться терпимости. В то же самое время представители разных этнических групп не стремятся связывать этническое разнообразие страны с факторами риска. Это обстоятельство говорит о прочной уверенности среди различных этносов, что все они являются частью единого общества.

Рисунок 11: Директор Представительства Фонда им. Конрада Аденауэра в Казахстане господин Томас Хельм на встрече с представителями различных этнических групп в Доме Дружбы в г. Кызылорда, март 2017

Источник: Личное фото

Исследование показало, что в настояший момент среди этнических групп нет признаков выраженного национализма. Хоть некоторые представители этнических групп выражали желание установить собственное государство, такие устремления не носили политический характер и являлись единичными случаями. Напротив, подавляющее большинство респондентов указывали на необходимость сохранения межэтнического согласия в обществе и развития равных возможностей для всех этнических групп. Подавляющее большинство этнических групп считают себя гражданами Республики Казахстан и воспринимают ее как свою (вторую) родину. При этом эту позицию разделяют как старшее поколение, так и молодежь. Примечательно и то, что среди этнических групп в Казахстане нет сильного желания покинуть страну. За некоторыми исключениями многие группы видят свое будущее и будущее своих детей в этой стране. Это свидетельствует о растущей уверенности среди представителей различных этносов в будущем Казахстана. Несомненно, что такому отношению благоприятствуют наблюдаемый экономический рост в стране и присутствие толерантного отношения к представителям всех национальностей в обществе.

Исследование показало, что все опрошенные этнические группы не являются этнически закрытыми сообществами. Как показало исследование, за редким исключением чеченской этнической группы все другие национальные группы приветствуют межэтнические браки и не считают этническую принадлежность основным критерием для выбора партнера. Напротив, подавляющее большинство респондентов подчеркивают историческую близость культур и религий между отдельными этническими группами в Казахстане. Причем эта позиция разделяется всеми респондентами, независимо от их возраста и уровня образования. Это немаловажное обстоятельство может оказать в целом положительное влияние на развитие солидарности и толерантных взаимоотношений в обществе.

Относительно связей с исторической родиной, исследование показало, что все опрошенные этнические группы заинтересованы в текущих социально-политических событиях на своей исторической родине и с интересом следят за их развитием. Тем не менее, несмотря на этот интерес, среди опрошенных групп исследование обнаружило разные, а иногда и противоречивые отношения к своей исторической родине, и прежде всего той роли, которую она должна играть в общественно-политической жизни своих соотечественников в Казахстане. Важно отметить то, что ни одна этническая группа не поддерживает трансграничное вмешательство «их» страны во внутренние дела Казахстана. В то же время следует заметить, что только у части респондентов есть четкое понимание исторической родины, и что они вкладывают в это понятие четко определенное идеологическое и семантическое содержание (например, как этническая родина). В большинстве случаев понятие исторической родины не имеет четких представлений и опирается на информацию из средств массовой информации. Одной из причин этому может быть то, что подавляющее большинство респондентов относятся ко второму или даже третьему поколению мигрантов и не имеют прямого отношения с их исторической родиной. Поэтому не удивительно, что многие респонденты с понятием историчесой родины нередко также связывают отрицательные черты, такие как, например, авторитарный режим и растущая исламизация общества (Чеченская Республика), отсутствие гарантий безопасности (Чеченская Республика, Синьцзян, Украина) или растущая маргинализация вернувшихся на свою историческую родину соотечественников (Россия, Германия). Положительным является тот факт, что при этом респонденты негативные характеристики их исторической родины противопоставляют нынешним благоприятным условиям жизни в Казахстане.

Относительно политических институтов для отправления интересов этнических групп в Казахстане исследование показало, прежде всего, что все опрошенные этнические группы достаточно хорошо осведомлены о существовании и работе Ассамблеи народа Казахстана и этнокультурных центров. Многие из опрошенных представителей этнических групп так или иначе участвовали в работе этих организаций. Примечательно, что работа Ассамблеи народа в Казахстане встречает широкую поддержку среди национальных групп. Подчеркивается ее позитивный вклад в развитие межэтнической стабильности и гармоничного развития различных этнических групп в стране. Аналогичным образом оценивается работа этнокультурных центров. Несомненно, эти организации стали важным мостом между государством и национальностями, проживающими в стране. Культурные мероприятия, круглые столы по актуальным темам, академические курсы для изучения родных языков - все это является неотъемлемой частью работы этих организаций.

Несмотря на эту весьма позитивную оценку положения этнических групп и состояния межэтнических отношений в стране следует обратить внимание на негативные проявления и развития в стране и извлечь из этого рекомендации и пожелания. Во-первых, исследование показало, что не все группы чувствуют

себя в равной степени интегрированными в общество. Это касается прежде всего оралманов, в особенности тех, кто вернулись на их историческую родину вне квоты. Как было показано выше, многие из этих переселенцев находятся в крайне неблагоприятном положении с экономической и социальной точек зрения, и чувствуют себя оторванными от общества. Очевидно то, что существующие государственные программы, направленные на интеграцию оралманов, в недостаточной степени отвечают их потребностям. В особенности это касается их экономических и профессиональных перспектив в Казахстане. В этой связи правительству следует внедрить языковые курсы и программы профессионального обучения, особенно для переселенцев из Китая, Монголии, Афганистана, Турции и Ирана, что позволило бы им эффективно интегрироваться на казахстанском рынке труда. Отсутствие или недостаточное владение русским языком и отсутствие профессиональной квалификации в настоящее время делают эту категорию мигрантов особенно уязвимыми перед безработицей и бедностью. Например, что касается их перспектив трудоустройства, признание их дипломов и сертификатов значительно бы улучшило их профессиональные возможности в Казахстане. В настоящее время дипломы оралманов из Китая и Монголии не признаются (Shanatibieke, 2016: 16).

Кроме того, относительно дискриминации исследование пришло к выводу, что никто из опрошенных представителей этнических групп не сталкивались с проявлениями дискриминации на почве их этнической принадлежности. В то время как это может послужить положительным признаком общественного согласия, следует обратить внимание на растущее недовольство неказахского населения усилившейся роли казахского языка во всех сферах общественной жизни, в особенности на государственной службе. Несмотря на то, что многие неказахские этносы воспринимают нынешнюю политику государства по развитию казахского языка с пониманием, они с опасением смотрят на их перспективы в стране в будущем. В этой связи авторы данного исследования настоятельно рекомендуют проводить политику по развитию государственного языка с учетом интересов других этнических групп и с обязательным внедрением различных учебных и языковых программ для представителей неказахской национальности по изучению казахского языка.

В этой связи следует также обратить внимание на положение оралманов и узбеков в Южно-Казахстанской области. Как показало исследование, представители этих двух общин имеют недостаточный доступ к оросительной воде для сельскохозяйственных нужд. В прошлом это обстоятельство нередко являлось причиной конфликтов между этими двумя этническими группами. До сих пор они разрешались при посредничестве структур гражданского общества внутри самих этнических групп, таких как советы старейшин. Однако, учитывая тот факт, что из-за редких осадков и засушливого климата на юге страны проблемы с доступом к воде по всей видимости сохранятся и впредь, необходимы безотлагательные альтернативные решения для водоснабжения в регионе, чтобы избежать конфликтов между двумя этническими группами в будущем.

Кроме того, исследование показало, что все больше этнических групп указывают на настоятельную необходимость реформы Ассамблеи народа Казахстана. Всеми опрошенными этническими группами ожидается, что Ассамблея не будет впредь ограничиваться только лишь мероприятиями по развитию культуры и идентичности этнических групп, а будет также заботиться об их политических интересах и превратится в действенный орган для продвижения политических и гражданских инициатив различных этносов страны. Нынешняя символическая роль Ассамблеи и ее недостаточная компетентность в принятии политических решений подвергаются критике со стороны всех этнических групп, проживающих в Казахстане. Кроме этого, настоятельно рекомендуется создание четкой и прозрачной организационной структуры Ассамблеи. Как было показано выше, внутри Ассамблеи имеется большое количество комитетов, функции которых дублируются или, в некоторых случаях, не совсем понятны. Тем самым, необходимо реформировать структуру и роль Ассамблеи народа, с тем чтобы она могла оставаться и в дальнейшем прочной институциональной основой для развития взаимопонимания между этническими группами в Казахстане.

Наконец, возвращаясь к вопросу нашего исследования о вероятности возникновния межэтнического конфликта в Казахстане, результаты нашего исследования показывают, что вероятность возникновения такого конфликта в Казахстане в настоящий момент очень низкая. Как показало исследование, среди большинства этнических групп в Казахстане присутствует высокая степень патриотизма и гордости за страну, ее достижения и ее людей. Отношения между этническими группами характеризуются высокой степенью взаимопонимания и терпимостью. Все группы респондентов подчеркивают необходимость дальнейшего развития межэтнического мира и согласия в стране и подчеркивают важность развития диалога между

отдельными национальностями и государством.

В этой связи также важно отметить то, что вопреки прогнозам конфликт в Украине не вылился в этническую мобилизацию русского населения в Казахстане. Исходя из результатов опроса, можно сказать, что этому отчасти способствовала критическая позиция русского населения Казахстана по отношению к России. Как показали интервью со студентами в Астане и Алматы, многие молодые русские критикуют внешнюю политику России, в то время как лишь небольшая часть из них планирует вернуться туда. С другой стороны, правительство Казахстана пользуется достаточно сильной поддержкой среди почти всех опрошенных национальных групп. Конструктивная роль государства и, в частности, его руководителей в поддержании межэтнического мира и согласия между этническими группами находит всеобщую поддержку и одобрение среди всех опрошенных этнических групп.

8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В силу присутствия различных национальных и этнических групп многонациональные государства могут характеризоваться внутренней и внешней напряженностью, что может в конце концов привести к конфликтам, в особенности в тех случаях, когда национальные группы считают себя частью культурной нации, которая выходит за пределы нескольких национальных государств (см. Schnellbach, 2016). Ярким тому примером могут послужить недавние события, произошедшие в Украине, когда русское население Крымского полуострова проголосовало на референдуме за отделение от Украины и воссоединение с Россией. Присутствие многочисленного русского населения на полуострове стало источником и причиной проявления ирредентистских настроений среди русских националистов, поддержанных правительством России. Аннексия Крыма создала прецедент для ряда других русских ирредентистких движений на территории бывшего Советского Союза (например, в Восточной Украине), а также возникновению целого ряда заговоров и прогнозов среди экспертного сообщества относительно вероятности возникновения аналогичных конфликтов на территории других бывших советских республик, где проживает русское население. Казахстан является одним из таким государств, где по причине полиэтнического состава его населения многие ожидали вспышку межэтнического конфликта по украинскому сценарию.

Данное исследование показало, что эти опасения были в значительной степени безосновательными. Многие этнические группы, проживающие в Казахстане, живут в мире и согласии и достаточно хорошо чувствуют себя в этом многонациональном государстве. Как уже отмечалось, межэтнический конфликт в Украине не привел к мобилизации этнических групп в Казахстане. В то же время иследование показало, что в настоящий момент нет свидетельств тому, что русское население используется Россией в качестве предлога для нарушения территориальной целостности Казахстана.

Также, данное исследование показало, что казахстанская модель межэтнической толерантности и солидарности, которая нашла свое воплощение в Ассамблее народа Казахстана и этнокультурных центрах, показала себя до сих пор эффективной. Очевидно, что данная модель в значительной степени отвечает интересам этнических групп. Как неоднократно подчеркивалось в докладе, эта модель широко поддерживается этническими группами.

Несмотря на эту положительную оценку, исследование также дало понять, что для поддержания межэтнического мира недостаточно того, чтобы государство предоставляло своим национальным группам возможность удовлетворять только лишь их культурные и языковые потребности. Если государство серьезно относится к вопросу сохранения гармоничного и мирного сосуществования своих национальных и этических групп, требуется большего. Международный опыт показывает, что установление прочного мира в многонациональном государстве требует осуществления экономических, политических и культурных правовых гарантий для национальных и этнических групп. Как мы уже говорили выше, казахстанская модель межэтнической толерантности в настоящее время предлагает этническим группам только лишь индивидуальные и групповые права, связанные с развитием их идентичности, такие как, например, право на свободное использование родного языка и культуры. Наши опросы показали, что для многих национальных групп эти права недостаточны, чтобы чувствовать себя равными в обществе. В этом отношении растущая критика в адрес Ассамблеи народа Казахстана, а именно в недостатке ее политического влияния, должна быть воспринята всерьез политическим руководством страны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Agentur für Statistik der Republik Kasachstan (2000): Migratsiya naseleniya. Itogi perepici naseleniya 1999 goda (Migration der Bevölkerung. Ergebnisse der Volkszählung im Jahr 1999). Almaty

Agentur für Statistik der Republik Kasachstan (2011): Migratsiya naseleniya. Itogi perepici naseleniya 1999 goda (Migration der Bevölkerung. Ergebnisse der Volkszählung im Jahr 2009). Astana

Alff Henryk (2011): Soziale Netzwerke statt staatlicher Hilfe: Mobilitaet und Integration kasachischer Migranten im "Land ihrer Vorvaeter", in: *Zentralasien-Analysen*, 41, 2-5.

Allison, Roy (2014): Russian 'deniable' intervention in Ukraine: how and why Russia broke the rules. *International Affairs*, 90:6, 1255-1297.

Aumann Wladimir A. (2015): Zu einigen Problemen der aktuellen Lage und der Perspektiven der deutschen Minderheit auf dem Territorium der ehemaligen UdSSR. In *Ethnisch Deutsche Kasachstans. Eine Brücke zwischen Astana und Berlin*. Materialien der internationalen wissenschaftlich-praxisorientierten Konferenz (Astana, 5-7. Oktober 2015), 527-534.

Beacháin, Donnacha & Kevlihan, Rob (2013): Threading a needle: Kazakhstan between civic and ethno-nationalist state-building. *Nations and Nationalism*, 19:2, 337-356.

Beyer, Judith (2010): Ethnonationalismus in Kirgistan: die Ereignisse im Juni 2010. Zentralasien-Analysen, 31:32, 11-16.

Bigg, Claire (2008): "Solzhenitsyn Leaves Troubled Legacy Across Former Soviet Union", Radio Free Europe Radio Liberty, August 6, https://www.rferl.org/a/ Solzhenitsyn_Leaves_Troubled_Legacy_Across_Former_Soviet_Union/1188876.html

Bhavna, Dave (2007): Kazakhstan-Ethnicity, Language and Power. Routledge

Boranbaibuly, Amanzhol (2013): Semya I brak v sovremennom Kasachstane (Familie und Ehe in modernem Kasachstan), Almaty

Bremmer, Ian (1994): Nazarbaev and the north: State-building and ethnic relations in Kazakhstan. *Ethnic and Racial Studies* 17:4, 619-635.

Bremmer, Ian & Welt, Cory (1995): Kazakhstan's quandary, Journal of Democracy, 6:3, 139-154.

Bremmer, Ian & Welt, Cory (1996): The trouble with democracy in Kazakhstan, Central Asian Survey, 15:2, 179-200.

Brubaker, Rogers (1995): National Minorities, Nationalizing States, and External National Homelands in the New Europe, *Daedalus*, 124:2, 107-132.

Brubaker, Rogers (2000): Accidental diasporas and external 'homelands' in Central and Eastern Europe: past and present, Institut für Höhere Studien (IHS), Wien (Ed.) (Reihe Politikwissenschaft / Institut für Höhere Studien, Abt. Politikwissenschaft 71), 1-19. URN: http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0168-ssoar-246552

Bundesverwaltungsamt (2016): Spätaussiedler und ihre Angehörigen. Zeitreihe 1992-2015. Herkunftsstaaten ehemalige Sowjetunion, http://www.bva.bund.de/Shared Docs/Downloads/DE/BVA/Staatsangeh%C3%B6rigkeit/Aussiedler/Statistik/Zeitreihe_1950_2016.pdf?__blob=publicationFile&v=3

Demin, Oleg & Gasaliev, Arstan (2012): 65 let s nachala deportatsii zhiteley Ukrainy v Kasachstan. Sbornik materialov kruglogo stola (65 Jahre seit der Deportation der Bewohner der Ukraine nach Kasachstan. Materialien des runden Tisches), Karaganda, http://history.org.ua/LiberUA/978-601-296-340-3/978-601-296-340-3.pdf

Diener, Alexander (2004): *Homeland Conceptions and Ethnic Integration among Kazakhstan's Germans and Koreans*, Lewiston: E. Mellen Press

Diener, Alexander (2005): Kazakhstan's Kin State Diaspora: Settlement Planning and the Oralman Dilemma, *Europe-Asia Studies*, 57:2, 327-348.

Diener, Alexander (2005a): Problematic integration of Mongolian-Kazakh Return Migrants in Kazakhstan, *Eurasian Georgraphy and Economics*, 46:6, 465-478.

Diener, Alexander C. (2015): Assessing potential Russian irredentism and separatism in Kazakhstan's northern oblasts, *Eurasian Geography and Economics*, 56:5, 469-492.

Cerny, Astrid (2010): Going where the grass is greener: China Kazaks and the Oralman immigration policy in Kazakhstan. *Pastoralism*, 1:2, 218-247.

Die Verfassung der Republik Kasachstan von August 30, 1995, inoffizielle Übersetzung, http://adilet.zan.kz/eng/docs/K950001000

Eschment, Beate (1996): Das" Chanat Nazarbaevs". Innenpolitische Entwicklungen 1995 in Kazachstan. *Osteuropa*, 46:9, 876-899.

Eschment, Beate (2011): Von zwischennationaler Eintracht zu nationaler Einheit? Nationalitätenpolitik und Situation der nationalen Minderheiten in Kasachstan. In: Institut für Friedensforschung und Sicherheitspolitik an der Universität Hamburg / IFSH (Hrsg.), *OSZE-Jahrbuch 2010*: 133 – 149.

Esenova, Saulesh (1996): The outflow of minorities from the post-Soviet state: The case of Kazakhstan, *Nationalities Papers*, 24:4, 691-707.

Fallon, Michael (2015): "Russia a threat to Baltic states after Ukraine conflict, warns Michael Fallon", The Guardian, February 19, 2015,

https://www.theguardian.com/politics/2015/feb/19/russia-a-threat-to-baltic-states-after-ukraine-conflict-warns-michael-fallon

Finke, Peter (2013): Historical homelands and transnational ties: the case of the Mongolian Kazaks. *Zeitschrift für Ethnologie*, 175-193.

Goble, Paul (2014): "Crimea a Precedent for Russian Actions across Former Soviet Space, Influential Russian Analysis Says." *Interpreter*

Halbach, Uwe (2008): Regionalorganisationen in Zentralasien zwischen Integrationstheater und realer Kooperatio n. *Zentralasienanalysen*, 1, 3-6.

"Isbrany 9 deputatov v mazhilis ot Assamblei naroda Kazakhstana" (Neun Abgeordnete wurden durch die Versammlung des Volkes gewählt), in: Kapital, 21.03.2016, https://kapital.kz/gosudarstvo/48838/izbrany-9-deputatov-v-mazhilis-ot-assamblei-naroda-kazahstana.html

Jones, Nathan Paul (2010): "Assembling" a civic nation in Kazakhstan: the nation-building role of the assembly of the peoples of Kazakhstan. *Caucasian Review of International Affairs*, 4:2, 159-168.

Kadyrshanow, Rustem (1996): Die ethnopolitische Situation im multinationalen Kasachstan. Bundesinstitut für ostwissenschaftliche und internationale Studien (Hrsg), *Berichte / BIOst, 4.* URN: http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0168-ssoar-42262

Kaiser, Robert, and Jeff Chinn (1995): Russian-Kazakh Relations in Kazakhstan. *Post-Soviet Geography* 36:5, 257-273.

Kaiser, Markus (2015a): "Kazakhstan's Model of Interethnic Tolerance: A Success Story?", ZEF News 32 [Zentrum für Entwicklungsforschung], University Bonn

Kaiser, Markus (20156): Kazakhstan's Model of Interethnic Tolerance from a European Perspective. In *Kazakhstan Model of Interethnic Tolerance and Social Consent of N.A. Nazarbayev: Twenty Years of Success and Creation* (Materialien der internationalen wissenschaftlich-praxisorientierten Konferenz), Almaty: 29-37.

Kalaschnikowa Natalia P. (2015): Die Versammlung des Volkes Kasachstans: Entwicklung von gesellschaftlichen Institutionen, die Identität und Einheit schaffen können. In *Ethnische Deutsche Kasaschstans: Eine Brücke zwischen Astana und Berlin* (Materialien der internationalen wissenschaftlich-praxisorientierten Konferenz. Astana, 5-7. Oktober, 2015), Assoziation der Deutschen in Kasachstan "Wiedergeburt", Almaty, 296-299.

Kamalov, Ablet (2012): Ethno-national and local dimensions in the historiography of Kazakhstan's Uyghurs. *Central Asian Survey* 31:3, 343-354.

Karagiannis, Emmanuel (2014): The Russian Interventions in South Ossetia and Crimea Compared: Military Performance, Legitimacy and Goals, Contemporary Security Policy, 35:3,400-420, DOI:10.1080/13523260.2014.963965

Karpykova G.A (1997): Iz istorii nemtsev Kasachstana (1921-1975). Sbornik dokumentov (Из истории немцев Ка-

захстана (1921-1975 гг.). Сборник документов). Almaty/Moskau

Kolsto, Pal (1998): Anticipating Demographic Superiority: Kazakh Thinking on Integration and Nation Building *Europe-Asia Studies*, 50:1, 51-69.

Kommunique der 15. Sitzung der Deutsch-Kasachischen Regierungskommision für die Angelengenheiten der ethnischen Deutschen in der Republik Kasachstan, https://www.koschyk.de/international/15-sitzung-der-deutsch-kasachischen-regierungskommission-fuer-die-angelegenheiten-der-ethnischen-deutschen-in-der-republik-kasachstan-am-11-juli-2017-in-astana-intensive-beratungen-zur-situation-28711.html

Kosmarskaya, Natalya (2011): Russia and Post-Soviet "Russian Diaspora": Contrasting Visions, Conflicting Projects, *Nationalism and Ethnic Politics*, 17:1, 54-74, DOI: 10.1080/13537113.2011.550247

Kucera, Joshua (2014): "North Kazakhstan isn't the next Crimea — yet", Aljazeera America, June 19, http://america.aljazeera.com/articles/2014/6/19/north-kazakhstanisntthenextcrimeaayet.html

Kuscu, Isik (2008): Kazakhstan's oralman project: A remedy for ambiguous identity?. Indiana University

Laruelle, Marlene (2015): Negotiating Social Activism: National Minority Associations in Kazakhstan, or the Other Face of "Civil Society". In Charles E. Ziegler (Hrsg.), *Civil Society and Politics in Central Asia*, University Press of Kentucky, pp.111-133.

Laruelle, Marlene (2016): Why No Kazakh Novorossiya? Kazakhstan's Russian Minority in a Post-Crimea World, *Problems of Post-Communism*, DOI: 10.1080/10758216.2016. 1220257

Lijphart, Arend (1977): Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration. New Haven, CT: Yale University Press

Lillis, Joanna (2009): "Polyglot Harmony". *TOL – Transitions Online: Regional Intelligence*, January 15, http://www.tol.org/client/article/20300-polyglot-harmony. html

Melich, Jiri and Aigul Adibayeva (2013): Nation-building and cultural policy in Kazakhstan. *European Scientific Journal*, 2, 265-279.

Melvin, Neil (1993): Russia and the ethno-politics of Kazakhstan. The World Today, 49:11, 208-210.

Menin Kasachstanym (2015): Spravochnik o deyatelnosti ethnokulturnykh tsentrov (Менин Казахстаным. Справочник о деятельности этнокультурных центров), Astana

Nechayeva, Elena et al. (2016): "Ukranian Diaspora in Kazakhstan" *Studia Politica Slovaca*: časopis pre politické vedy, najnovšie politické dejiny a medzinárodné vzťahy 1:9, 5-15.

Nourzhanov, Kirill & Amin, Saikal (1994): The New Kazakhstan; has something gone wrong?, *The World Today*, 50:12, 225-229.

Nowicki, Melvin (2000): Kazakhstan's nonprofit sector at a crossroad on the Great Silk Road. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 11:3, 217-235.

Oka, Natsuko, and岡奈津子. (2011): Neither exit nor voice: Loyalty as a survival strategy for the Uzbeks in Kazakhstan. Institute of Developing Economies, Working Paper

Oka, Natsuko (2013): A note on ethnic return migration policy in Kazakhstan: Changing priorities and growing dilemma, *IDE (Institute of Developing Economies) Discussion Paper*, Nr. 394

Olcott, Martha Brill (1995): The Kazakhs, 2nd Edition, Stanford: Stanford University Press

O'Loughlin, John & Toal, Gerard & Kolosov, Vladimir (2016): Who identifies with the "Russian World"? Geopolitical attitudes in southeastern Ukraine, Crimea, Abkhazia, South Ossetia, and Transnistria, *Eurasian Geography and Economics*, 57:6, 745-778, DOI: 10.1080/15387216.2017.1295275

Peyrouse, Sebastien (2008): *The Russian minority in Central Asia: Migration, politics, and language*. Nr. 297. Woodrow Wilson International Center for Scholars

Peyrouse, Sébastien (2007): Nationhood and the minority question in Central Asia. The Russians in Kazakhstan. *Europe-Asia Studies* 59:3, 481-501.

Podoprigora Julia I. (2015): Ethnisch Deutsche Kasachstans: moderne ethnosoziale Prozesse. In *Ethnisch Deutsche Kasachstans*. *Eine Brücke zwischen Astana und Berlin*. Materialien der internationalen wissenschaftlichpraxisorientierten Konferenz (Astana, 5-7. Oktober 2015), 457-467.

Roberts, Sean R (2009): Imagining Uyghurstan: re-evaluating the birth of the modern Uyghur nation. *Central Asian Survey*, 28:4, 361-381.

Rogstad, Adrian (2016): The Next Crimea? Getting Russia's Transnistria Policy Right, *Problems of Post-Communism*, DOI: 10.1080/10758216.2016.1237855

Sanders, Rita (2013): Deutsche im ländlichen Kasachstan: Das Streben nach besseren Lebensumständen und die Rolle von Ethnizität. *Zeitschrift für Ethnologie*, 195-216.

Savoskul Maria C. (2016): Reemigratsiya rossiyskich nemtsev iz Germanii v Rossiyu: factory I masschtaby (Реэмиграция российских немцев из Германии в Россию: факторы и масштабы явления). Демоскоп Weekly. Nr.681-682. http://demoscope.ru/weekly/2016/0681/analit01pphp

Shanatibieke, Mayinu (2016): China Kazakhs' emigration to Kazakhstan from a modernity perspective. Crossroads Asia Wrking Paper Series, 37, https://bonndoc.ulb.uni-bonn.de/xmlui/handle/20.500.11811/168

Schatz, Edward AD (2000): Framing strategies and non-conflict in multi-ethnic Kazakhstan. *Nationalism and Ethnic Politics* 6:2, 71-94.

Schlager, Edda und Budde, Vanja (2014): "Kasachstan. In der Umarmung des russischen Bären", Deutschlandfunk, October 5, http://www.deutschlandfunk.de/kasachstan-in-der-umarmung-des-russischen-baeren.724. de.html?dram:article_id=299411

Schnellbach, Christoph (2016): Vielvölkerstaat. In: Online-Lexikon zur Kultur und Geschichte der Deutschen im

östlichen Europa, 2016. URL: https://ome-lexikon.uni-oldenburg.de/begriffe/vielvoelkerstaat/

Schönhuth, Michael & Kaiser, Markus (2015): "Einmal Deutschland und wieder zurück. Umkehrstrategien von (Spät-) Aussiedlern im Kontext sich wandelnder Migrationsregime". In Kaiser, Markus & Michael Schönhuth, eds. *Zuhause? Fremd? Migrations-und Beheimatungsstrategien zwischen Deutschland und Eurasien,* Vol. 8. Transcript Verlag, 275-295.

Simão, Licínia. (2016): The Ukrainian conflict in Russian foreign policy: Rethinking the interconnections between domestic and foreign policy strategies, *Small Wars & Insurgencies*, 27:3, 491-511, DOI: 10.1080/09592318.2016.1175141

Smailova A.A (2010): Perepis' naseleniya Respubliki Kasachstan. Kratkie itogi. Statistitschesky sbornik (Перепись населения Республики Казахстан 2009 года. Краткие итоги. Статистический сборник), Astana (Statistisches Komitee der Republik Kasachstan, Volkszählung 2009. Kurzbericht)

Sue Davis & Steven O. Sabol (1998): The importance of being ethnic: Minorities in post-soviet states—the case of Russians in Kazakstan, *Nationalities Papers*, 26:3, 473-491, DOI: 10.1080/00905999808408578

Taschtemchanowa Rajhan M. & Bajmuldina Aigerim U. (2015): Deutsche Minderheit in Kasachstan: Die Geschichte in den menschlichen Leben. In *Ethnisch Deutsche Kasachstans*. *Eine Brücke zwischen Astana und Berlin*. Materialien der internationalen wissenschaftlich-praxisorientierten Konferenz (Astana, 5-7. Oktober 2015), 379-385.

Tauschwitz, Yves-Oliver (2015): Nicht geboren zum in Deutschland leben. Eine Interviewstudie zu den Motiven Russlanddeutscher. In Kaiser, Markus & Michael Schönhuth, eds. *Zuhause? Fremd?: Migrations-und Beheimatungsstrategien zwischen Deutschland und Eurasien*. Vol. 8. Transcript Verlag, 149-170.

Toiken, Saniya (2015): "Dlya Oralmanov iz Irana poluchenie grazhdanstva stalo mechtoy" (Für Oralmanen aus Iran die Erhaltung der Staatsbürgeschaft wurde zu einem Traum), Azattyk, June 3, https://rus.azattyq.org/a/oralmany-iz-irana-problemy-s-grazhdanstvom/27050675.html

Trimbach, David and O'Shannon (2015): Russians in Estonia: Is Narva the next Crimea? *Eurasian Geography and Economics*, 56:5, 493-504.

Von Gumppenberg, Marie-Carin (2002): Staats- und Nationsbildung in Kazachstan, Opladen: Leske + Budrich

Zardykhan, Zharmukhamed (2004): Russians in Kazakhstan and demographic change: imperial legacy and the Kazakh way of nation building. *Asian Ethnicity*, 5:1, 61-79.

Zevelev, Igor (1996): Russia and the Russian Diaspora. Post-Soviet Affairs, 12:3, 265-284.

UNDP, Polozhenie oralmanov v Kazakhstane. Obsor (Положение оралманов в Казахстане. Обзор), Алматы 2006, http://www.kz.undp.org/content/dam/kazakhstan/docs/library/7023-21565.pdf

Zakon Respubliki Kasachstan "Ob Assamblee Narodov Kasachstana" (Закон Республики Казахстан "Об Ассамблее народа Казахстана" от 20 октября 2008 года N 70-IV), http://assembly.kz/ru/zakon-respubliki-kazahstan-ob-assamblee-naroda-kazahstana

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Д-р Абдирайымова Гульмира является заведующей кафедрой социологии и социальной работы КазНУ им.аль-Фараби, директором Центра социологических исследований и социального инжиниринга. Доктор социологических наук (КазНУ им.аль-Фараби), профессор. В круг ее научных интересов входят социология образования, социология науки, социология молодежи, прикладная социология, социальные структуры, социальные институты и процессы.

Д-р Бейменбетов Серик работает в Казахстанско-Немецком Университете научным координатором. Доктор политических наук (Университет г. Эксетер, Великобритания). В его научные интересы входят региональная интеграция, гражданский сектор, политические партии и трансформационные процессы на постсоветском пространстве.

Д-р Бурханова Дана является и.о. доцента кафедры социологии и социальной работы КазНУ им. Аль-Фараби. Она получила степень доктора социологических наук (Ph.D) в КазНУ им.аль-Фараби. Степень магистра социологии она получила в Университете Париж-Сорбонна (Париж IV). В круг ее научных интересов входят социология молодежи, социальные структуры, социальное неравенство, социальные ценности, социальные институты и процессы.

Д-р Кайзер Маркус является президентом Казахстанско-Немецкого Университета в г. Алматы. Он получил степень доктора социологических наук в Университете г. Билефельд и работал в университетах г. Трир, Билефельд, а также в научно-исследовательском центре развивающихся стран при Боннском университете. Он являлся приглашенным профессором в ряде университетов России, Таиланда, Кыргызстана и Казахстана. В круг его научных интересов входят миграционные процессы, региональные исследования, интеграция и нациестроительство.

Д-р Касымова Дидар преподает международные отношения и историю в Университете КИМЭП в г. Алматы. Она является доктором исторических наук (КазНУ им. Аль-Фараби). Ее научные интересы включают этническую миграцию, этнические группы в Казахстане, сталинизм и общество в Казахстане.

Д-р Серикжанова Сабира работает и.о. доцента на кафедре социологии и социальной работы КазНУ им.аль-Фараби, заместитель заведующего кафедры по научно-инновационной деятельности и международным связям. Она является Ph.D в социологии (КазНУ им.аль-Фараби). В круг ее научных интересов входят городская социология, экономическая социология, социология повседневности, социальное неравенство, городские сообщества и группы, социальная идентичность.

Д-р Шаповал Юлия работает доцентом на кафедре религиоведения в Евразийском национальном университете им. Л.Н. Гумилева, г. Астана. Кандидатскую и докторскую диссертации защитила в Институте философии, политологии и религиоведения КН МОН РК (1999 и 2010 гг). В сферу ее научных интересов входят антропология религии, социология религии, этносоциология и сравнительное религиоведение.

Д-р Шарипова Дина является старшим преподавателем политических наук и директором по науке в колледже социальных наук при Университете КИМЭП в г. Алматы. В 2013 году она получила докторскую степень в области политологии в Университете Индианы (Блумингтон). Ее научные интересы включают государственное и нациестроительство, неформальные институты, проблемы идентичности и этнические меньшинства в Центральной Азии. В настоящее время она работает над монографией о трансформации и преемственности неформальных институтов в Казахстане.

Автор экскурса «Реэмиграция немцев из Германии в Казахстан» (стр.47):

Д-р Айсфельд Альфред - эксперт в области истории и культуры немцев, проживавших на территории бывшей Российской Империи, впоследствии Советского Союза и стран СНГ. В Рейнском Боннском университете Фридриха Вильгельма (1975) и в Мюнхенском университете Людвига-Максимилиана (1977) изучал историю юго-восточной Европы. В 1983 году в Мюнхене защитил докторскую диссертацию. Доктор исторических наук. С 2010 году научный сотрудник Института Северо-Востока (IKGN e.V.) в Гёттингене.